

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

(ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

ВВЕДЕНИЕ

Калининградская область — северная часть бывшей Восточной Пруссии, — согласно решению Потсдамской конференции в 1945 г., вошла в состав Советского Союза. В связи с этим особый интерес приобретает изучение древностей этой территории.

Калининградская область расположена на крайнем западе СССР; с севера и с запада она омывается Балтийским морем и двумя заливами — Курским и Вислинским, на востоке граничит с Литовской ССР, на юге — с Польской Народной Республикой.¹

Территория области представляет собой низменную равнину, несколько повышающуюся на юго-востоке, юго-западе и западе, где проходят три гряды конечноморенных холмов, перемежающихся с болотными низинами и озерами.

Водной магистралью является р. Преголя, образующаяся из слияния рр. Инструп и Анграппы. На востоке, на границе с Литовской ССР, течет Неман, впадающий многочисленными рукавами в Балтийское море.

На западе далеко в море выдается Калининградский (бывш. Земландский) полуостров — плато, ниспадающее к морю уступом от 7 до 60 м. Калининградский полуостров на севере завершается Курской песчаной косой;

на юге от него отходит Балтийская коса. На побережье и косах развит дюнный рельеф. Почвы этой территории песчаные и глинистые, лишь в устье Немана встречается плодородный наносный грунт. Значительная часть Калининградской области занята лесами, преимущественно смешанными, с преобладанием лиственных пород: липы, ясеня, граба, дуба, березы; на юго-востоке встречаются хвойные породы.

Балтийское побережье Калининградской области является наиболее крупным месторождением янтаря. Эта измененная смола деревьев третичного возраста в условиях песчаных прибрежных осадков сохраняет свою чистоту и прозрачность и приобретает свойства минерала.

Территория Калининградской области очень богата археологическими памятниками различных эпох, начиная с каменного века.

Следы пребывания человека в эпоху палеолита здесь пока неизвестны. Единственной находкой, относящейся к этому древнейшему периоду, является наконечник отполированного костяного копья из окрестностей Гусева.²

Эпоха мезолита представлена случайными находками, обнаруженными, главным образом в торфяниках. Найдены орудия из кремня как в форме микролитов, так и в виде более крупных изделий. Среди поделок из

¹ Физико-географическая характеристика территории составлена на основании работ Л. Вершинина «Природа Калининградской области» (Литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград, 1951, стр. 276 и 277) и Ф. Магера (F. M a g e r a. Ostpreussen. Hamburg, 1922).

² H. Gross. Der erste sichere Fund eines paläolithischen Geräts in Ostpreussen. Mannus, 1937, Bd. 29.

кости и рога северного оленя и лося гарпуны и крючки, топоры типа Лингби.³

Памятники эпохи неолита встречаются почти исключительно в виде подъемного материала. В большом количестве обнаружены они на Курской косе. На этой узкой полосе земли, имеющей в ширину всего 1—1,5 км, омываемой Балтийским морем и Курским заливом, на дюнах, прилегающих к заливу, часто находят черные пятна очагов, керамику, кремневые изделия, кусочки янтаря и поделки из него, кости животных и т. д.⁴

Близ Зеленоградска отмечены неолитические погребения. Захоронения произведены по обряду труположения. Костяки лежат на боку в скорченном положении. В погребениях встречены каменные топоры, мелкие кремневые орудия, костяные иглы и керамика.⁵

Неолитическая керамика представлена круглодонными и остродонными сосудами с ямочно-гребенчатым орнаментом, что сближает керамику Калининградской области с аналогичной керамикой лесной полосы Европейской части СССР. Наряду с этим встречается керамика со шнуровым орнаментом.

Из других находок, относящихся к эпохе неолита, следует упомянуть поделки из янтаря. Это антропоморфные и зооморфные подвески и миниатюрные изображения орудий. Встречаются украшения и амулеты в виде просверленных камней и зубов животных.⁶

³ W. Gaerte. 1) Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929; 2) Auf den Spuren des ostpreussischen Mammut und Renttierjägers. Mannus, 1936, Bd. 18, стр. 253 и сл. — H. Gross. 1) Das Renttier in der ostpreussischen Vorgeschichte. Altpreussen, 1940, H. 1, стр. 1 и сл.; 2) Die Renttierjäger-Kulturen Ostpreussens. Praehistorische Zeitschrift, 1939—1940, Bd. XXX, стр. 39—66.

⁴ E. Hollack. Bericht über seine Untersuchungen und Ausgrabungen auf der Kurischen Nehrung im Juli 1894. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft «Prussia» (в дальнейшем: «Prussia»), 1895, Bd. 19, стр. 146, 159. — M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IX, Berlin, 1927, стр. 247—269.

⁵ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 46 и сл.

⁶ O. Tischler. Beiträge zur Kenntnis der Steinzeit in Ostpreussen und den angrenzenden Gebieten. Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft (в дальнейшем: Schriften), 1882, Bd. 23, стр. 17—26.

Территорией, наиболее насыщенной памятниками эпохи бронзы, является Калининградский полуостров. Погребальные памятники эпохи бронзы здесь представлены курганами, исследованными в большом количестве. Они выложены из камней с концентрическими каменными кругами у основания. Внутри кургана сооружены камеры, также из камней.

В более древних памятниках погребения совершены по обряду труположения; в эпоху поздней бронзы, которая здесь доходит до V в. до н. э., распространяется трупосожжение.⁷

Известен также ряд кладов оружия и украшений.⁸ Находки, относящиеся к эпохе бронзы, во многом близки к неолитическим. Это наблюдается прежде всего в керамике; круглодонные, неорнаментированные сосуды эпохи ранней бронзы по форме сходны с неолитическими сосудами, украшенными шнуровым орнаментом. На ранних каменных орудиях этой эпохи также можно проследить связь с формами неолитических изделий. Это отмечается и на первых изделиях из металла. Вместе с тем в эпоху поздней бронзы появляются широкогорлые, вытянутые сосуды с двух- или трехчастной ручкой и изредка лицевые урны. В более позднее время эпохи бронзы в курганах находят топоры-кельты, двусторонние мечи, топоры с полукруглым лезвием, наконечники копий с далеко входящей в наконечник втулкой, а также украшения в виде несомкнутых гривн, браслетов, булавок и т. д.⁹

Торговля янтарем придает специфический характер местным памятникам эпохи бронзы. Здесь, на территории, где добывался янтарь, можно встретить много импортных изделий, среди них уже в эпоху древней бронзы — изделия Кавказа. Таковы спиральные

⁷ O. Tischler. Ostpreussische Grabhügel. Schriften, 1886, Bd. 27, стр. 113—176. — A. Bezenberger. Hügelgrab bei Gross-Blumenau. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 108—143. — D. Bohnsack. Einige neue Bronzefunde aus Gr. Hubnicken. Kreis Samland. Altpreussen, 1940, H. 2. — M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IX, стр. 314—315.

⁸ A. Bezenberger. Ein ostpreussischer Bronze-Depotfund. Opuscula archaeologica Oscari Montelio. Chelm, 1913, стр. 141—153.

⁹ Katalog der Prussia Museum. Königsberg, 1906. — A. Bezenberger. Analysen vorgeschichtlichen Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904. — E. Hollack. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Berlin, 1908, стр. XXVII, XLVI и сл.

пряжки, ажурные подвески, булавки с трапециевидной головкой и другие украшения.¹⁰

Обычай погребения в курганных могильниках продолжают существовать и в эпоху раннего железа вплоть до первых веков нашей эры. Число археологических памятников в I тысячелетии н. э. значительно увеличивается.

Интересные и своеобразные археологические памятники Калининградской области смежной с нею территории до сих пор почти не освещались в русской литературе.

Настоящая работа является попыткой восполнить этот пробел применительно преимущественно к памятникам I и начала II тысячелетия н. э. — наиболее многочисленной и яркой группе памятников на территории Калининградской области, особенно на Калининградском полуострове.

Предлагаемая работа состоит из историографического очерка, глав, посвященных характеристике поселений и погребений, заключительной главы и приложения.

Материал глав, посвященных поселениям и погребениям, неравноценен. Глава о поселениях строится в основном на данных небольших археологических работ Калининградского отряда Славянской экспедиции ИИМКа 1949—1951 гг.,¹¹ а глава о могильниках содержит суммарную характеристику огром-

ного материала, накопленного немецкой археологической наукой за многие десятилетия.

В заключительной главе на основании данных погребальных памятников и поселений ставятся некоторые вопросы относительно этнического состава населения и его социально-экономического строя; при этом привлекаются и письменные источники.

К работе прилагаются материалы, добытые Калининградским отрядом Славянской экспедиции ИИМК в 1949—1951 гг.

Географическая номенклатура там, где это возможно, приводится в новом наименовании. В конце работы приложен список переименованных пунктов.

Автор считает своим долгом выразить благодарность всем сотрудникам группы славяно-русской археологии Ленинградского отделения ИИМК, особенно М. А. Тихановой, а также Е. Ч. Скрижинской, Х. А. Моора и М. Х. Шмидехельм, за помощь при написании настоящей работы. Автор весьма признателен Калининградскому областному музею, принимавшему активное участие в археологических исследованиях.

При подготовке рукописи к печати помощь автору оказали: М. Г. Агаронян, М. Ф. Бирюкова, Э. М. Задунайская, М. В. Казанкова, С. В. Николаева, В. С. Сорокин и С. С. Сорокин, которых автор также благодарит за их труд.

Г л а в а I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

Собирание археологических памятников Восточной Пруссии началось очень давно и было сосредоточено почти исключительно в руках представителей прусской науки. Еще в XVII—XVIII вв. появляются описания отдельных археологических памятников. Таковы работы Гарткноха (1684 г.), Гельвинга (1717 г.), Г. Х. Писанского (1769 г.), И. Наронского¹² и др.

В 1790 г. в Кенигсберге организуется

Естественно-Экономическое общество, занимавшееся, наряду с другими дисциплинами изучением древнейшего прошлого Восточной Пруссии, в частности собиранием археологического материала.

В 20-х годах XIX в. выходит многотомная «История Пруссии» И. Фойгта, в первых томах которой автор пытается воссоздать облик поселений древних пруссов на основании тех данных, которые оставили летописцы крестоносцев, в частности Петр Дусбургский попавший в эту страну в 30-х годах XIII в. И. Фойгт отмечает, что в стране древних пруссов имелось большое количество укрепленных поселений, которые орден впо-

¹⁰ A. B e z z e n b e r g e r. Bronzezeitliche Beziehungen Ostpreussens zum Kaukasus. Труды XV археол. съезда, М., 1914, стр. 143 и сл.

¹¹ В отдельных случаях привлекаются материалы раскопок 1956 г.

¹² Сведения об указанных авторах взяты из работ: E. H o l l a c k. Erläuterungen . . . , стр. 224—232. — J. A n t o n i e w i c z. Józef Naronski,

polski inwentaryzator grodzisk w XVII wieku w Prusach. Wiad. Archeol., 1950, t. XVII, z. 1, стр. 1—24.

следствии использовал для строительства городов и замков.¹³

В 1826—1828 гг. лейтенант Ф. Гуизе вел регистрацию и зарисовку древних укреплений Восточной Пруссии. Ему удалось зафиксировать около 300 городищ. Труд Ф. Гуизе не был издан и хранился в архиве музея общества по изучению древностей «Пруссия», но его данными впоследствии широко пользовались прусские археологи и нередко сведения и зарисовки Ф. Гуизе служили единственным источником для описания исчезнувших укреплений.¹⁴

Однако все работы и исследования, посвященные Восточной Пруссии, вплоть до половины прошлого столетия носили случайный характер. Их систематическое изучение началось лишь со второй половины XIX в. и было посвящено преимущественно памятникам I тысячелетия н. э.

Интерес к изучению археологических памятников Восточной Пруссии не был, разумеется, случайным. Германия, вступившая в 70-х годах XIX в. на капиталистический путь развития и стремившаяся занять главенствующее положение среди других буржуазных стран, культивировала националистическую науку, в которой археологии принадлежало не последнее место.

В статье, посвященной задачам исследования памятников юго-восточной Прибалтики, мы уже останавливались на общем направлении немецкой буржуазной археологической науки, сознательно принявшей культуру балтийских племен.¹⁵ В изучении археологических памятников Восточной Пруссии эта традиция отчетливо проявилась после первой мировой войны 1914—1918 гг. и получила свое наиболее уродливое выражение после прихода к власти нацистов в 1933 г.

На фоне крайнего национализма археологии Восточной Пруссии, типичного для периода 1914—1945 гг., выгодно выделяется первый период в истории изучения памятников этой территории, который завершается к началу первой мировой войны. Не будет преувеличением сказать, что важнейший ар-

хеологический материал, большая часть которого была представлена могильными памятниками I тысячелетия н. э., был накоплен в первый период.

Усиленные раскопки могильников начались с 70-х годов XIX в. и осуществлялись членами Естественного-Экономического общества и специально организованного общества по изучению древностей «Пруссия» (возникло в 1844 г.), а также и любителями местной старины.

Результаты раскопок публиковались в ежегодниках вышеуказанных обществ: «Записках Естественного-Экономического общества» (выходили с 1869 г.)¹⁶ и «Известиях о заседаниях общества по изучению древностей „Пруссия“» (выходили с 1874 г.)¹⁷ Сведения об археологических памятниках публиковались также в «Ежемесячнике прусских древностей» (появился с 1864 г.)¹⁸ и в ряде других изданий.

Раскопками захватывается преимущественно современная Калининградская область. В конце 60-х годов XIX в. А. Генше раскапывал могильник в Поддубном Гурьевского района, относящийся к I и началу II тысячелетия н. э. В это же время П. Шиффердекер исследовал грунтовый могильник XII—XIV вв. у бывшего селения Штангенвальде на Курской косе.¹⁹

С начала 70-х годов раскопки могильных памятников производились в различных частях Восточной Пруссии; в 1873 г. Г. Берендт опубликовал материалы могильников Тенген и Розенау, относящиеся в основном к первой половине I тысячелетия н. э. В 1875—1876 гг. Клебе раскапывал большие могильники в юго-восточной части Восточной Пруссии по течению р. Гольдап-Грунайкай, Боцвинка и Окраски. Эти могильники дали значительный материал, главным образом керамику, оружие и украшения.

Богатый инвентарь содержал также могильник Варникам, раскопанный Клебсом.²⁰

¹⁶ «Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft».

¹⁷ «Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft «Prussia».

¹⁸ «Altpreussische Monatsschrift».

¹⁹ P. Schiefferdecker. Der Begräbnisplatz bei Stangenwalde. Schriften, 1871, Bd. 12, стр. 42—56.

²⁰ O. Tischler. Bericht über die prähistorisch-anthropologischen Arbeiten der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft. Schriften, 1877, Bd. 18, стр. 269—278.

¹³ J. Foigt. Geschichte Preussens. Königsberg, t. I, 1827, стр. 536—537; t. II, 1839, стр. 232—235.

¹⁴ W. G a e r t e. Burgwallforschung in Ostpreussen. Altpreussen, 1935, H. 2, стр. 69.

¹⁵ Ф. Д. Г у р е в и ч. Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения. КСИИМК, вып. XI, II, 1952, стр. 13—14.

Первые обобщающие работы, классифицирующие материалы грунтовых могильников, связаны с именем О. Тышлера, стоявшего во главе Естественно-Экономического общества в 70—90-х годах XIX в.

На основании материала раскопанных грунтовых могильников О. Тышлер пытался описать обряд погребения и проследить эволюцию форм вещей. Главное внимание при анализе вещественных находок уделялось фибулам, типологические особенности которых были положены в основу отдельных хронологических периодов. В 1880 г. О. Тышлер предложил хронологическую классификацию, которая вскоре стала господствующей в немецкой археологической науке как современной ему, так и более позднего периода.

Типолого-хронологическая схема О. Тышлера охватывала эпоху железа, преимущественно первую половину I тысячелетия н. э. Подобно О. Монтелиусу и С. Мюллеру, каждому из выделенных им периодов О. Тышлер давал буквенное обозначение.

Период «А» относился им к последним векам до нашей эры и соответствовал позднелатенскому времени, I—II века н. э. обозначались буквой «В» и характеризовались глазчатыми фибулами и фибулами с цилиндрической головкой. Период «С» на основании римских монет и арбалетных фибул О. Тышлер относил к III—IV вв. н. э., V век (период «Д») определялся арбалетными фибулами с коротким держателем иглы. По классификации О. Тышлера V—VI века обозначались буквой «Е» и датировались как арбалетными перекладчатыми, так и пальчатыми фибулами. Далее развитие культуры в Восточной Пруссии прерывалось и, по выражению О. Тышлера, над этой территорией, за исключением устья Немана, воцарилась «глубокая тьма».

Лишь в конце I—начале II тысячелетия вновь появляется значительное количество могильников, которые у О. Тышлера получили наименование позднеязыческих.

О. Тышлер несомненно сыграл крупную роль в немецкой археологической науке. С его именем связывается переход от любительских раскопок к методическому научному исследованию материала и попытке его обобщения. На основании археологического материала этот исследователь первый сделал вывод о том, что уже в начале нашей эры Восточная Пруссия была плотно засе-

лена оседлым земледельческим населением.²¹

Вместе с тем в схеме О. Тышлера, построенной в результате обобщения всего исследованного им археологического материала, отразилась вся ограниченность его буржуазного мировоззрения. Развитие культуры населения значительной территории он связывал лишь с внешними воздействиями.

Борясь за комплексное изучение памятников при раскопках, О. Тышлер в то же время забывал об этом при их периодизации. «Хронология Тышлера создана на весьма зыбком материале, — писал А. А. Спицын, — римских монетах, которые в действительности ходили в крае продолжительное время и попадают в весьма поздних могильниках».²² Недостатки метода О. Тышлера, как и других исследователей Запада, отмечал и П. П. Ефименко: «Обращаясь к опыту западных исследований, мы должны сказать, что ключа к анализу массовых могильников мы не имеем и там. В блестящих трудах О. Монтелиуса, С. Мюллера, О. Тышлера и их многочисленных учеников мы находим прекрасно разработанный типологический анализ, позволяющий установить для Прибалтики точные хронологические рамки смены вещей и культурных этапов. . . Но вопроса об анализе внутренней жизни могильника они не разрешают, и поэтому их выводы остаются в известной мере условными».²³

К концу XIX в. восточнопрусская археология пополнилась материалами больших грунтовых могильников Калининградского полуострова. Среди раскопанных памятников можно упомянуть могильники: у с. Чехово, в котором вскрыто 400 погребений, Коврово — 250 погребений, Грейбау — 344 погребения.²⁴

²¹ Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1879—1880, Bd. 6, стр. 81—86. — Schriften, 1882, Bd. 23, Прилож., стр. 15—17. — O. T i s c h l e r. Bericht über die Archäologisch-Anthropologische Abteilung des Provinzial-Museums der Physikalisch Ökonomischen Gesellschaft. Schriften, 1891, Bd. 31, стр. 97—102.

²² А. С п и ц ы н. Литовские древности. Tauta ir Žodis, Humanitarinių, Mokslų Fakulteto leidinys, III, knygos, Kaunas, 1925, стр. 134.

²³ П. П. Е ф и м е н к о. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 66.

²⁴ O. T i s c h l e r, H. K e m k e. Ostpreussische Altertümer. Königsberg, 1902 (в дальнейшем: Ostpr. Alt.), стр. 15, 26, 28.

Параллельно были организованы раскопки на Мазовецкой земле. В 1889 г. Г. Буяк, возглавлявший общество «Пруссия», вел большие раскопки могильника близ с. Сдоррен (округ Иоганнесбург, ныне Пиш — Польша). В конце XIX и начале XX в. Э. Голлак раскопал ряд больших могильников Мазовецкой земли, среди них Прусиновска-Волька, Бабинта, Мойтины (Мранговский повет) и др.²⁵

Значительный материал VI—VIII вв. дали два мазовецких могильника современного Ольштинского воеводства: Тумяны, раскопанные в 1894 г. И. Гейдеком и Келлары, исследованные Э. Голлаком и А. Беценбергером.²⁶

Несколько меньше исследовались памятники устья Немана. Еще при жизни О. Тышлера был раскопан большой могильник Аукштакиемис в современной Клайпедской области Литовской ССР, давший материал I—начала II тысячелетия н. э.²⁷

Большой интерес к древностям территории устья Немана проявил А. Беценбергер, возглавлявший с конца XIX в. общество «Пруссия». С его именем связано исследование ряда могильников, в том числе Люмпонай, Рубокай, Шернай и др.²⁸

Таким образом, к началу XX в. было исследовано очень много могильных памятников. Многочисленные коллекции, поступившие в результате раскопок, превратили Кенигсбергский музей в одно из лучших хранилищ древностей Европы.

Легкость, с которой можно было добыть красивые и изящные вещи из погребений, не стимулировала раскопок поселений. Последние изучались крайне медленно, и степень изученности их к концу XIX—началу XX в. немногим отличалась от состояния знаний о них в 20—40-х годах XIX в.

Археологи, исследовавшие могильники, как правило, поселениями не занимались. Здесь мы встречаем иные имена. Поселения

изучались преимущественно по письменным данным средневековых авторов.

В начале 80-х годов Бёнигк пытался воссоздать процесс постройки городищ древних пруссов, предполагая, что для их возведения использовались маленькие холмы, вершины которых выравнивались, а естественным склонам придавалась крутизна. Наряду с этим автор выделял городища, укрепления которых были целиком насыпные. Пользуясь данными Дусбурга, Бёнигк подробно разобрал строение насыпи, характер рва, засек, расположение въездов в городища, обеспечение их водой, пользование сигнальными огнями.

Автор пришел к выводу, что большая часть сохранившихся укреплений относится уже к христианскому времени (т. е. после XIII в.). Бёнигк пытался также осмыслить значение укреплений, носящих наименования «длинные валы», и рассматривал их в качестве защитной линии обороны пруссов.²⁹

В периодической литературе появлялись отдельные публикации, связанные с внешним описанием укреплений Восточной Пруссии; в этих публикациях наряду с древними городищами нередко фигурировали остатки поселений времени господства ордена.³⁰

Учетом поселений Калининградского полуострова занимался К. Бекгерри, прилагавший в отдельных случаях к описанным им поселениям схематические планы.³¹

Можно указать еще работу того же автора об укрепленных поселениях к югу от р. Преголи.³² О городищах среднего течения р. Преголи писал К. Кассвюрм еще в 70-х годах XIX в.³³

²⁹ B o e n i g k. 1) Ueber Ostpreussische Burgwälle. «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 59—80; 2) Wallberge und Landmauern im nördlichen Teil der Gauen Galinden und Sudauen. «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 129—139.

³⁰ G. B u j a c k. 1) Ein Wachthaus aus dem letzten heidnischen Zeit zu Bosemb, kr. Sensburg. «Prussia», 1886—1887, Bd. 13, стр. 119—120; 2) Der Kuglacker Schlossberg und andere Wallberge. «Prussia», 1887—1888, Bd. 14, стр. 89—99.

³¹ C. B e c k h e r r n. Ueber die Benennungen der Ostpreussischen Burgwälle und die Pillberge im Samlande. Altpreussische Monatsschrift, 1895, Bd. 32 (в дальнейшем: Burgwälle), стр. 353—410.

³² C. B e c k h e r r n. Das propugnaculum introitu terrae Natangiae der Chronik des Dusbürg. «Prussia», 1887—1888, Bd. 14, стр. 11—22.

³³ K. K a s s w ü r m. Alte Schlossberge und andere Überreste von Baumwerken aus der Vorzeit

²⁵ E. H o l l a c k, F. P e i s e r. Das Gräberfeld von Moythienen. Königsberg, 1904, стр. 1—5.

²⁶ J. H e y d e c k. Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst. «Prussia», 1895, Bd. 19, стр. 41—80. — E. H o l l a c k, A. B e z z e n b e r g e r. Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. «Prussia», 1898, Bd. 21, стр. 160—198.

²⁷ Schritten, 1888, Bd. 29, стр. 14—23; 1889, Bd. 30, стр. 11—16.

²⁸ «Prussia», 1893, Bd. 17, стр. 141—170; 1909, Bd. 22, стр. 130—193.

К началу XX в. изучение поселений почти полностью забрасывается. Работы, в которых обобщается вновь накопленный материал, строятся, как и во времена О. Тышлера, на материале могильных памятников.

Наряду с публикацией материалов отдельных могильников, преимущественно в журнале общества по изучению древностей «Пруссия», а также наряду с выходом в свет альбома «Восточно-пруссские древности», задуманного еще О. Тышлером и изданного Г. Кемке до начала первой мировой войны, появляются некоторые работы сводного характера, базирующиеся на материале грунтовых могильников Восточной Пруссии.

В 1904 г. выходит работа А. Беценбергера о бронзовых изделиях Восточной Пруссии.³⁴ Занимаясь сравнением химического состава древних бронзовых вещей, автор вместе с тем пытается уяснить их происхождение и датировку.

Исследуя памятники конца I—начала II тысячелетия А. Беценбергер дополнил хронологическую схему О. Тышлера, выделив периоды «F» (VI—VIII вв.), «G» (IX—XI вв.) и «H» (XI—XIII вв.).

Для VI—VIII вв. н. э. датирующими находками А. Беценбергер считал поздние формы арбалетных фибул, для IX—XI вв. — франкские мечи и арабские монеты, а для XI—XIII вв. — предметы конского убора, весы, гири и т. д.³⁵

Еще в конце XIX в. Г. Кемке пытался критически пересмотреть схему О. Тышлера, в частности его последний период. В 1914 г. он снова выступил с работой по этому вопросу, в которой утверждал, что период «F» О. Тышлера в действительности должен относиться к VI—VIII вв.³⁶ Тем самым Г. Кемке критически пересматривал и датировки А. Беценбергера.

В 1908 г. вышла в свет археологическая карта Восточной Пруссии, составленная

Э. Голлаком. Карте предшествовало введение, в котором автор классифицировал материал согласно схеме О. Тышлера. О степени накопления материала в археологии Восточной Пруссии можно судить по тому, что одних могильников, относящихся к I—началу II тысячелетия н. э., автор насчитывал свыше 400, а поселений, городищ и оборонительных сооружений — более 380.³⁷

Рассматривая развитие археологии Восточной Пруссии с 70-х годов XIX в. до 1914 г. сравнительно с тем, что она представляла собой в более позднее время, можно сказать, что это была лучшая, наиболее плодотворная пора ее существования. К этому времени относились открытия наиболее значительных могильных памятников и систематическая публикация их материалов. В этот период вырабатывается методика раскопок и осуществляются попытки научно осмыслить добытый материал. Хронологическая схема О. Тышлера при всей шаткости обоснования ее отдельных периодов была для своего времени шагом вперед по сравнению с тем хаотическим нагромождением материала, который существовал в прусской археологии до 80-х годов XIX в.

Шовинистический угар во время войны 1914—1918 гг., проигрыш ее и идея реванша, культивировавшаяся крупной немецкой буржуазией, резко отразилась на немецкой науке вообще и на археологии Восточной Пруссии в частности.

С экономическим упадком в Германии исчезает возможность вести раскопочные работы. Солидное археологическое общество «Пруссия», существовавшее более 70 лет, вынуждено было держаться пожертвованиями шведских и финских археологических обществ.

В 1919 г. выходит работа Н. Оберга «Восточная Пруссия в эпоху переселения народов», в которой идея германской окраски балтийской культуры пронизывает всю книгу. По мнению автора, культура Калининградского полуострова в эпоху переселения народов подпадает под влияние южной «мазурско-германской» культуры. Литовское население устья Немана входит в состав германской колонии, а сама «мазурско-германская» культура гибнет от того, что господ-

im Pregelgebiet Litauens. Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 72—80.

³⁴ А. Bezenberger. Analysen vorgeschichtlichen Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904.

³⁵ E. Hollack. Erläuterungen. . . , стр. LXIV—LXV.

³⁶ H. Kemke. 1) Ein Beitrag zur Chronologie der Ostpreussischen Gräberfelder mit Berücksichtigung der Nachbargebiete. Schriften, 1899, Bd. 40, стр. 87; 2) Kritische Betrachtungen über Tischlers Periode «E» der Ostpreussischen Gräberfeldern. «Prussia», 1914, Bd. 23, стр. 1—57.

³⁷ E. Hollack. 1) Erläuterungen. . . , стр. 202—210; 2) Die Grabformen ostpreussischen Gräberfelder. Zeitschrift für Ethnologie, 1908, Bd. 40, стр. 145—193.

ствующая германская верхушка растворяется в массе местного населения.³⁸

Первый сводный труд по древнейшей истории Восточной Пруссии, опубликованный в 1929 г. В. Герте, насквозь пронизан идеями пангерманизма, особенно в тех его разделах, где характеризовались памятники I тысячелетия н. э.³⁹ Хорошо изданная, с большим количеством иллюстраций, книга эта была рассчитана на пропаганду национализма в широких слоях населения.

Однако в печати еще появлялись отдельные ценные труды, вводившие в науку новые виды источников. К числу работ этого рода следует отнести сводку шведского нумизмата С. Болина о римских и византийских монетах в Восточной Пруссии.⁴⁰

С приходом к власти нацистов положение археологии меняется. Фашистские правители требовали, чтобы соответствующим образом преподнесенная народу наука о древностях помогала обоснованию расовых, человеконенавистнических идей пангерманизма. Из отрасли знания, влачившей жалкое существование и поддерживавшейся доброхотными деяниями богатых иноземных жертвователей, археология в Восточной Пруссии берется на вооружение нацистов.

Реваншистские идеи больше всего культивировались в Восточной Пруссии, являвшейся рубежом между землями славянских народов и народов Прибалтики, которые германский империализм готовился завоевать для себя в первую очередь.

Еще в 1930 г. в Кенигсберге на съезде археологов выступил Г. Коссинна, тогда уже глубокий старик, с призывом деятельно изучать археологию Восточной Пруссии. Г. Коссинна недвусмысленно отмечал, что изучение археологических памятников этой территории должно объяснить неизбежность появления здесь немецких завоевателей в XIII в.⁴¹

Начиная с 30-х годов одним из руководителей археологии Восточной Пруссии становится К. Энгель. В 1935 г. он выступил с двумя работами «Доистория древнепрусс-

ских племен» и «Из доистории Восточной Пруссии». Последняя, предназначенная для популярного издания, открыто формулировала политические задачи, стоявшие перед прусской археологией, — обосновать притязания Германии на земли Востока.⁴²

Во всех этих работах К. Энгель пропагандирует свою предельно шовинистическую схему развития прусских древностей, где каждый период в истории культуры юго-восточной Прибалтики трактовался в зависимости от проникновения на ее территорию германских племен.

Работы К. Энгеля, Б. Рихтгофена, как и других прусских археологов, были пронизаны глубоким презрением к культуре славянского мира; они воздвигали глухую стену между древнейшим прошлым балтийских и славянских народов.

В годы фашистского режима оживляется работа прусских археологов, но работы производятся лишь на могильных памятниках. Так, в частности, был раскопан большой могильник у Зеленоградска, который был известен еще в XIX в. На материале этого могильника, относящегося к концу I тысячелетия н. э., строилась в значительной мере теория о норманской окраске культуры юго-восточной Прибалтики в IX—XI вв.

В первой половине 30-х годов была проведена новая общая регистрация поселений, выполненная Г. Кроме,⁴³ но археологического исследования поселений по-прежнему не производилось.

К. Энгель в 1939 г. писал о том, что археологам ничего не известно о характере поселений Восточной Пруссии, и выдвинул план их разведочного изучения. Он предлагал посетить каждое из известных городищ, потратить на него не более одного дня, с тем чтобы собрать подъемный материал на поселения, заложить на нем шурф и набросать его план и профиль.⁴⁴

³⁸ N. Åberg. Ostpreussen in Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1919, стр. 66, 130, 142.

³⁹ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.

⁴⁰ S. Bolin. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen. «Prussia», 1922—1925, Bd. 26, стр. 203—240.

⁴¹ Mannus-, Ergänzungsband, 1934, VIII, стр. 77 и сл.

⁴² C. Engel. 1) Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935; 2) Aus Ostpreussischer Vorzeit. Königsberg, 1935.

⁴³ H. Crome. 1) Karte und Verzeichnis der vor- und frühgeschichtlichen Wehranlagen in Ostpreussen. Altpreussen, 1937, H. 2; 2) Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreussens. «Prussia», 1938—1940, Bd. 32—34.

⁴⁴ C. Engel. Betrachtungen zur Ostpreussischen Burgwallforschung. Altpreussen, 1939, H. 4, стр. 100.

План действий, выдвинутый К. Энгелем, свидетельствовал о том, что перед археологией Восточной Пруссии стояла задача первичного изучения памятников, характер которых был совершенно неясен.

Националистические работы археологов Восточной Пруссии оказывали также творческое влияние на археологию восточной Прибалтики.

Деятельность немецких археологов в Прибалтике в годы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции в России, до некоторой степени нейтрализовалась активным участием русской археологии в изучении прибалтийских древностей. Представители русской дореволюционной археологии вели деятельную работу по изучению древностей восточной Прибалтики. Это нашло свое выражение как в раскопках, производившихся на территории Эстонии, Латвии и Литвы, и публикациях их результатов, так и в организации двух археологических съездов — IX съезда в Вильне и X в Риге, посвященных прибалтийским древностям.

При всем несовершенстве методологии старой русской археологической науки ее деятельность служила известной препоной к откровенной пропаганде взглядов немецкой националистической археологии.

За годы господства буржуазных правительств в Эстонии, Латвии и Литве археология восточной Прибалтики, будучи изолированной от советской науки, в своих теоретических построениях в значительной мере подпала под влияние немецкой националистической археологии.

Восточная Пруссия, по мнению немецкой науки, хотя и являлась окраиной германского мира, но тем не менее служила культурным центром для восточной Прибалтики, переносившим формы древнебалтийской культуры, приобретенные из германского мира.

В духе идей немецкой, прусской науки действовали и балтийские археологические конгрессы.

Макс Эберт в 20-х годах, Карл Энгель в 30-х годах работали в Риге и являлись идейными руководителями прибалтийских археологов.

Теоретическим центром и в известной мере центром подготовки кадров археологов Прибалтики являлся Кенигсбергский университет.

Работы А. Тальгрена об Эстонии, Ф. Балодиса в Латвии, И. Пузинаса в Литве копировали прусские образцы.⁴⁵ Эти археологи строили древнейшую историю своих народов, упорно игнорируя соседство их со славянским миром, границы с которым были столь иллюзорными, что только в тесном общении с ними можно было мыслить развитие балтийской культуры. Однако отдельные голоса прогрессивных ученых-археологов все же раздавались против унифицированной трактовки восточнобалтийской культуры, как порождения германского мира. Так, например, в трудах Х. А. Мора всегда наблюдалось стремление привлекать материалы славянского мира.⁴⁶

В 1945 г. Восточная Пруссия, этот очаг агрессии на границах Советского Союза и Польской Народной Республики, была ликвидирована.

Перед советскими и польскими исследователями, занимающимися памятниками этой территории встали новые и трудные задачи создания подлинной истории юго-восточной Прибалтики.

Задача осложнялась тем, что огромный археологический материал, накопленный в течение десятилетий, оказался утраченным во время Великой Отечественной войны.

Необходимость систематического изучения археологических памятников Калининградской области и Клайпедского района Литовской ССР, входивших в состав земель бывшей Восточной Пруссии, была подчеркнута решениями сессий, посвященных археологии Прибалтики, происходивших в 1949 г. в Ленинграде и в 1951 г. в Тарту.⁴⁷

В 1949—1951 гг. экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР производились археологические работы в Калининградской области по обследованию и изучению древних поселений.⁴⁸

⁴⁵ А. М. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. Dorpat, Bd. I, 1922; Bd. II, 1925. — F. Balodis. Latvijas arhaiologija. Riga, 1926. — J. Pužins. Naujaisių proistorinių tyrinėjimų duomenys. Kaunas, 1938.

⁴⁶ Н. Мора. Die Eisenzeit in Lettland, II. Tartu, 1938.

⁴⁷ Г. Б. Федоров. Сессия Института истории материальной культуры АН СССР, посвященная археологии Прибалтики. КСИИМК, вып. XLVII, стр. 11.

⁴⁸ Ф. Д. Гуревич. 1) Древние поселения Калининградской обл. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 91—99; 2) Археологические работы в Калининградской обл. в 1950 г. КСИИМК, вып. XLVII,

В 1951 г. вышла работа советского этнографа П. И. Кушнера, который на основании археологических, письменных и топонимических данных устанавливает балтийскую принадлежность племен юго-восточной Прибалтики.⁴⁹

Изучением вновь вошедших в состав Польской Народной Республики земель бывшей Восточной Пруссии активно занимаются польские археологи. Весьма интересны первые итоги исследования археологических памятников, особенно поселений, не изучавшихся раньше.⁵⁰

Большого внимания заслуживает работа

Е. Антоневича, посвященная славяно-прусским отношениям в раннем средневековье. Привлекая разнообразный археологический материал, автор обращает внимание на торговые связи между пруссами и славянами.⁵¹

Таковы первые шаги, предпринятые советской и польской археологической наукой, в области изучения древностей юго-восточной Прибалтики. Впереди предстоит большая работа как по критическому освоению того материала, который был собран буржуазной немецкой наукой, так и по накоплению новых фактов, связанных главным образом с исследованием поселений.

Г л а в а II

ПОСЕЛЕНИЯ

К 40-м годам нашего столетия археологи Восточной Пруссии были вынуждены констатировать полную неизученность поселений, В. Герте и В. Ла-Бом настойчиво призывали к скорейшему изучению этих памятников,⁵² а К. Энгель, как уже упоминалось выше, выдвинул план действий, осуществление которого могло дать материалы лишь для первичного ознакомления с городищами.

Археология Восточной Пруссии, игравшая руководящую роль в прибалтийской археологии, в деле изучения поселений оказалась позади археологии малоизученной Литвы, не говоря уже о значительно лучше исследованной Латвии.

В восточной Литве ряд городищ-пилкальнисов обследовали Ф. В. Покровский,

Л. О. Крживицкий, В. А. Каширский и П. Ф. Тарасенко.⁵³

Л. О. Крживицкий занимался также изучением поселений центральной и западной Литвы.⁵⁴

В конце 20-х — начале 30-х годов частично раскапывались городища западной Литвы — Апуоле и Импилтис, имевшие мощные оборонительные сооружения.⁵⁵

Довольно интенсивно изучались латвийские поселения. В 1926—1930 гг. Е. Брастиньс опубликовал сводку латвийских городищ, а Ф. Балодис разработал их классификацию. В конце 30-х годов латышские археологи начали раскопки ряда крупных городищ (Межотне, Даугмале, Герсике и др.) и отдельных открытых поселений.⁵⁶

1952, стр. 93—100; 3) Раскопки на городище Грачевка. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 80—86. F. D. Guriewicz. Niektóre dane o osadach i grodziskach Sambii. Rocznik Olsztyński, t II. Olsztyn, 1959, стр. 205—220.

⁴⁹ П. И. Кушнер. Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики. Труды Инст. этногр. им. Миклухо-Маклая, М.—Л., 1951, стр. 112—113.

⁵⁰ J. Antoniewicz. Wyniki prac wykopaliskowych na grodzisku i podgrodziu w Jeziorku, pow. Giżycko w 1950 r. Materiały Wczesnośredniowieczne, Warszawa, 1952, t. II, стр. 235—251. — Е. Антоневич. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики. Известия АН ЭССР, т. VI, Сер. обществ. наук, 1957, № 2, стр. 166—171. — J. Antoniewicz i J. Okulicz. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w latach 1951—1954 w Jeziorku, pow. Giżycko. Materiały Starożytne, Warszawa, 1958, t. III, стр. 7—67.

⁵¹ J. Antoniewicz. Niektóre dowody kontaktów słowiańsko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle zrodła archeologicznych. Wiad. Archeol., 1956, t. XXIII, z. 3—4, стр. 233—277.

⁵² W. La-Baume. Die geschichtliche Bedeutung der Burgwälle Ostpreussens. Altpreussen, 1940, Н. 3, стр. 43—49. — W. Gaerte. Burgwallforschung. Altpreussen, 1935, Н. 2, стр. 00.

⁵³ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. Труды IX археол. съезда в Вильне, т. II, 1897, стр. 190—196. — Л. О. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи Литвы. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 301—311. — Архив ИИМК, ф. Археол. комиссии, д. 29/1907.

⁵⁴ Л. О. Крживицкий. Жмудские пилкальнисы. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 82—129.

⁵⁵ J. Puzinas. Naujausių proistorinių tyrimų duomenys, стр. 120—126.

⁵⁶ E. Brastins. Latvijas pilskalni. Riga, 1926—1930. — F. Balodis. Die lettische Burg-

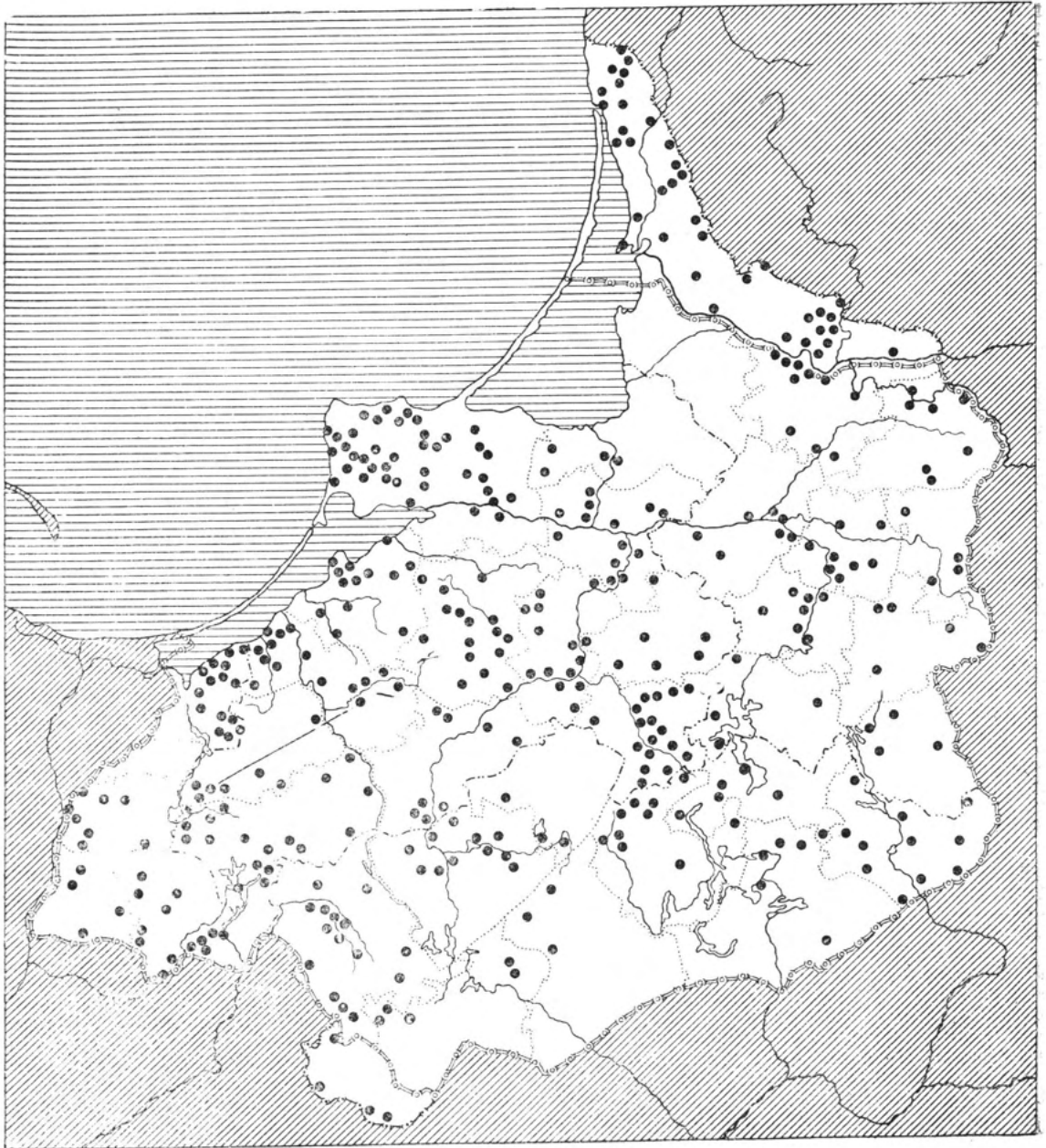

Рис. 1. Карта укрепленных поселений юго-восточной Прибалтики (по Г. Кrome).

Энергично изучались поселения Польши, особенно ее древние города.⁵⁷

В исследовании этой группы памятников археология Восточной Пруссии, таким образом, несомненно отставала от археологии соседних стран.

очень много городищ (Г. Кроме, насчитывал их свыше 500)⁵⁸ (рис. 1).

В своей тщательно проделанной работе по регистрации укрепленных поселений Г. Кроме дал подробные сведения о положении каждого сохранившегося городища на

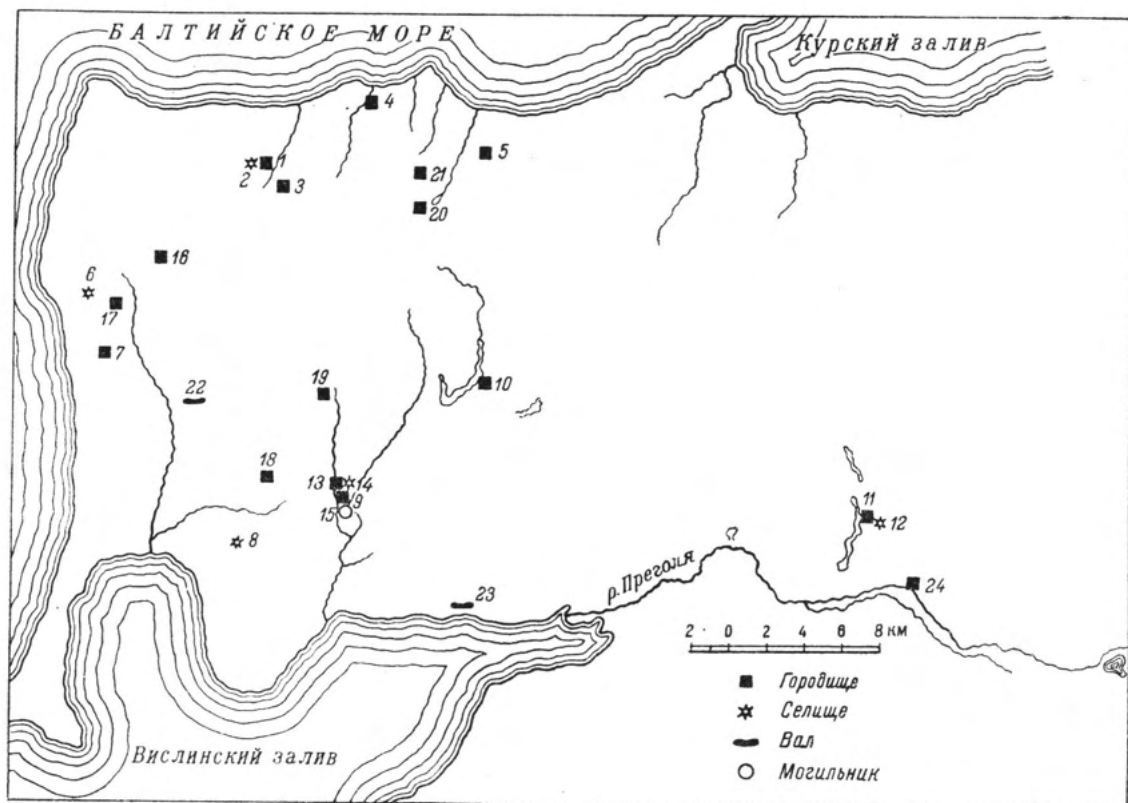

Рис. 2. Памятники, обследованные Калининградским отрядом Славянской экспедиции в 1949—1951 гг. 1, 2 — Грачевка; 3 — Богатое; 4 — Пионерск; 5 — Куликово; 6 — Янтарный; 7 — Русское I; 8 — Кострово; 9 — Логвиново II; 10 — Дружное; 11, 12 — Заозерье; 13—15 — Логвиново I; 16 — Березники; 17 — Русское II; 18 — Цигенберг; 19 — Кумачево; 20, 21 — Романово I; 22 — Круглово; 23 — Жуковское; 24 — Марьино.

Между тем согласно археологической карте Э. Голлака и особенно сводке укрепленных поселений, составленной Г. Кроме, в Восточной Пруссии насчитывалось

местности, сопроводив их исчерпывающей библиографией.

Более подробно этот автор занимался оборонительными сооружениями Калининградского полуострова. Он оставил краткие описания городищ, приложив к ним

berge. Fornvännen, 1929, Н. 5, стр. 270—294. — Senatne un Maksla, 1939, Н. I—IV. — V. Ginters. Vorrömische Eisenzeit Lettlands. Congressus Secundus Archeologorum Balticorum, Rigae, 1931, стр. 158—161.

⁵⁷ W. Kowalenko. Grody i osadnictwo grodowe Wielkopolskie Wczesnohistorycznej od VI—XII w. Poznań, 1938.

⁵⁸ Следует заметить, что в это число входит также часть городищ бывшей Западной Пруссии. См.: Н. Сгоме. 1) Karte. . . , стр. 99; 2) Verzeichniss der Wehranlagen Ostpreussens.

схематические планы.⁵⁹ Из этой последней работы Г. Кроме мы узнаем, что на некоторых городищах велись эпизодические археологические работы. К ним относятся исследования валов на городищах Дружное и Куликово в 1930—1931 гг. и наблюдение за работами на городище Янтарный.⁶⁰

Не занимаясь датировкой и классификацией городищ, автор тем не менее выделяет иногда две группы укреплений: первую — более раннюю, относящуюся ко времени до XII в. и связанную с племенами пруссов, и вторую — средневековую, возникшую в связи с появлением на этой территории Тевтонского ордена.⁶¹

Подытоживая данные по изучению немецкой археологией поселений Восточной Пруссии к 40-м годам нашего века, следует отметить хороший учет укрепленных поселений и вместе с тем их полную неизученность.

Исследование поселений оставалось на том уровне, какого оно достигло в результате работ К. Бекгеррна и других археологов 70—90-х годов XIX в.⁶²

Ввиду неизученности поселений их первичная характеристика в настоящей главе строится, преимущественно, на тех материалах, которые были добыты небольшими археологическими работами Калининградского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1949—1951 гг. на территории Калининградского полуострова (где в свое время было раскопано большое количество могильных памятников; рис. 2).

Обследованные памятники по наличию или отсутствию оборонительных сооружений делятся на а) городища и б) селища. В свою очередь среди городищ выделяются: 1) мысовые, 2) городища на изолированных холмах и 3) единичное городище на дюнном всхолмлении.

Открытые поселения представлены двумя изолированными селищами и тремя селищами при городищах.

На основании данных, полученных при археологических работах на городищах Логвиново I и Грачевка, обследованные памятники разбиты на две хронологические группы:

⁵⁹ Н. С г о м е. Führer zu den Frühgeschichtlichen Burgwälle Samlands. «Prussia», 1940, Bd. 34, стр. 5—83.

⁶⁰ Там же, стр. 37.

⁶¹ Н. С г о м е. Karte. . . , стр. 101.

⁶² См. главу I, стр. 333.

к первой отнесены городища и изолированные селища второй половины I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э., ко второй — городища и селища при них конца I — начала II тысячелетия н. э.

Основанием для датировки служит сопоставление находок с поселений с материалами массовых могильников этой территории, а также с более или менее прочно датированными находками, сделанными на соседних, преимущественно восточноприбалтийских и польских, землях.

При проведении археологических работ на Калининградском полуострове нам приходилось сталкиваться главным образом с многослойными памятниками, что при неизученности поселений крайне затрудняло их датировку. Возможно, что этими обстоятельствами объясняется и то, что среди обследованных памятников не удалось выделить группу поселений, относящуюся к VI—VIII вв.

Ранняя группа поселений

Ранняя группа поселений включает 10 памятников: 8 городищ и 2 селища.⁶³

Городища этой группы, как уже отмечалось выше, преимущественно многослойные, дошли до нас в том виде, какой они приняли в результате позднейшей перестройки, что препятствует восстановлению их первоначального облика.

Укрепленные поселения располагаются на высоких берегах первых надпойменных террас вблизи воды. Так, городище Грачевка находится на берегу безымянной реки, впадающей в Балтийское море, Заозерье, Дружное, Русское I — у впадения ручьев в озера, Логвиново II, омывалось двумя параллельно текущими ручьями.

Среди городищ ранней группы встречаются поселения, расположенные на мысах (Куликово, Грачевка, Пионерск, Дружное и др.) и на изолированных холмах (Русское I, Богатое).

Особый тип городища представляет поселение Логвиново II, расположенное на чрезвычайно вытянутой возвышенности дюнного происхождения (рис. 3).⁶⁴

⁶³ См. Приложение, стр. 420.

⁶⁴ Там же, стр. 436. Логвиново II является единственным однослойным памятником ранней группы, однако материалы его столь незначительны,

Все обследованные памятники основаны на местах, хорошо защищенных природой от внешнего нападения. Особенно труднодоступными были мысовые городища.

Располагаясь над долинами ручьев и рек на высоте до 15 м, они обычно ограждены глубокими оврагами (Грачевка, Куликово и Пионерск). Иногда овраг пре-

над долиной на 8—12 м, и крутые склоны со следами обрыва⁶⁶ (рис.5).

Весьма интересно укрепленное поселение у пос. Янтарный, кратко описанное Г. Кроме. На небольшом городище, расположенном на изолированном холме и огражденном кольцевым валом, обнаружены находки, свидетельствующие о заселении

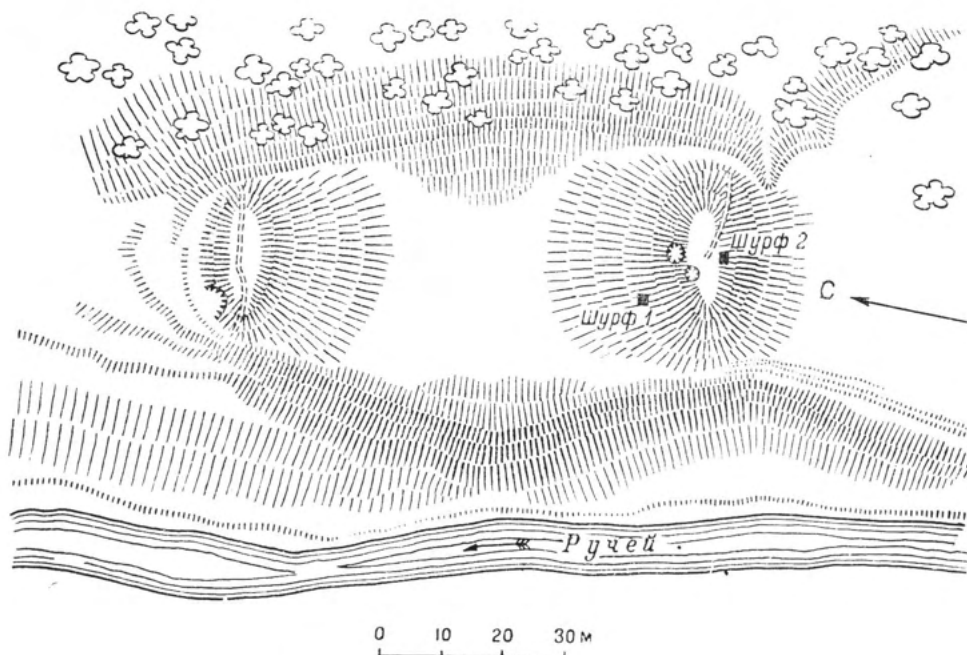

Рис. 3. План городища II у с. Логвиново.

граждает подступы к городищу с напольной стороны (Дружное)⁶⁵ (рис. 4).

Треугольные или полукруглые в плане площадки городищ, как правило, невелики и занимают 1000—1300 м²; лишь городище Дружное имеет свыше 2000 м².

Площадки мысовых городищ, поднимаясь полого от мыса к напольной стороне, завершаются крутыми склонами, носившими следы искусственного обрыва.

Два из обследованных городищ — Русское I и Богатое — принадлежат к поселениям на изолированных холмах среди заливных лугов. Они имели округлые в плане площадки до 60 см в диаметре, возвышавшиеся

этого места начиная с I тысячелетия до н. э. и до V—VIII вв. н. э.⁶⁷

Возможно, что подобное же раннее поселение существовало в Таммовишкен в Черняховском районе Калининградской области, где была найдена лентная керамика с примесью дресвы в тесте.⁶⁸

Открытые поселения (Кострово и Янтарный), обследованные работами Калининградского отряда, располагаются на первой надпойменной террасе и занимают довольно значительную площадь. Селище Янтарный имело площадь более 1 га, площадь поселения в Кострове превышала 1.5 га.⁶⁹

На всех поселениях, обследованных разведочными работами, сохранился культур-

что не представляется возможным использовать это поселение в качестве типичного памятника интересующей нас эпохи.

⁶⁵ См. Приложение, стр. 437.

⁶⁶ См. Приложение, стр. 432, 434.

⁶⁷ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 37.

⁶⁸ Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 73.

⁶⁹ См. Приложение, стр. 434, 436.

ный слой. Исключение составляет городище Пионерск, где культурный слой был полностью разрушен распашкой.

Культурный слой на поселениях приморской полосы, возникавших на песчаной почве, почти всегда имел светло-коричневую окраску. Культурный слой интенсивно-черного цвета прослеживается только

селений, является установление форм жилищ. Разведочные и раскопочные работы предоставили в этом отношении еще очень мало данных.

Наши предположения о типе жилищ строятся главным образом на материалах сильно разрушенного поселения Грачевка. Здесь в результате раскопок были обнару-

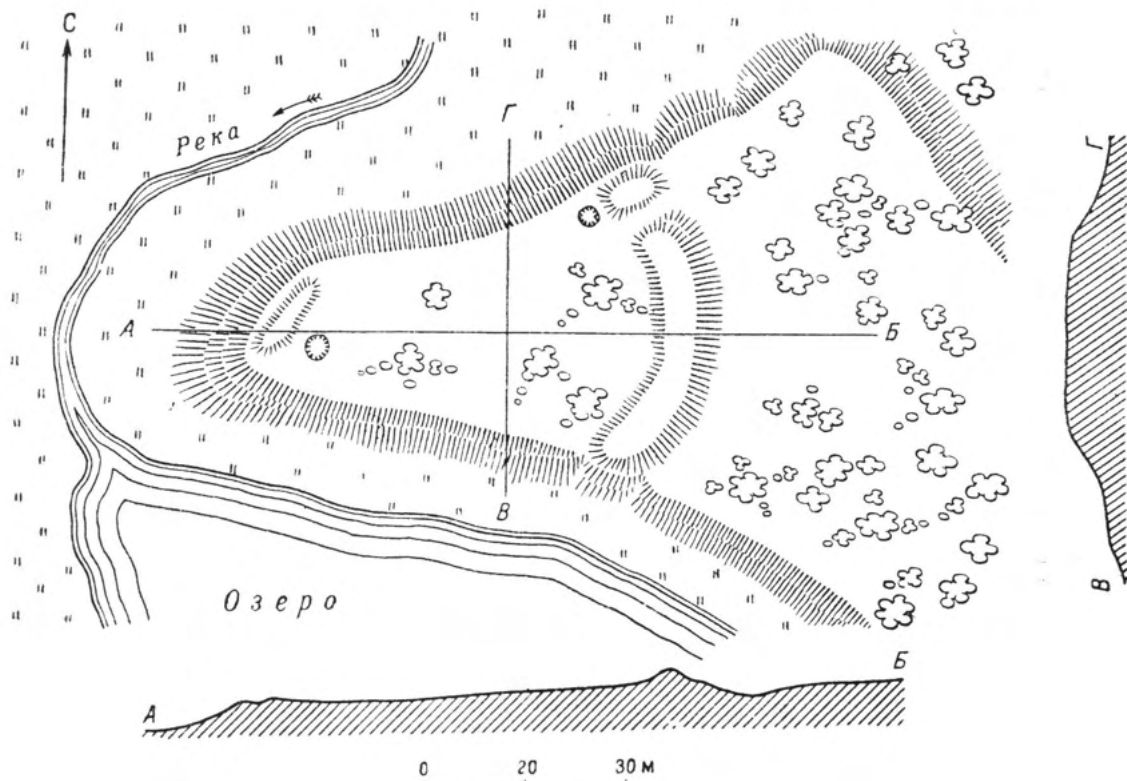

Рис. 4. План городища Дружное.

в тех местах, на которых сохранились следы пожарниц. Мощность слоя на поселениях колебалась от 25—30 см до 1 м, достигая на мысовых городищах наибольшей глубины на склонах, а на поселениях, расположенных на холмах, — вблизи валов. В центре площадок городищ культурный слой имел минимальную мощность, а иногда отсутствовал вовсе. Культурный слой селищ распространяется более равномерно по всей площадке и не превышает 50 см.⁷⁰

Одним из наиболее важных и сложных вопросов, связанных с исследованием по-

жены разрозненные камни и ряды камней, лежавшие на материке или на тонкой прослойке культурного слоя (рис. 6).

Можно предполагать, что с остатками жилищ связаны разрозненные булыжные камни диаметром до 40 см, вытянутые в отдельных случаях по линиям, ориентированным по странам света. В восточной части площадки отмечена группа камней, как бы составляющая угол прямоугольного или квадратного в плане сооружения.⁷¹ Очевидно, ближайшим образом связаны с жилищами два круглых очага диаметром до 1 м, сложенных из булыжных камней;

⁷⁰ Там же, стр. 434, 436.

⁷¹ Там же, стр. 421.

внутри этих очагов сохранилась обожженная земля. Находившиеся на расстоянии 4 м друг от друга очаги, по-видимому, принадлежали двум различным жилищам ⁷² (рис. 7).

Часть открытого круглого в плане очага со скоплением золы и углей была обнаружена также на городище Дружном. ⁷³

Таким образом, на основании отрывочных данных можно предположить, что для этой территории характерны наземные, вероятно квадратные или прямоугольные в плане, жилища столбовой конструкции. Судя по отпечаткам жердей на глиняной обмазке (рис. 8), жилища должны были быть облегченного типа; камни, лежавшие

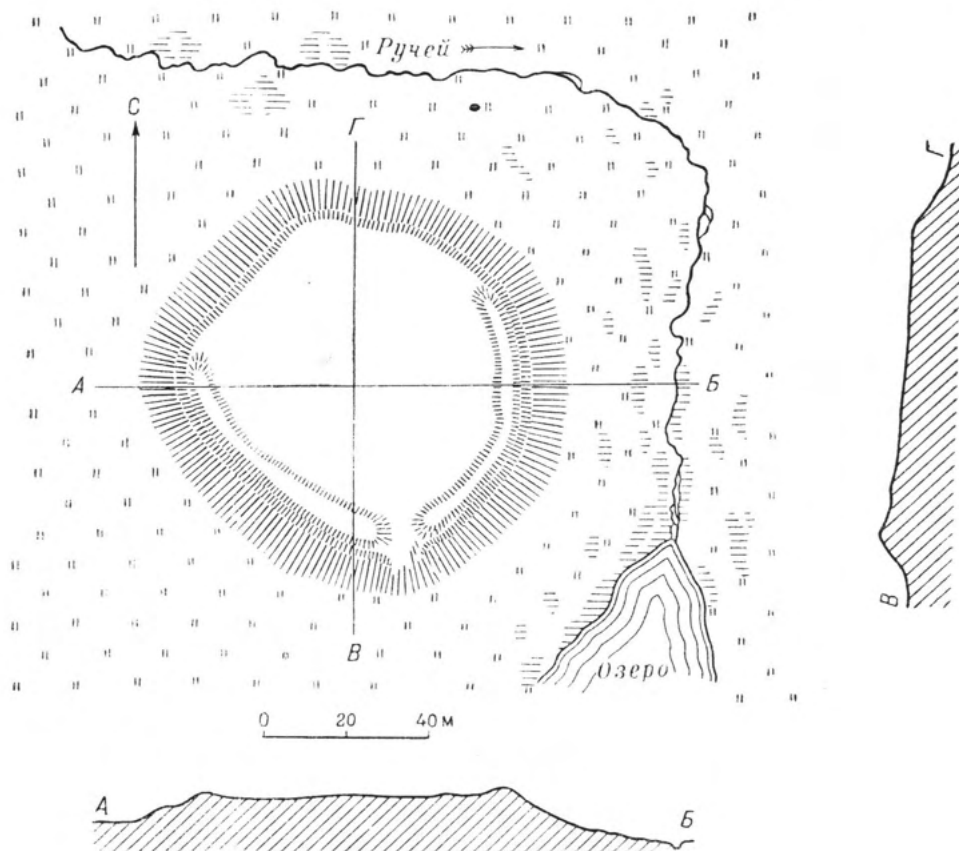

Рис. 5. План городища I к востоку от с. Русское.

В песчаном грунте Грачевки не сохранилось следов столбов, но на селище Кострово в культурном слое отмечена западина диаметром 30 см и глубиной до 40 см, которую предположительно можно считать ямой от столба. ⁷⁴

На городище Янтарном вдоль вала прослеживались столбы жилищ и открытые очаги. ⁷⁵

в известном отдалении один от другого, без какого-либо соединения, служили, видимо, своеобразной завалинкой. Для жилищ этого типа характерны открытые очаги.

Сооружения с каменными кладками прослеживаются в других районах юго-восточной Прибалтики. Так, в с. Авенингкен Черняховского района Калининградской области в 70-х годах прошлого века под слоем пережженной земли находилась округлая в плане каменная кладка, у которой пространство между камнями заполнено кусками обожженной глины. Здесь же

⁷² Там же, стр. 421.

⁷³ Там же, стр. 437.

⁷⁴ Там же, стр. 436.

⁷⁵ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 37.

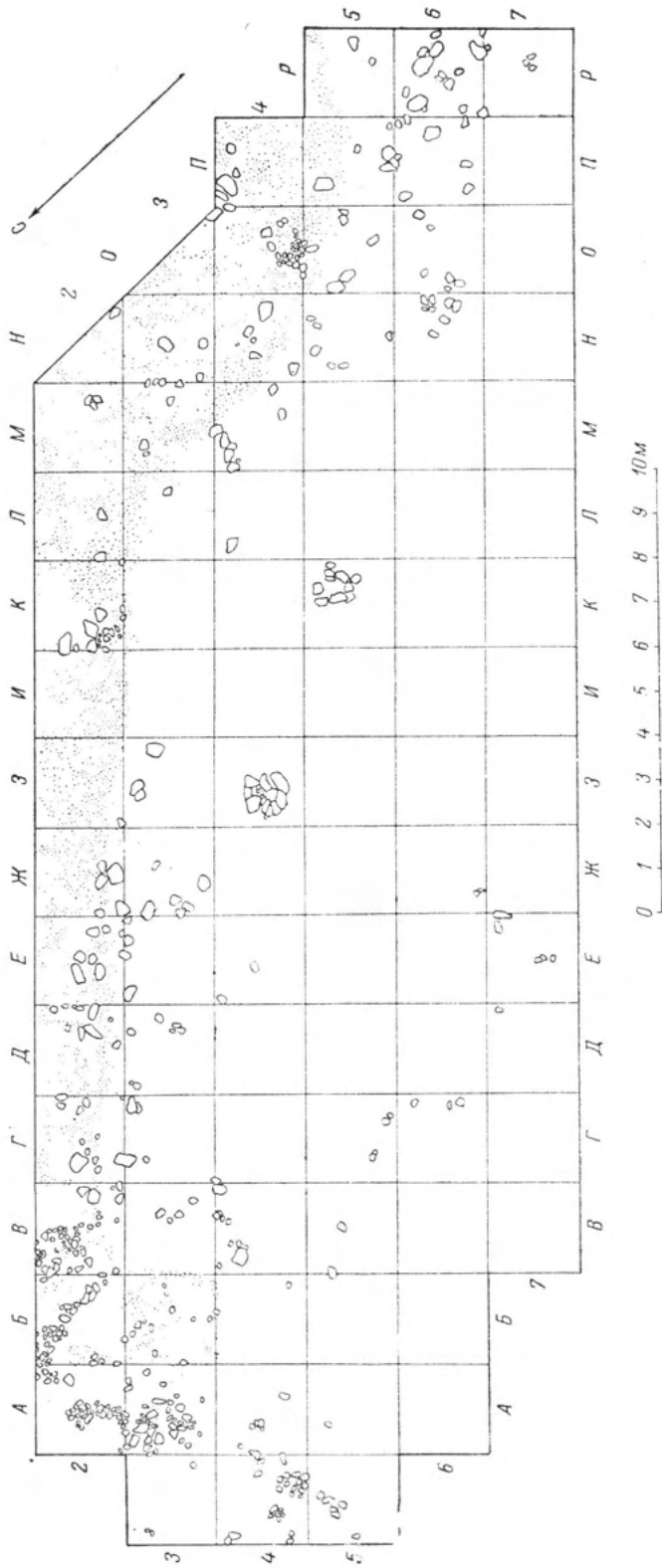

Рис. 6. Городище Грачевка. Нижний горизонт.

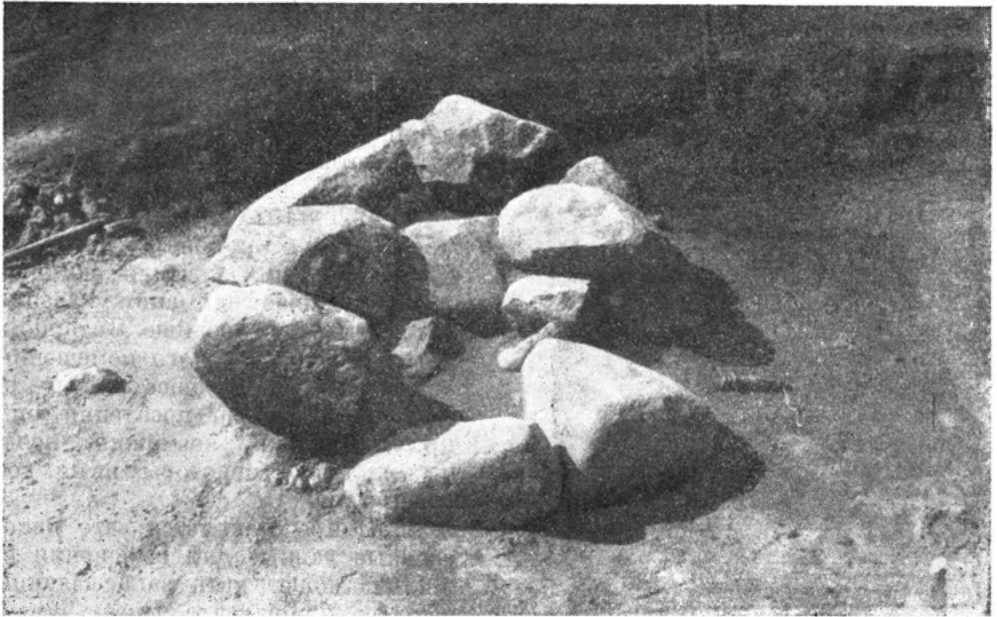

Рис. 7. Очаг. Грачевка.

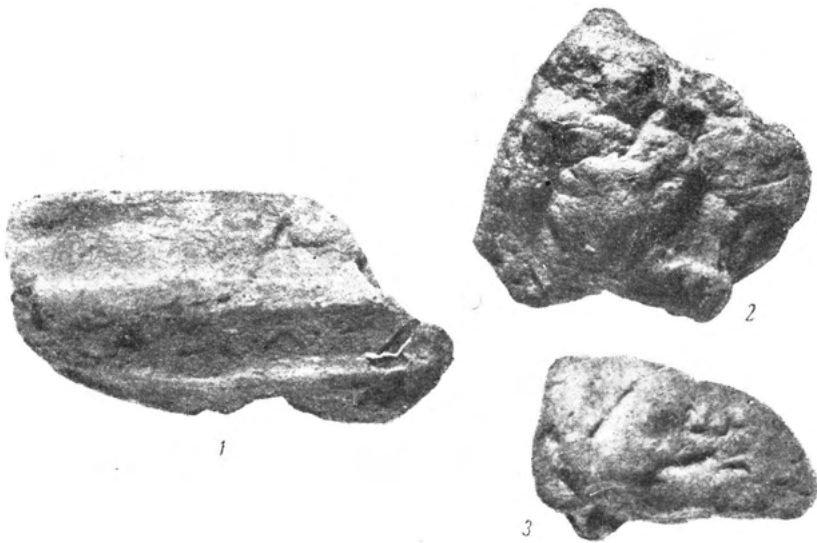

Рис. 8. Куски обожженной глиняной обмазки. Грачевка.

найлены грубая керамика и кости животных.⁷⁶

На территории современного Белостокского воеводства Польши, в повете Голдап отмечены остатки жилищ столбовой конструкции с открытыми очагами, которые датируются II—IV вв. н. э.⁷⁷ Круглые и овальные каменные очаги, относящиеся к первым векам

Рис. 9. Обломок сосуда для хранения жидкости. Грачевка.

нашей эры, зафиксированы на территории современного Ольштынского воеводства.⁷⁸

Весьма любопытный материал обнаружен на поселении в бывшей Западной Пруссии, где исследован поселок I в. до н. э. — I в. н. э. Здесь обнаружены прямоугольные в плане, наземные, а иногда и слегка углубленные в почву жилища столбовой конструкции, с каменными кладками и открытыми очагами.⁷⁹

Если обратиться к аналогичным материалам других прибалтийских земель, то

можно отметить городище Кланги, на котором обнаружены остатки жилищ столбовой конструкции и очаги.⁸⁰

В 1925 г. близ Боцвинки (повет Голдап) на поле обнаружены ямы, представляющие собой остатки жилищ столбовой конструкции, с открытыми очагами. Эти жилища датируются первой половиной I тысячелетия н. э.⁸¹

В 1925—1926 гг. в воеводстве Эльбланг (Мейслатен) были обнаружены следы поселка с углубленными в землю жилищами.⁸²

Заслуживает внимания указание Г. Кроме о том, что на городище Янтарном были открыты следы большого помещения, которое автор называет «общественным зданием».⁸³ При исследовании поселения Гижицко открыты остатки, возможно, полуземляночных жилищ. В некоторых из них сохранились следы пола.⁸⁴

Нам представляется, что некоторые косвенные данные для выяснения назначения жилищ может дать запас злаков, обнаруженный в Грачевке. Здесь близ северо-восточной части вала и частично заходя под вал, в слое пережженной земли, на площади не менее 30 м² лежал слой сторовшей пшеницы.⁸⁵ Его можно рассматривать как некий запас, хранившийся в специально отведенном ему месте.

Переходя к характеристике вещевое материала, добытого главным образом в Грачевке, следует заметить, что численно он довольно значителен. Среди находок очень много керамики и большое количество янтаря, встречаются отдельные бронзовые подделки и другие находки. Характерно вместе с тем, что среди изделий сравнительно редки железные вещи.

Керамика ранних поселений целиком лепная, весьма разнообразная.

⁸⁰ Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тыс. до н. э. на территории Латвийской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 74.

⁸¹ W. Gaerte. Eine Siedlung mit Pfostenhäusern aus römischer Kaiserzeit bei Alt-Bodschwinken, Kr. Goldap. «Prussia», 1922—1925, Bd. 26, стр. 315—317.

⁸² M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IX, стр. 292.

⁸³ Н. Строме. Führer... , стр. 37.

⁸⁴ Е. Антоневич. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики, стр. 168. — J. Antoniewicz i J. Okulicz. Sprawozdanie... , стр. 20, 27.

⁸⁵ См. Приложение, стр. 421.

⁷⁶ Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 137—138.

⁷⁷ Altpreussen, 1938, H. 1, стр. 27—28.

⁷⁸ Там же, 1937, H. 2, стр. 57—58.

⁷⁹ W. Heym. Eine baltische Siedlung der frühen Eisenzeit am «Kleinen See» bei kl. Stärkenau (Westpreussen). Mannus, 1937, Bd. 29, стр. 3—51.

Здесь встречены сосуды различного назначения: для хранения запасов, варки пищи и изготовления сыра. Обнаружено также много столовой посуды.

Наряду с грубой керамикой с большой долей примесей дресвы в тесте и плохого обжига встречаются великолепные образцы лощеной посуды.

Керамика представлена сосудами баночных и профилированных форм, посудой малых и больших размеров.

Значительная группа сосудов, предназначенная для хранения запасов, характеризуется крупными размерами (диаметром до 35 см, высотой до 50 см). Эти сосуды имеют хорошо профилированную форму, слегка отогнутый или прямой венчик, короткую шейку, высокие плечики и удлиненное тулово. Иногда встречаются и сосуды биконической формы.

Нижняя часть этих сосудов нередко шероховатая, а иногда обмазана глиной (рис. 12).

Обращает на себя внимание обломок сосуда этой группы, наружная часть которого шероховатая и обмазана глиной, а внутренняя глянцеви́то-черная. Возможно, что этот сосуд предназначался для хранения жидкости (рис. 9).

Кухонная керамика со следами нагара, а иногда и с остатками пищи (обожженное просо) изготовлена довольно грубо. Это сосуды средних размеров (диаметром 20—25 см, высотой до 20 см), с примесью дресвы и шамота, в форме банок, мисок и горшков с высокими плечиками (рис. 10—12).

Ближайшим образом связаны с кухонной керамикой сосуды для выделки сыра. Рыхлые и слабо обожженные, они имели прямой венчик и биконическое с дырочками тулово. Размеры этих сосудов следующие: диаметр, 12—14 см, высота 10—12 см, (рис. 13).

Сосуды для хранения пищи и кухонная керамика нередко украшены защипами по венчику. Первая группа сосудов к тому же иногда украшена по тулову

валиками с насечками и защипами⁸⁶ (рис. 14).

Весьма разнообразна столовая посуда. Здесь можно указать тонкие, хорошо отмуценные и тщательно выделанные резко профилированные сосуды (диаметром до 20 см, высотой до 15 см), иногда снабженные одной ручкой, орнаментированной штампом (рис. 15 и 16).

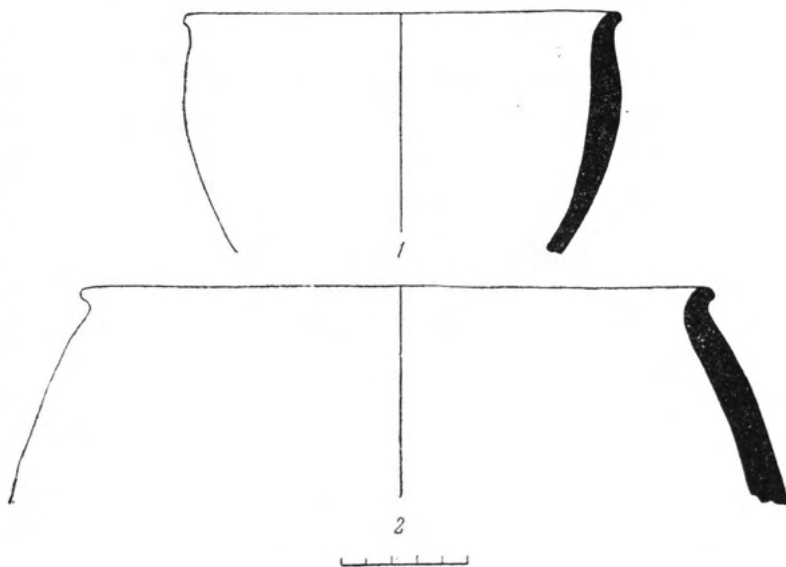

Рис. 10. Кухонные сосуды. Грачевка.

Особый интерес представляет лощеная керамика, составляющая около 2/3 столовой посуды. Это черные, очень хорошо выделанные, тонкостенные (диаметром до 15 см, высотой до 12 см) горшочки, миски и сосуды с цилиндрической шейкой и широким туловом (рис. 17).⁸⁷

Наряду с черной встречается желтая лощеная керамика менее совершенной выработки. Здесь лощение прослеживается нередко лишь с наружной стороны сосуда.

Желтая керамика представлена тонкостенными мисками с ребристым изломом и одноручными, профилированными сосудами, аналогичными вышеописанным нелоще-

⁸⁶ Подобная керамика встречена на других городищах (см. Приложение, стр. 434, 436, 437).

⁸⁷ Помимо Грачевки, эта керамика найдена в Заозерье, Русское I, Логвиново II (см. Приложение, стр. 434, 436, 437).

ным. Размеры сосудов: диаметр до 20 см, высота 13—14 см.

Желтая лощеная посуда иногда орнаментирована двойными ломаными линиями

Таким образом, в ранних поселениях среди массовой керамики можно отметить

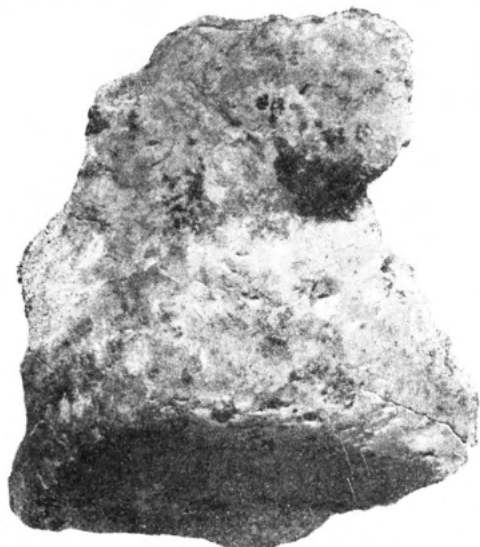

Рис. 11. Кухонные сосуды.

1 — обломок стенки; 2 — днище.

по тулову, а ручки их — вертикальными насечками (рис. 16).

Среди отдельных обломков обращают на себя внимание фрагменты сосудов с парными налестками на стенках (рис. 19).

Найдены единичные черепки со шнуровым орнаментом, украшенные ямками (рис. 20).

Рис. 12. Сосуд. Грачевка.

разнообразные формы сосудов: крупные корчаги и миски, слабо профилированные сосуды с защипами по венчику и одноручные, резко профилированные сосуды, специализированные горшки для изготовления сыра и различные формы лощеной керамики.

Рис. 13. Сосуд для изготовления сыра. Грачевка.

Аналогичная керамика найдена при исследовании поселения Гижичко. Таковы не-

которые формы мисок и одноручных сосудов, сосуды для изготовления сыра и др. Сходство отмечается в приеме обмазывания наружной части сосуда и в орнаментации защипами.⁸⁸

чевки аналогична миске из погребения 33 могильника Петелькау.⁹¹ Сосуд с заглаженной верхней и шероховатой нижней частью найден в погребении 15 могильника Коврово.⁹²

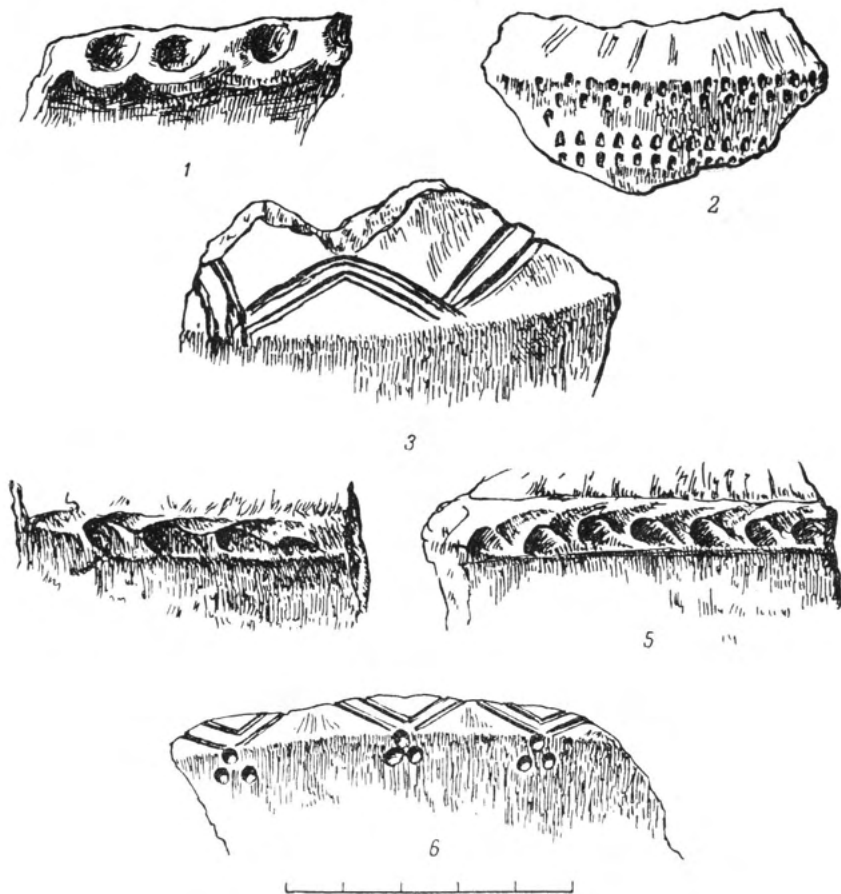

Рис. 14. Орнамент керамики раннего поселения. Грачевка.

Вместе с тем аналогии этой керамике находятся в могильных памятниках Калининградского полуострова.

Аналогии крупным сосудам часто встречаются в инвентаре могильников Коврово и Котельниково.⁸⁹

Мисочка из Кострово (рис. 70, 1) сходна с сосудом в погребении 165 могильника в Коврово.⁹⁰ Желтая лощеная миска из Гра-

Эта керамика встречается и в инвентаре могильников восточной Мазовии.⁹³

Подобная керамика повсеместно распространена в памятниках Польши, датированных первыми веками нашей эры.⁹⁴

Прием обмазывания поверхности сосудов глиной широко практиковался и в керамике

⁹¹ «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 114, рис. 109.

⁹² Ostpr. Alt., табл. XII, 7.

⁹³ J. Marcinaк, Dwa cmentarzyska ciałopalne z okresu rzymskiego w Judzikach i Bargłowie Dwornym, pow. Augustów. Wiad. Archeol., 1950, t. XVII, стр. 57.

⁹⁴ J. Antoniewicz. Archeologia Polska. Warszawa, 1928, стр. 159.

⁸⁸ J. Antoniewicz i J. Okulicz. Sprawozdanie... , табл. II, 19; VIII, 3, 7, 8; IX, 10; XI.

⁸⁹ Ostpr. Alt., табл. XXI, 2, 4. — W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 217, рис. 164.

⁹⁰ Ostpr. Alt., табл. XXVI, 8.

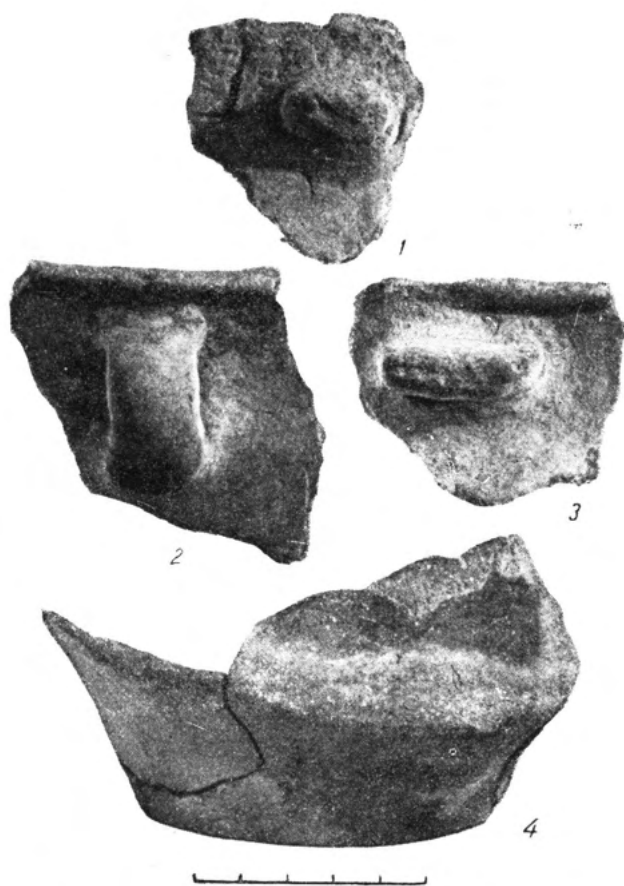

Рис. 15. Обломки столовой посуды. Грачевка.

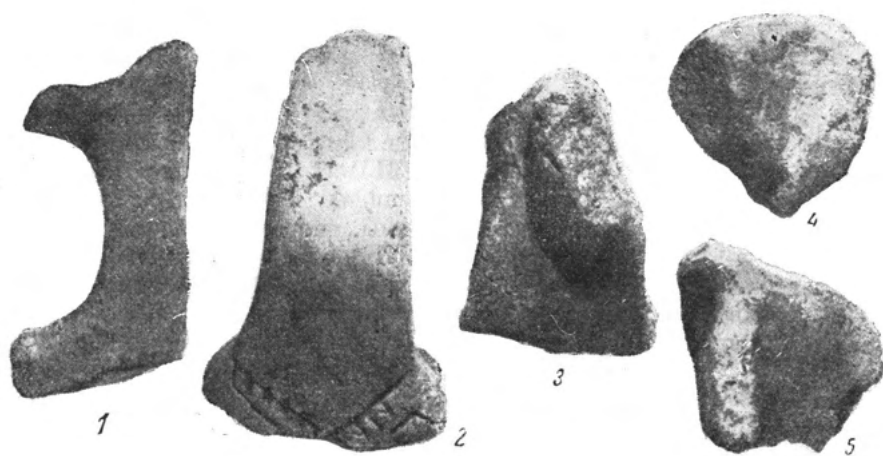

Рис. 16. Ручки сосудов. Грачевка.

Латвии, датируемой последними столетиями до нашей эры.⁹⁵

Среди керамики Грачевки встречаются обломки сосудов с парными округлыми налпами на стенках. Подобные налпы — характерная черта сосудов-«приставок» в погребениях ряда могильников Калининградского полуострова.⁹⁶

Второе место среди находок принадлежит янтарию, который в виде необработанных кусков найден на многих ранних поселениях.⁹⁷

В Грачевке обнаружено свыше 500 кусков янтара. Часть из них находилась в сосудах, иногда неподалеку от очагов, что, возможно, связано с тем, что янтарь могли «томить», т. е. держать вблизи огня, для того, чтобы он изменял свою окраску.⁹⁸ (рис. 21).

Незначительное количество янтара имеет следы обработки, обточенные и шлифованные грани.

Встречено также несколько заготовок из янтара для бус округлой и цилиндрической формы, диаметром до 1,5 см. В числе заготовок одна, крупного диаметра (5 см), предназначалась, по-видимому, для пряслица (рис. 22, 1).

Готовых изделий из янтара найдено очень мало. Среди них 7 бус, из которых лишь одна, уплощенно-цилиндрической формы, с рифленой боковой частью, тщательно обработана. Остальные 6 бус, уплощенно-круглые или цилиндрические, изготовлены грубо и примитивно⁹⁹ (рис. 23, 6—12).

Отметим, что куски янтара наряду с янтарными изделиями являются характерными находками могильных памятников этой территории.¹⁰⁰

Остальные находки встречаются единично; к ним принадлежат металлические плаки, изделия из бронзы и отдельные стеклянные бусы.

Куски железных шлаков, обнаруженные в Грачевке, Русское I и др., небольших размером и легкие.

Железные изделия на поселениях единичны и весьма невыразительны.¹⁰¹ Это небольшие куски окислившихся вещей, назначение которых трудно определить.

Из немногочисленных бронзовых поделок следует назвать ажурную подвеску и две

Рис. 17. Лощенные сосуды. Грачевка.

1 — черный; 2 — желтый.

бронзовые булавки, одна из которых с конической, рифленой головкой напоминает изделия, встречающиеся в Понеманье¹⁰² (рис. 24, 1—3).

Значительный интерес представляет бронзовая оковка с утолщенным краем, в кото-

⁹⁵ Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тыс. до н. э. на территории Латвийской ССР, стр. 73, рис. 25.

⁹⁶ Ostpr. Alt., табл. XX.

⁹⁷ См. Приложение, стр. 424, 432 и др.

⁹⁸ Янтарь в очагах найден на поселении г. Ка¹ лишь римского времени (см.: М. D g e w k o. Slady osady z czasow cesarstwa Rzymskiego na Tyncu w Kaliszu. Wiad. Archeol., 1953, t. XIX, стр. 201).

⁹⁹ См. Приложение, стр. 424.

¹⁰⁰ См. главу III настоящей работы.

¹⁰¹ См. Приложение, стр. 424.

¹⁰² W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 226, рис. 171.

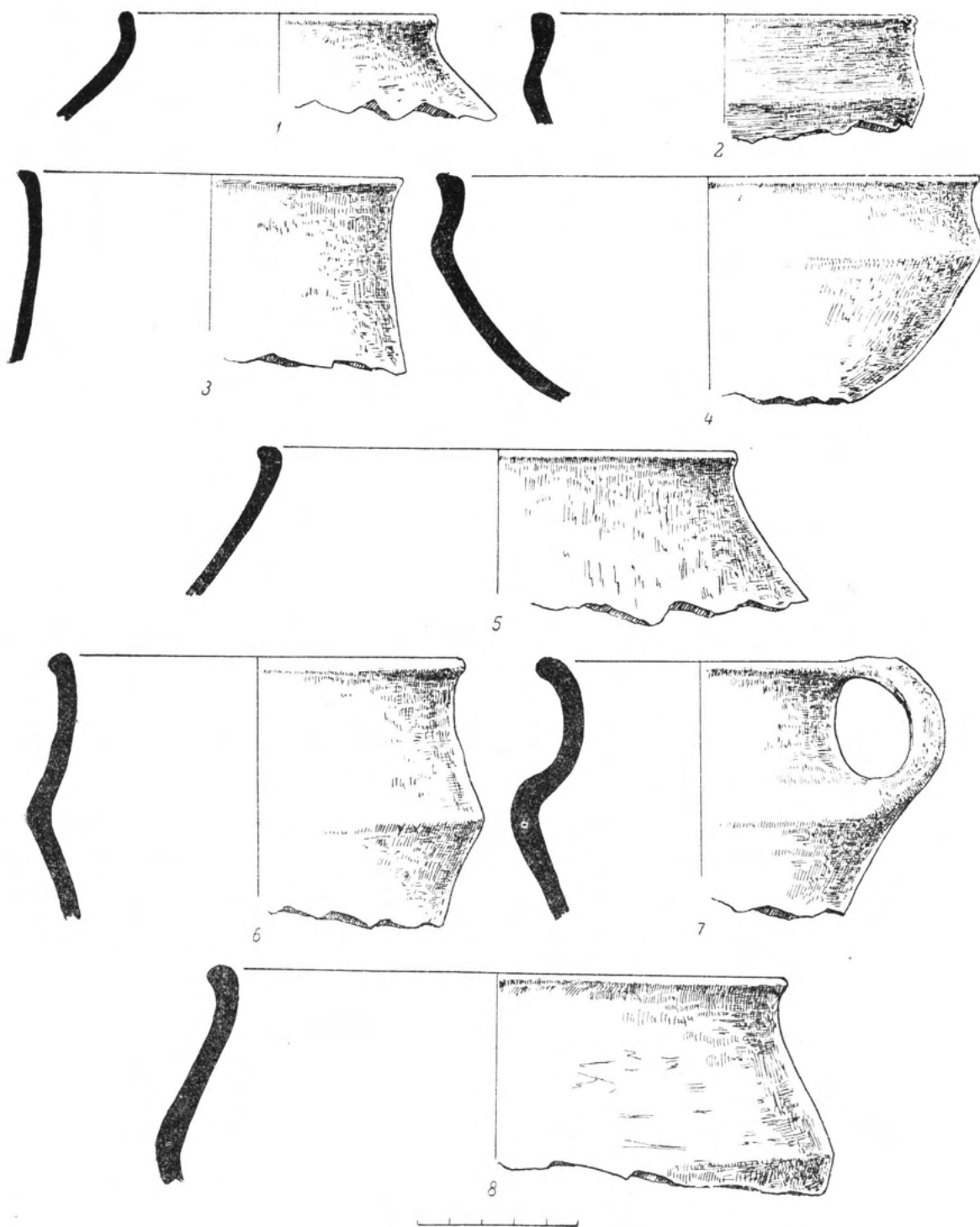

Рис. 18. Лощеная керамика. Грачевка.

1—5 — обломки черных сосудов; 6—8 — обломки желтых сосудов.

рой, видимо, можно усмотреть край сосуда¹⁰³ (рис. 24, 4).

Среди других единичных находок следует упомянуть синие стеклянные кольцевые бусы¹⁰⁴ (рис. 23, 1—5). Подобные находки хорошо известны по могильным памятникам этой территории.¹⁰⁵

Из числа органических остатков в Грачевке найдены злаки. По определению В. А. Петрова, это мягкая пшеница хорошего налива и метельчатое просо.¹⁰⁶

Кости животных в песчаном слое не сохранились.

Ввиду неисследованности поселений вопрос о датировке ранних слоев поселения в Грачевке и других синхронных поселений является весьма сложным.

Обломки сосудов со шнуровым и ямочным орнаментом и обломок обушной части каменного топора свидетельствуют о том, что на этом месте существовало поселение эпохи неолита или ранней бронзы.¹⁰⁷

Значительная часть керамики может быть отнесена ко времени до середины I тысячелетия до н. э. Это одноручные сосуды, некоторые типы мисок, возможно сосуды для изготовления сыра и другая керамика, сходные формы которой найдены на поселении Гижицко. У подножия вала этого городища встречен обломок широкого пластинчатого браслета с продольной и косой насечкой, позволяющей датировать весь слой временем перехода от гальштадта к латену.¹⁰⁸

Поселения первой половины I тысячелетия н. э. на тех местах, где позже были городища, не являются редкостью в Прибалтике. Так, на городище Янтарном была обнаружена керамика раннего железного века, т. е. не позднее V в. до н. э.¹⁰⁹

Одноручные сосуды известны из курганных находок эпохи позднего латена.¹¹⁰ Вместе с тем ряд находок свидетельствует о том, что здесь поселение существовало и в первую половину I тысячелетия н. э.

Распространенные в Грачевке крупные сосуды с высокими плечиками и защипами

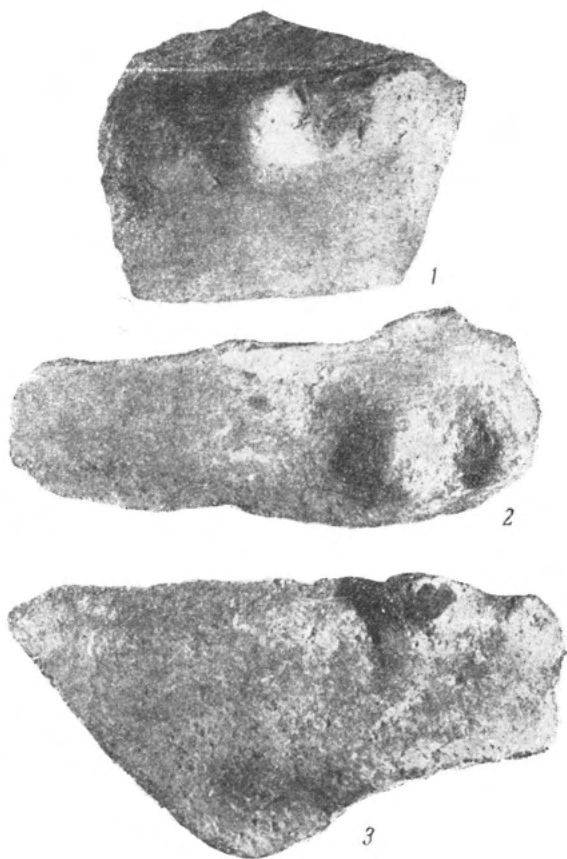

Рис. 19. Керамика с парными налепами. Грачевка.

¹⁰³ См. Приложение, стр. 424. Часть бронзового ковша найдена в одном из могильников Калининградского полуострова — Поваровке (H. J. Eggers. *Der Römische Import im freien Germanien*. Hamburg, 1951, стр. 102—103).

¹⁰⁴ См. Приложение, стр. 424.

¹⁰⁵ Schriften, 1878, Bd. 19, стр. 239—240.

¹⁰⁶ См. Приложение, стр. 448, 449. Определение злаков произведено также сотрудником Всесоюзного института растениеводства М. И. Якубцинером.

¹⁰⁷ W. Gaerte. *Urgeschichte Ostpreussens*, стр. 39, табл. 26; стр. 150, рис. 101.

¹⁰⁸ J. Antoniewicz. *Wyniki prac...*, стр. 241—243.

¹⁰⁹ H. Strome. *Führer...*, стр. 37.

по венчику характерны для ряда могильников Калининградского полуострова (Котельниково, Эйсельбитен, Грейбау, Зеерапен, Коврово и т. д.).¹¹¹ Урны этого типа найдены лишь в захоронениях, совершенных по обряду трупосожжения, где пережженные кости складывались в сосуды. Самое сочетание такой керамики с указанным обрядом является в известной мере

¹¹⁰ W. Gaerte. *Urgeschichte Ostpreussens*, стр. 150, рис. 101.

¹¹¹ Ostpr. Alt., табл. XVIII.

основанием для датировки: на материале могильников устанавливается, что складывание кальцинированных костей в урну существовало лишь до IV—V вв. н. э. Позд-

погребениях с интересующими нас сосудами встречаются втульчатые топоры. Весь этот набор вещей датируется в основном III—IV вв. н. э.¹¹²

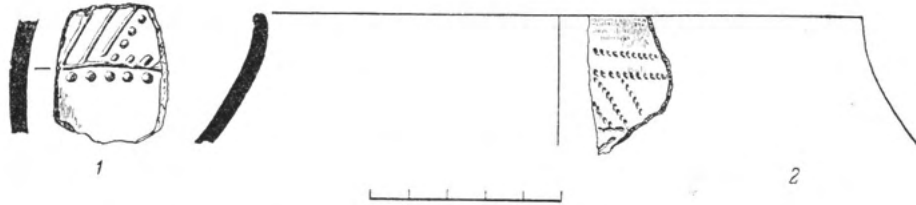

Рис. 20. Обломки керамики с ямочным (1) и шнуровым (2) орнаментом. Грачевка.

нее пережженные кости погребались без урны.

Интересующая нас керамика встречается в погребениях с двумя группами находок.

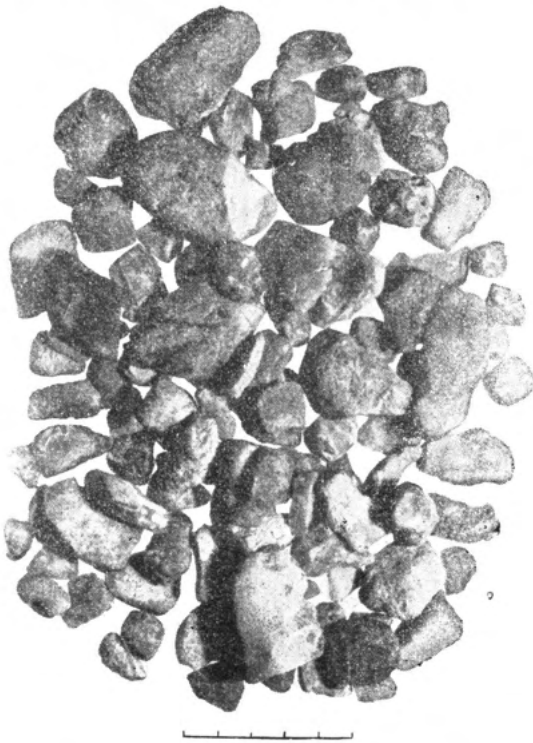

Рис. 21. Куски янтаря. Грачевка.

Одна из них сопровождалась фибулами с подогнутой ножкой, иногда с серебряными колечками на дужке, гривнами с обвитыми проволокой концами и с характерным замком в виде крючка и петли. В мужских

Эти же сосуды встречаются и с более поздним инвентарем. Так, в погребении 140 могильника Коврово, помимо сосуда этого типа, найдены: ременный язычок с тисненым орнаментом, восьмигранные стеклянные и плоско-выпуклые янтарные бусы, а в погребении 147 этого же могильника встречаются фибулы.¹¹³

Нельзя не отметить также того, что сосуды указанного типа обычно находят совместно с римскими монетами, которые на этой территории не встречаются позднее V в.¹¹⁴

Выше упоминались обломки сосудов с парными налепами. Эти налепы весьма характерны. В керамике могильников Калининградского полуострова они встречаются лишь в тех погребениях, которые датируются III—V вв. (Эйслитен, Коврово, Грейбау, Польвиттен и др.).¹¹⁵

Сосуды с шероховатой нижней частью в погребениях восточной Мазовии найдены вместе с инвентарем II—III вв.¹¹⁶

Мисочка из Кострово сходна с сосудом из могильника Вогау (Багратионовский район Калининградской области), к сожалению, найденным вне комплекса; сосуды этого типа известны также в комплексах Польвиттен, датированных III—V вв.¹¹⁷

Черный лощеный горшочек с поселения аналогичен сосуду из погребения 129-а

¹¹² Там же, стр. 19, 24, 31.

¹¹³ Там же, стр. 19—20.

¹¹⁴ См. главу III настоящей работы.

¹¹⁵ Ostpr. Alt., табл. XX.

¹¹⁶ J. M a r c i n a k. Dwa cmentarzyska. . . , стр. 65, 75, 76.

¹¹⁷ Ostpr. Alt., стр. 34.

в Грейбау, обнаруженному вместе с вещами III—IV вв.

Часть черных лощеных сосудов сходна с керамикой мазовецких могильников III—IV вв. н. э. (повет Мрангов).¹¹⁸

Янтарь в кусках характерен лишь для погребений этой территории, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э. Следовательно, массовые находки его на поселении являются известным датированным признаком.

Хорошо выделанные янтарные цилиндрические бусы с рифлеными бочками, подобные экземпляру из Грачевки, встречены в ряде погребений могильника Гребитен. Они найдены вместе с фибулами с подогнутой ножкой, иногда с кольцевыми украшениями и другими изделиями, относящимися к III—IV вв.¹¹⁹ Подобная буса обнаружена в погребении 7 Боцвинка (повет Голдап) с фибулой с подогнутой ножкой.¹²⁰

Датирующими находками служат также синие кольцевые бусы, которые довольно часто встречаются в могильных памятниках этой территории. В погребении 98 Гребитен они найдены вместе с фибулой с подогнутой ножкой, с кольцевым украшением.¹²¹

Бронзовые булавки, подобные найденным в Грачевке, известны в могильниках повета Мрангов III—V вв.¹²² До некоторой степени датирующей находкой является и край бронзового сосуда. Ближайший на этой территории бронзовый ковш найден в Поваровке вместе с витой гривной с отогнутыми концами, пластинчатый браслетом и резко профилированной фибулой. Как справедливо писал А. Беценбергер, этот комплекс относится к III—IV вв. н. э.¹²³

Датировка материалов Грачевки может быть распространена и на материалы ряда других поселений Калининградского полуострова. Черная лощеная керамика в Заозерье, Логвиново II, Русское I и селище Кострово дает возможность отнести эти па-

мятники к тому же времени, которым датируется Грачевка, а паличие на селище Ян-

Рис. 22. Заготовки из янтаря. Грачевка.

1 — пряслице; 2 — подвеска; 3, 4 — бусы.

тарный профилированной керамики с защитами по венчику позволяет причислить и это поселение к памятникам III—V вв.

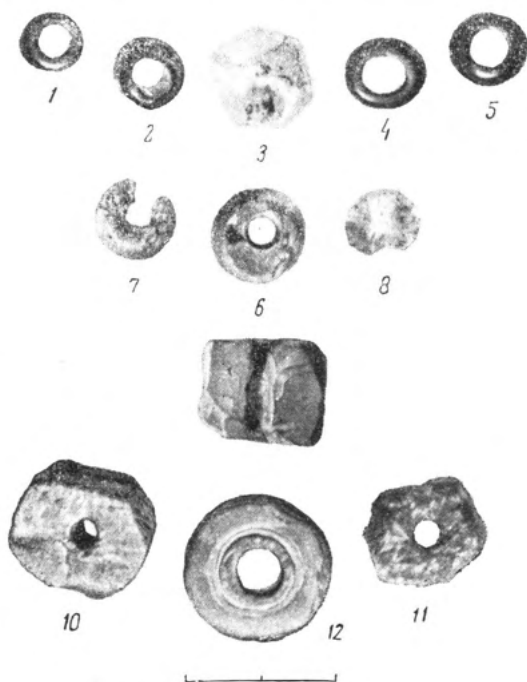

Рис. 23. Бусы. Грачевка.

1—5 — стеклянные; 6—12 — янтарные.

Итак, сопоставляя материалы поселений Калининградского полуострова с материалами синхронных поселений и погребений, можно прийти к следующим выводам.

¹¹⁸ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 217, рис. 164, a, c.

¹¹⁹ G. Vujack, J. Heideck. Das Gräberfeld der römischen Periode zu Gebieten «Prussia», 1886—1887, Bd. 13, (В дальнейшем: Gebieten), стр. 208, 212—214, 245, 247—249.

¹²⁰ Schriften, 1878, Bd. 19, стр. 257.

¹²¹ J. Heydeck. Gebieten, стр. 245.

¹²² W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 226.

¹²³ A. Bezenberger. Analysen... , стр. 79—81.

где наряду с керамикой первой половины I тысячелетия н. э. найден обломок сосуда с длинной шейкой и ребристым туловом. Подобная керамика известна в ряде погребальных комплексов этой территории VI—VII вв.¹²⁶

В свое время Г. Кроме некоторые городища (Янтарный, Дружное) рассматривал в качестве памятников, существовавших до III—VIII вв.¹²⁷

Отдельные поселения, относящиеся к VI—VIII вв., известны в окрестностях Эльблонга, где обнаружены прямоугольные в плане жилища столбовой конструкции, в центре которых находились каменные очаги.¹²⁸

Начиная с VI—VIII вв. в восточной Прибалтике значительно возрастает роль укрепленных поселений.¹²⁹

Часть обследованных нами памятников возникает на тех же местах и поселениях первой половины I тысячелетия н. э. (Грачевка, Заозерье и др.). Наряду с этим появляются поселения, основанные на новых местах (Логвиново I, Русское II, Кумачево и т. д.).¹³⁰ Селища прослеживаются главным образом при городищах.¹³¹

Среди укрепленных поселений по-прежнему отмечаются мысовые городища и городища, расположенные на холмах. Однако соотношение между ними несколько иное, чем в предшествующее время. Если в ранний период число городищ, расположенных на холмах, незначительно, то в конце I—начале II тысячелетия они составляют половину памятников (7 из 15).¹³²

Мысовые городища соответственно системе оборонительных сооружений делятся на следующие типы: 1) простые, 2) усложненные и 3) сложные.

Простые укрепленные поселения, защищенные с напольной стороны одним валом (Пионерск, Куликово), а иногда дополнительным мысом (Дружное), описаны выше.

Этот тип поселений существовал и в конце I—начале II тысячелетия н. э.¹³³

Аналогичные поселения известны по данным немецкой литературы. Городище Лазовское во многом сходно с городищем Куликово¹³⁴ (рис. 25, 2). На о. Дайме зарегистрировано укрепленное поселение с мысовым и напольным валом, весьма сходное с городищем Дружное.¹³⁵ По рр. Голдапу, Дайме, Анграпе известен ряд мысовых городищ, обнесенных валом с напольной стороны.¹³⁶ Новый, несколько усложненный тип мысового городища, огражденного с напольной стороны двумя-тремя валами, представлен поселениями Логвиново I, Заозерье, Романово II и др. Их валы достигали 5—6 м высоты, и между ними пролегли рвы глубиной до 2 м¹³⁷ (рис. 26). Система двойных и тройных валов на городищах известна также в Окунево, Иерусалиме, Колодцах (рис. 25, 3, 4), Таммовишкен.¹³⁸

У с. Дунаевка расположено мысовое городище с мощными кольцевыми валами (рис. 25, 1).¹³⁹ Наиболее сложный тип мысового городища представлен в Грачевке, где отмечаются две разделенные рвом площадки. Одна из них полукруглой формы, окружена кольцевым валом, в то время как другая, прямоугольная с закругленными углами, ограждена с восточной стороны одним, а с западной — двумя валами и рвом¹⁴⁰ (рис. 27). Весьма любопытно по своему устройству городище Великолукское (Калининградский полуостров), состоявшее из двух разделенных рвом площадок и окруженное валами; оно во многом повторяло устройство оборонительных сооружений Грачевки (рис. 25, 7)¹⁴¹

При описании поселений первой половины I тысячелетия н. э. упоминалось, что размеры площадок на мысовых городищах невелики. Небольшие площадки характерны и для городищ поздней группы. Исключение составляет лишь городище Романово II, площадка которого занимала 3000 м².¹⁴²

¹²⁶ См. главу III настоящей работы.

¹²⁷ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 9, 37.

¹²⁸ М. Е b e r t. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IX, стр. 292.

¹²⁹ Х. А. М о о р а. Возникновение классового общества в Прибалтике, стр. 117.

¹³⁰ См. Приложение, стр. 438, 446, 447.

¹³¹ Там же, стр. 432, 437, 442.

¹³² Там же, стр. 424—432, 437—442, 444—447.

¹³³ Там же, стр. 433, 437.

¹³⁴ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 56.

¹³⁵ Там же, стр. 73.

¹³⁶ Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 75—79.

¹³⁷ См. Приложение, стр. 437, 438, 446.

¹³⁸ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 56, 76; Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 73.

¹³⁹ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 24—26.

¹⁴⁰ См. Приложение, стр. 420—421.

¹⁴¹ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 61.

¹⁴² См. Приложение, стр. 446.

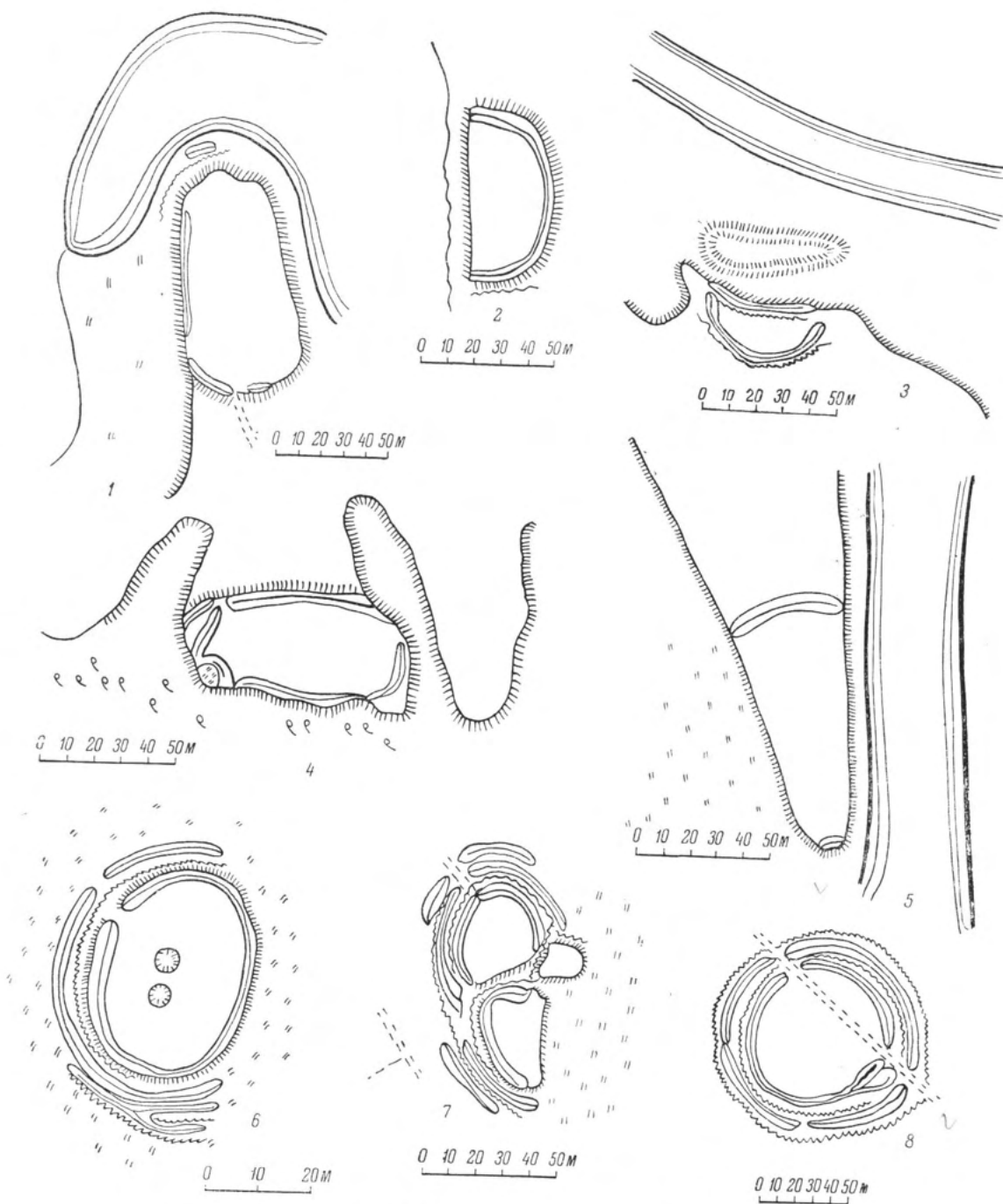

Рис. 25. Планы городищ Калининградского полуострова (по Г. Кроне).

1 — Дунаевка; 2 — Лазовское; 3 — Иерусалим; 4 — Колодцы; 5 — Лишкау; 6 — Эллекхаус; 7 — Великолукское; 8 — Клейн-Дрозден.

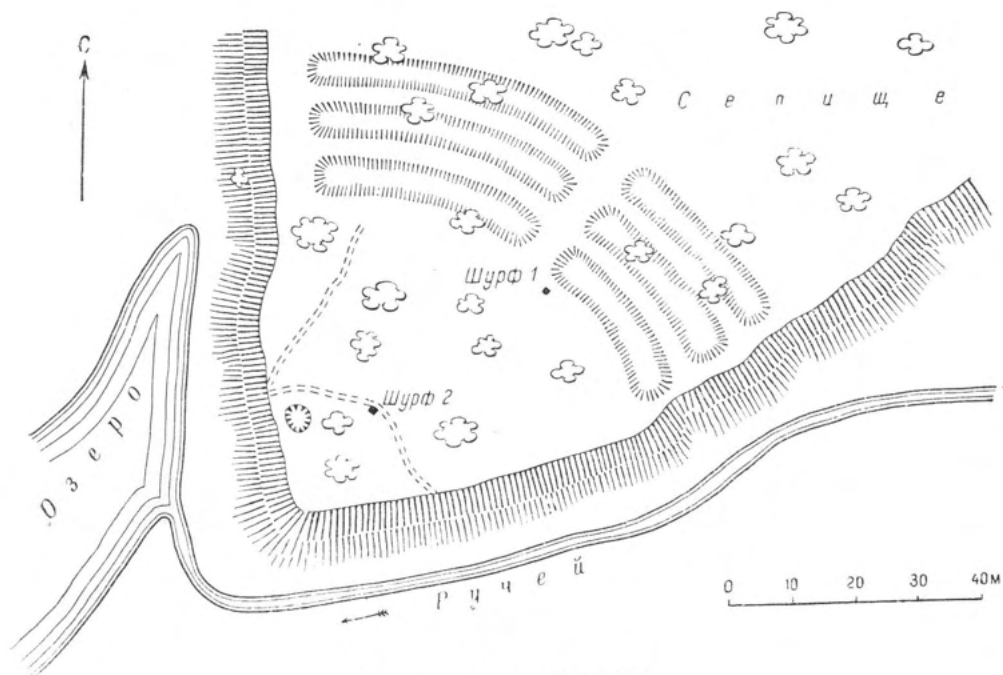

Рис. 26. План городища Заозерье.

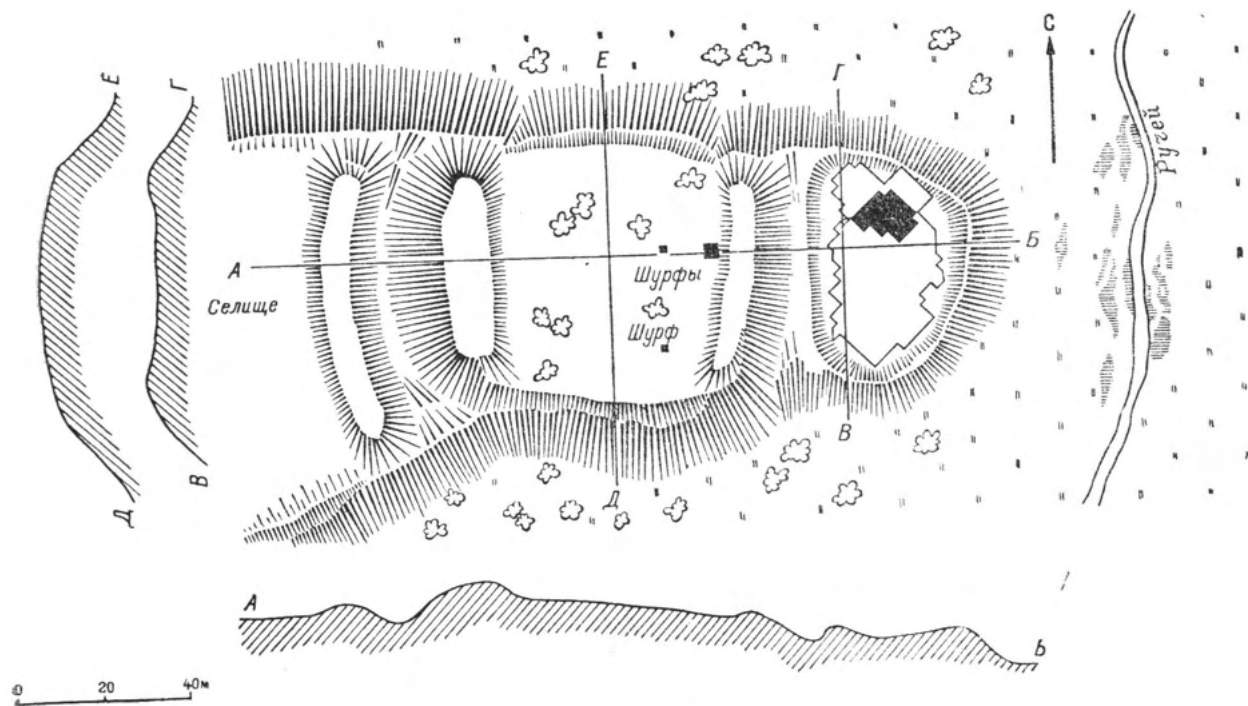

Рис. 27. План городища. Грачевка.

С напольной стороны городищ за валами иногда находились селища, занимавшие в отдельных случаях пространство, намного превышающее площадь городища.¹⁴³ Единичные селища при городищах известны и по старой немецкой литературе; таково Таммо-

сооружений, и лишь на склонах городищ можно заметить следы искусственного обр-тия.

В Марьино одна из сторон (обращенная к реке) несколько выше остальной площадки¹⁴⁶ (рис. 28).

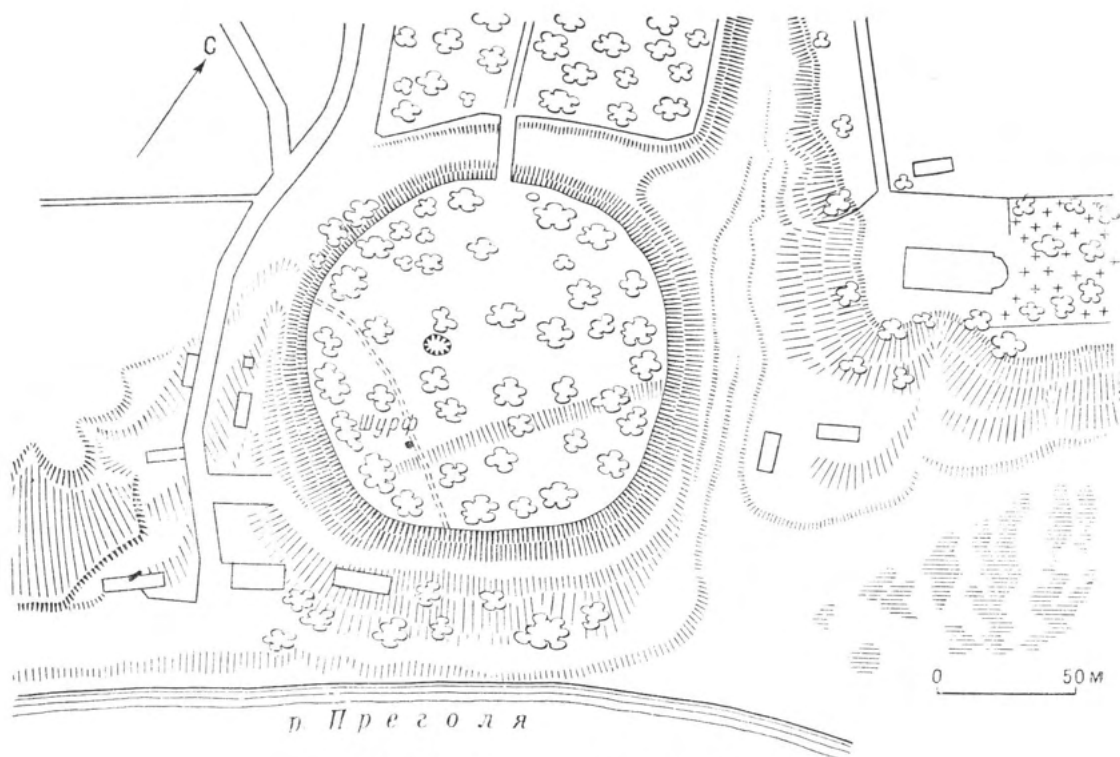

Рис. 28. План городища Марьино

вишкен в Черняховском районе.¹⁴⁴ Открытое поселение при городище изучалось Е. Антоневицем в Мазовии (Езерко).¹⁴⁵

Вторую группу поздних поселений составляют городища, расположенные на высоких холмах, господствовавших на местности. В этой группе, как и в укрепленных поселениях, расположенных на мысах, можно отметить простые, усложненные и сложные оборонительные сооружения.

К числу простых поселений этого типа принадлежат городища Марьино и Романово I, расположенные на сравнительно высоких изолированных холмах вблизи воды. На этих поселениях не было оборонительных

К числу усложненных можно отнести городище Цигенберг, обнесенное двумя замкнутыми валами, притом высота наружного вала достигала в отдельных местах 7 м. На Калининградском полуострове можно указать ряд других укрепленных поселений на холмах с довольно сложной системой оборонительных сооружений, занимавших самые высокие точки Калининградского полуострова.¹⁴⁷

Площадки этих городищ, имеющие в Русском II форму трапеции с закругленными углами, а в Кумачеве форму эллипса, значительно превышают размеры площадок мысовых городищ и достигают 8000 м.¹⁴⁸ На по-

¹⁴³ См. Приложение, стр. 432, 437.

¹⁴⁴ Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 75—79.

¹⁴⁵ J. Antoniewicz. Wyniki prac..., стр. 254.

¹⁴⁶ См. Приложение, стр. 447.

¹⁴⁷ Там же, стр. 445, 446.

¹⁴⁸ Там же, стр. 445, 446.

селении Русское II площадка окружена кольцевым и спиральным валами. В западной части между ними возведены два дополнительных вала¹⁴⁹ (рис. 29). В Кумачеве вокруг площадки возведены два мощных кольцевых вала, а с северной стороны сооружен еще дополнительный полукольцевой. На склоне этого городища насыпан еще

ни с укрепленными городищами смежных территорий, в частности западной Мазовии. Разведочными работами здесь обнаружены укрепленные поселения со сравнительно простыми оборонительными сооружениями. Это холмы с искусственно срезанными склонами, мысовые городища с валом или городища на холмах, с замкнутым валом.¹⁵²

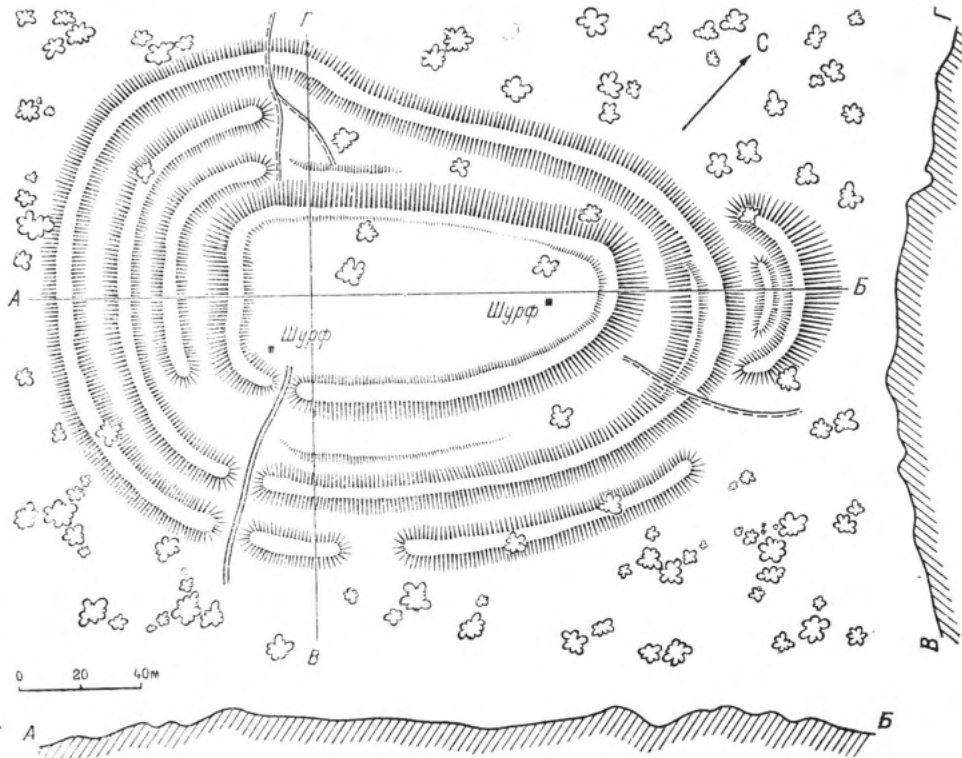

Рис. 29. План городища II к северу от с. Русское.

один вал.¹⁵⁰ Сложную систему оборонительных сооружений имели городища, расположенные на холмах, известные по работам Г. Кроме (Ветрово, Эллерхаус, Клейн-Дрозден¹⁵¹ (рис. 25, 6, 8).

Таким образом, городища Калининградского полуострова принадлежат к числу тех поселений, где большое значение имеет сложная система оборонительных сооружений.

Своеобразие вышеописанных городищ становится особенно наглядным при их сравне-

Для городищ центральной Литвы Л. О. Крживицкий выделяет два типа укреплений: мысовые и седловидные; к последним автор относит городища на холмах, обнесенные кольцевым валом.¹⁵³

Ф. Балодис, классифицируя латвийские городища, выделяет среди них: 1) городища на холмах, со срезанными склонами, не имевшими оборонительных сооружений;

¹⁵² J. Antoniewicz. Z zagadnień ochrony zabytków wczesnośredniowiecznego budownictwa obronnego na Warmii i Mazurach. Sprawozdanie Państwowe Muzeum Archeologiczne, 1950, t. III, z. 3—4, стр. 51—77.

¹⁵³ Л. О. Крживицкий. Жмудские пилкальнисы, стр. 82—129.

¹⁴⁹ Там же, стр. 445.

¹⁵⁰ Там же, стр. 446.

¹⁵¹ Н. Сгомел. Führer. . . , стр. 32, 55.

2) городища со ступенчатыми спусками и террасами; 3) городища с кольцевым валом; 4) городища с укрепленным спуском и валом с одной стороны площадки и 5) городища, находящиеся в конце или середине гряды холмов и отделенные от них одним или несколькими неглубокими рвами.¹⁵⁴

В Эстонии А. Таллгрэн намечает четыре типа городищ: 1) укрепленные поселения без оборонительных сооружений; 2) городища мысового типа; 3) оборонительные сооружения на небольшой возвышенности и 4) городища на высоких холмах.¹⁵⁵

На территории центральной Польши (Wielkopolska) отмечаются поселения с кольцевым валом и поселения на мысах.¹⁵⁶

Нельзя не упомянуть также многочисленных городищ Белоруссии и северо-западных областей РСФСР, где чрезвычайно распространен тип мысовых городищ наряду с городищами с замкнутым валом.¹⁵⁷

При всем разнообразии типов городищ, известных на смежных территориях, трудно, однако, указать там городища, имевшие столь же сложные оборонительные сооружения как городища: Грачевка, Великолукское, Русское II, Кумачево и др.

Характерным признаком поселений поздней группы являются валы. Об их устройстве можно судить на основании частичного вскрытия вала в Грачевке и зачистке обнажений в поселениях Богатое, Русское I и Куликово, а также по данным немецкой литературы. Высота валов обычно 2—3 м, нередко они достигают 5—7 м, а один из валов Грачевки имеет высоту 8 м¹⁵⁸ (рис. 30, I).

Несмотря на значительные размеры валов, внутреннее устройство их довольно примитивно. Под дерном обычно можно

видеть слой насыпной земли, чаще всего песка, в котором на различных глубинах лежат булыжные камни диаметром до 70 см. Камни лежали разрозненно, либо были соединены в небольшие кучи (рис. 30, 2).

При разрезе вала в северо-восточной части мысовой площадки Грачевки обнаружено три слоя булыжных камней, лежащих на глубине от 40 см до 1.6 м. Каждый из слоев присыпан песком, в котором нередко встречаются обломки керамики, характерной для раннего поселения.

Камни, находящиеся внутри вала, имеют преимущественно небольшие размеры, в то время как отдельно лежащие булыжники довольно крупные. В валу Грачевки был найден камень 1.5 м длиной.¹⁵⁹

На второй площадке Грачевки также обнаружены булыжные камни, относящиеся к внутренней конструкции вала.¹⁶⁰ Отдельно лежащие или соединенные в кучки камни в валах отмечаются в поселениях: Богатом (рис. 31), Куликово, Русском I и Логвиново II,¹⁶¹ т. е. на поселениях как ранней, так и поздней группы.

Помимо камней, при возведении валов использовалось дерево. В Заозерье обнаружены куски истлевшего дерева, связанные, по-видимому, с внутренним устройством вала.¹⁶² Г. Кроме писал, что при разрезе валов на городищах Дружное и Куликово найдены следы деревянных конструкций. В Куликово они представляют собой обугленные балки, лежавшие на глубине 2.5 м.¹⁶³ Куски обожженной глины и остатки установленных в вертикальном положении дубовых бревен прослежены в городище Баллетен Озерского района. Обожженная глина отмечена также в валу городища Юдтнен Гусевского района.¹⁶⁴

Трудно сказать, относятся ли сохранившиеся на этих городищах валы к ранним поселениям. Вряд ли можно, однако, сомневаться в том, что на мысовых городищах они должны были существовать уже в раннюю пору; поселения на высоком недоступном для внешнего нападения месте лишь в том случае соответствовали своему назначению, если они были снабжены с незащи-

¹⁵⁴ F. Balodis. Die lettische Burgberge, стр. 270—294.

¹⁵⁵ A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, Bd. II, стр. 160—163.

¹⁵⁶ W. Kowalenko. Grody i osadnictwo... стр. 49—73.

¹⁵⁷ Працы Катэдри археологіі, т. I, Менск, 1928. — Працы Археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930. — Я. В. Станкевич. 1) Археологическая разведка в Великолукской обл. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 85—86; 2) Итоги археологических работ в Великолукской обл. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 91; 3) Исследование памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1940—1951 гг. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 66.

¹⁵⁸ См. Приложение, стр. 421.

¹⁵⁹ Приложение, стр. 429.

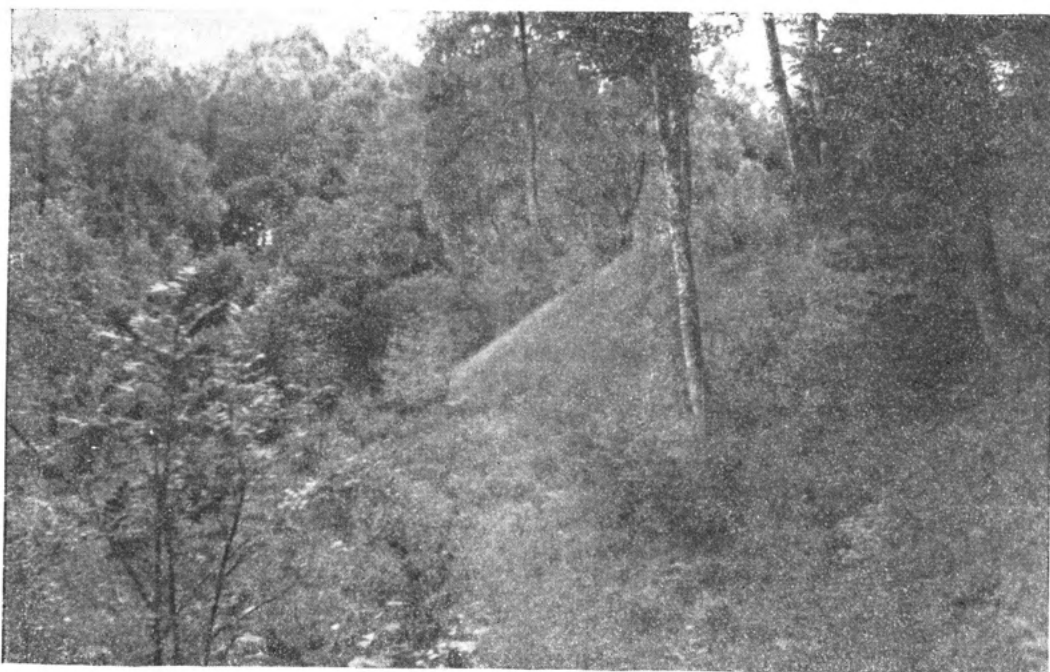
¹⁶⁰ Там же, стр. 432.

¹⁶¹ Там же, стр. 433, 434, 436.

¹⁶² Там же, стр. 437.

¹⁶³ H. Cromé. Führer... стр. 50.

¹⁶⁴ Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 77.

1

2

Рис. 30. Вал. Грачевка.
1 — общий вид; 2 — камни вала.

щенной, напольной стороны системой укреплений.

Что касается вала на городище Грачевка, то этого вопроса нам уже приходилось касаться.

В первой публикации этого памятника нами было высказано предположение, что древнее поселение в Грачевке не имело оборонительных сооружений. Основанием для такого утверждения послужило то обстоя-

А. Тальгрэн отмечает, что в основании земляных валов эстонских городищ использовались камни.¹⁶⁷

Большие, но в общем простые по своему устройству валы городищ Калининградского полуострова время от времени нуждались в обновлении. Одним из примеров этого является, по-видимому, вал в Грачевке, состоявший из трех ярусов камней.

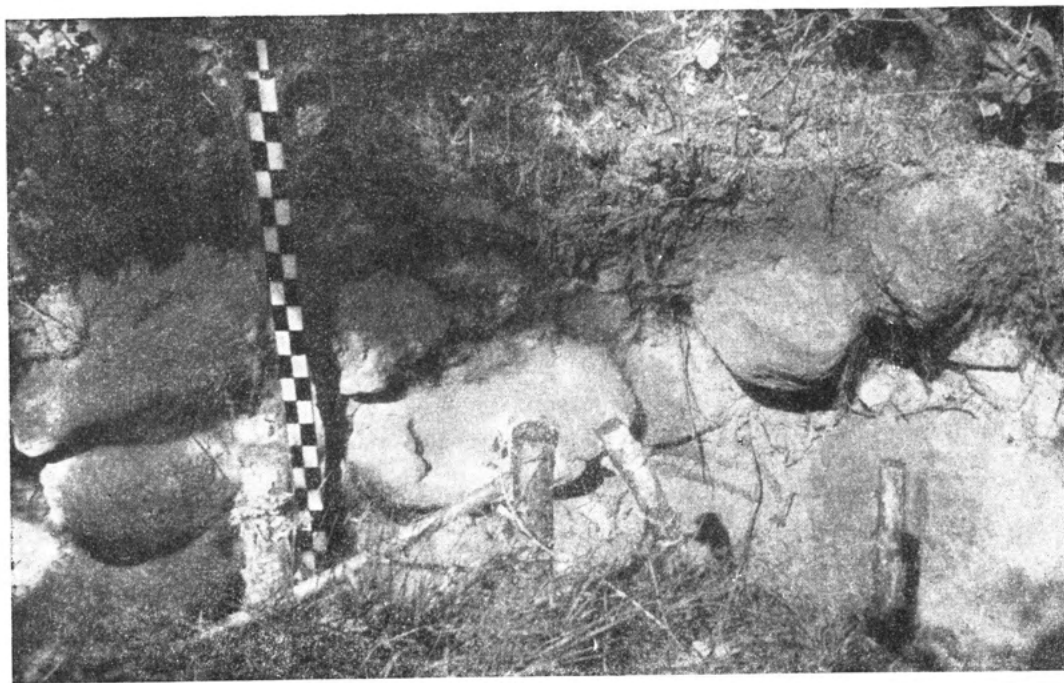

Рис. 31. Разрез вала. Богатое.

тельство, что слой нижнего горизонта поселения частично оказался под валом. Впоследствии от этого мнения пришлось отказаться; нахождение части культурного слоя под валом может объясняться его оплывом. Возможно, что благодаря какой-то преграде, смывавшийся культурный слой был остановлен и сконцентрирован. Этой преградой и являлся, по-видимому, вал.¹⁶⁵

Камни и деревянные сооружения обнаружены в валах городищ восточной Прибалтики — Апуле и Импильтис, особенно на последнем.¹⁶⁶

¹⁶⁵ Ф. Д. Гуревич. Раскопки на городище Грачевка, стр. 85, 86.

¹⁶⁶ J. Puzinas. Naujausiu proistoriniu tyrinejimu duomenys, табл. LIII.

Гораздо меньше данных имеется об устройстве рвов, достигавших в отдельных случаях 5 м глубины и 15 м ширины. Бёнигк предполагал, что это были сухие, т. е. незаполнявшиеся водой, рвы.¹⁶⁸

Почти на всех поздних поселениях (за исключением Марьино) сохранился культурный слой. Мощность его не превышает 50—80 см. Насыщенность культурного слоя находками сравнительно небольшая, характерным заполнением его были булыжные

¹⁶⁷ A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, Bd. II, стр. 160.

¹⁶⁸ Boenigk. Ueber Ostpreussische Burgwälle, стр. 70.

камни разнообразных размеров¹⁶⁹ (рис. 32 и 33).

Из раскопок поздних поселений получено значительно больше материала для суждения о жилищах, чем в материалах ранних поселений. Основным материалом для реконструкции жилищ добыт раскопками Гра-

стенка из камней, делившая жилище на две части¹⁷¹ (рис. 34 и 35).

В центре жилища находились открытые очаги, полностью воспроизводившие подобные сооружения раннего поселения, расположенного на этом городище¹⁷² (рис. 36).

К отдельным жилищам примыкали мо-

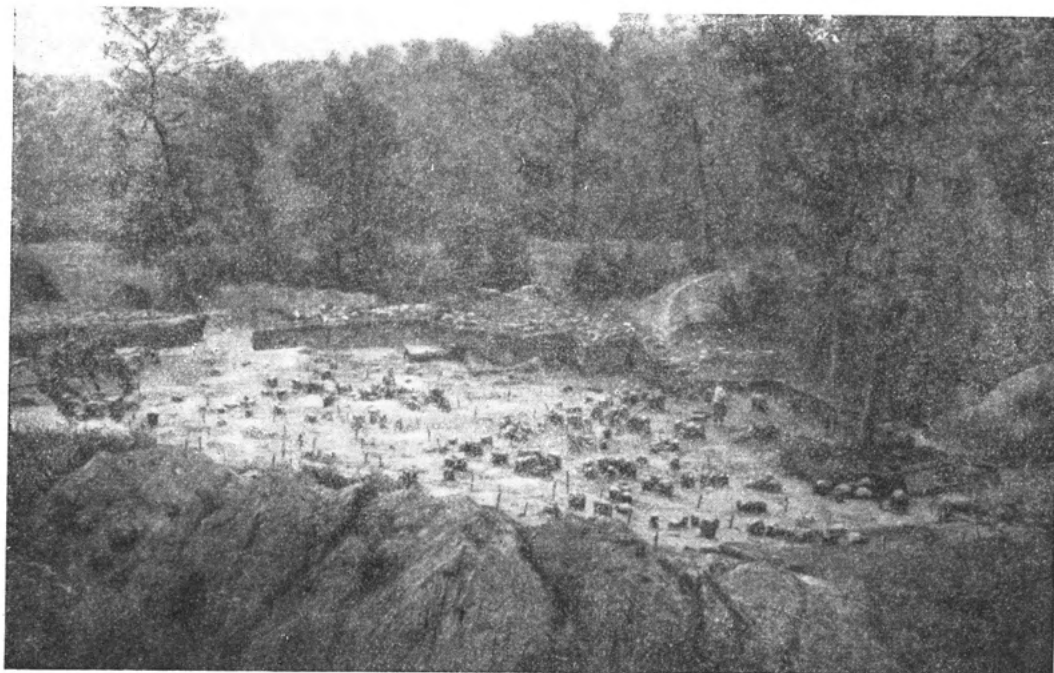

Рис. 32. Городище Грачевка. Общий вид раскопа.

чевки. Здесь были открыты остатки прямоугольных в плане наземных жилищ от 9 до 30 м², по периметру которых лежали отдельные камни, составлявшие своеобразную завалянку, или кладку.

На примере лучше сохранившихся жилищ можно установить, что кладки ориентированы по странам света.

Угловые камни кладок выделялись своими размерами. Если камни, составлявшие стенки жилищ, имели 40—50 см в диаметре, то угловые камни имели диаметр 60—70 см. Под ними лежали, обычно мелкие камни, служившие для укрепления угловых.¹⁷⁰ Внутри помещений иногда имеется

стка, выложенные из мелких камней и имевшие до 7 м длины и 50—60 см ширины. В ряде случаев мостки прослеживались во внутренней части жилища¹⁷³ (рис. 37).

В границах каменных кладок найдены обломки керамики, куски янтаря, железные изделия и т. д. На полу нередко можно видеть золу и вкрапления углей.¹⁷⁴

В Логвиново I жилища сохранились хуже, чем в Грачевке, но и здесь можно отметить остатки неправильно прямоугольных в плане помещений, в центре которых сохранились открытые очаги¹⁷⁵ (рис. 38 и 39).

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, стр. 425, 426.

¹⁷⁵ Там же, стр. 439, 441. Во время раскопок 1956 г. вблизи очага на расстоянии 2—4 м встречались ямки от столбов, врытых в материк на глу-

¹⁶⁹ См. Приложение, стр. 425—429, 439—440; городища Грачевка, Логвиново I и др.

¹⁷⁰ Там же, стр. 425.

Часть каменной кладки обнаружена при разведочных работах в Романово II.¹⁷⁶

Наряду с прямоугольными каменными кладками на этих поселениях найдены куски обожженной глиняной обмазки со следами отпечатков тонких жердей и соломы.¹⁷⁷ Внутри жилищ и рядом с ними обнаружены керамика, значительное количество желез-

В 70-х годах XIX в. на городище Русское II Бенигк открыл следы прямоугольного в плане жилища столбовой конструкции с каменной кладкой размерами 7×2.20 м, внутри которой обнаружены куски красной обожженной глины с отпечатками соломы. Здесь же были найдены обломки лепной керамики.¹⁷⁹

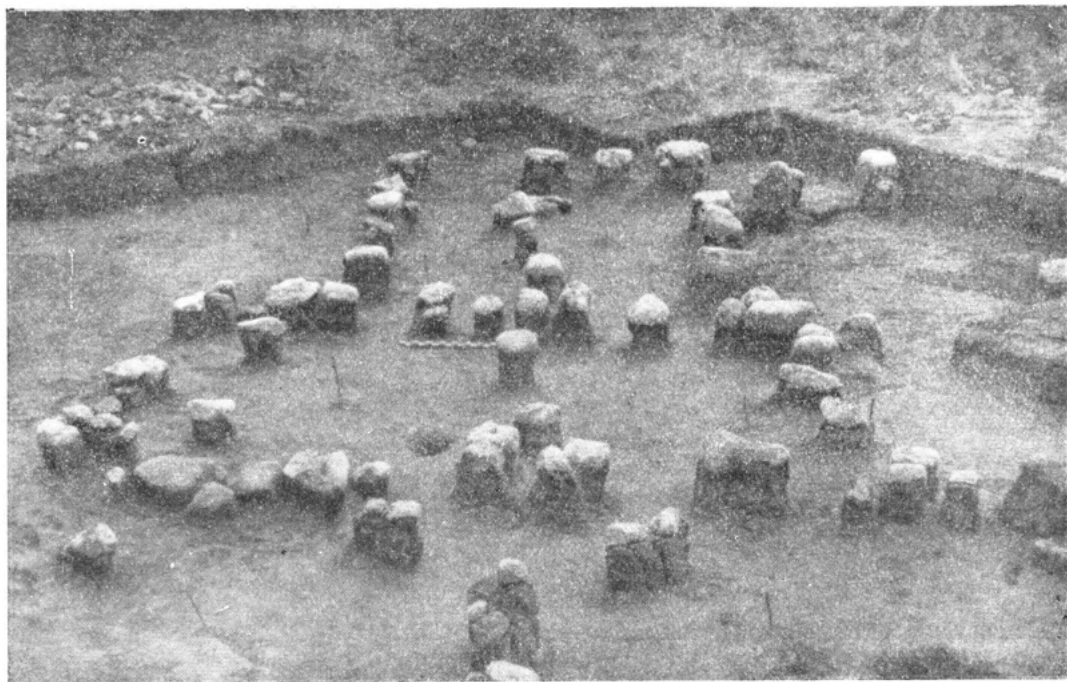

Рис. 34. Помещения №№ 3 и 4. Грачевка.

ных изделий, единичные бронзовые вещи и т. д. В Грачевке, кроме того найдено много янтаря.

Жилища, видимо, были расположены довольно плотно. В Грачевке, помимо явных следов жилищ, сохранилось много беспорядочно лежащих камней и изолированно стоящих очагов, которые, без сомнения, также можно считать остатками жилищ.¹⁷⁸

бину 10—15 м. Расположение этих ямок дает основание предполагать, что перед нами остатки наземного жилища столбовой конструкции. Вблизи этих жилищ в Логвиново I обнаружены следы хозяйственных ям диаметром до 3—3.5 м и глубиной до 1 м. В ямах встречаются камни, обожженные угли, керамика со следами нагара и поделки из железа.

¹⁷⁶ См. Приложение, стр. 447.

¹⁷⁷ Там же, стр. 439.

¹⁷⁸ Там же, стр. 425—428.

На одном из городищ повета Растемборк обнаружена каменная кладка 7.30×4 м, состоявшая из двух рядов камней.

Нижний ряд состоял из крупных, а верхний из мелких камней. Рядом с кладкой найдено много глиняной обмазки с отпечатками соломы.¹⁸⁰

Таким образом, для этой территории вырисовывается характерный тип прямоугольного в плане жилища, нижняя часть которого представляет собой кладку типа завалинки. Вероятнее предположить, что это были жилища столбовой конструкции, но

¹⁷⁹ Boenigk. Ueber Ostpreussische Burgwälle, стр. 120, 121.

¹⁸⁰ G. Bujack. Ein Wachthaus... , стр. 120—121.

облегченного типа, о чем косвенно свидетельствуют весьма примитивные очаги.

Каменные кладки довольно широко распространены и на территории, лежащей на восток и северо-восток от Калининградской области.

Занимаясь исследованием городищ восточной и центральной Литвы, Л. О. Крживицкий еще в начале XX в. обратил внимание на каменные кладки, встречающиеся на поселениях, и ставил вопрос о том, не являются ли они остатками жилищ.¹⁸¹

Каменные кладки конца I тысячелетия н. э. известны на городище Таниса Калис (Латвия). Эти кладки сохранились в отдельных случаях в виде двух ярусов камней и рассматривались автором публикации как остатки жилищ.¹⁸²

На городище Банцеровщина в Белоруссии также встречаются остатки каменных жилищ в виде площадок.¹⁸³

За последние годы ряд каменных кладок более раннего периода обнаружен на городищах Подвинья¹⁸⁴ (городища Подгай, Михайловское, и др.).

Следует заметить, что каменные кладки Белоруссии и Подвинья имеют несколько иной характер. Однако наличие их на сравнительно широкой территории свидетельствует о значительном распространении жилищ с использованием кладок.

Прямоугольные в плане наземные жилища столбовой конструкции обнаружены также к западу от Калининградской области (Эльблонг).¹⁸⁵

Постройки облегченного типа подтверждаются позднейшими этнографическими материалами.

«Маленькая хижинка. . . бедного литовца, построенная из нетолстых бревен, разбирается на отдельные части, как балки, козлы, двери, и все это вместе со всем жильным имуществом перевозится на вновь избранное для постройки место. Тут на фундаменте, устроенном из известного коли-

чества больших камней, строится новое жилище, в котором жилец проживает до тех пор, пока вновь не пожелает переменить место жительства».¹⁸⁶

В жилищах поздних поселений прослеживается определенная преемственность с жилищами поселений ранней группы.

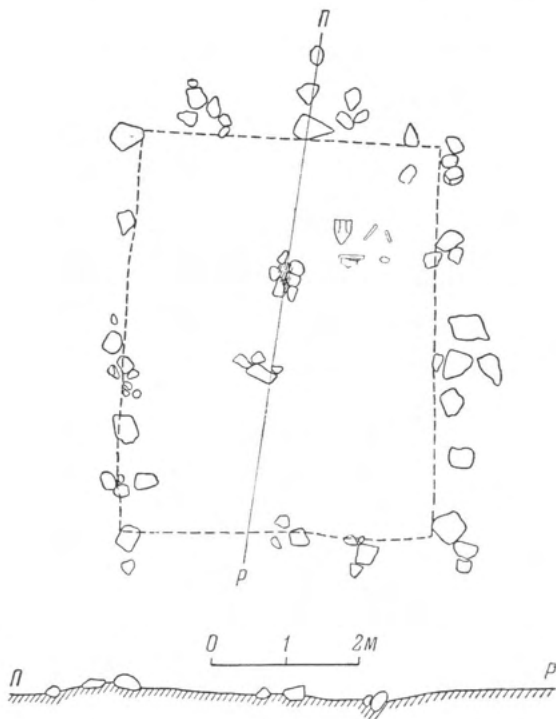

Рис. 35. План помещения № 1. Грачевка.

Сохранившие свои четкие очертания поздние каменные кладки Грачевки с открытыми очагами, по-видимому, воспроизводили подобные же сооружения раннего поселения, дошедшие до нас в виде отдельных камней и изолированных очагов. Можно предположить, что черты преемственности прослеживаются и в разделении прямоугольных в плане кладок на две части. Подобное устройство жилищ характерно для жилищ V—VIII вв. н. э., исследованных в Эльблонге.¹⁸⁷

Переходим к описанию находок с поселений.

¹⁸¹ Л. О. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи Литвы, стр. 308.

¹⁸² F. Balodis. Die lettische Burgberge, табл. III, I.

¹⁸³ История Белорусской ССР, ч. I. Минск, 1948, стр. 37.

¹⁸⁴ Я. В. Станкевич, см. настоящий сб., стр. 46—53, 68—75.

¹⁸⁵ M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IX, стр. 292.

¹⁸⁶ Цитирую по А. Ф. Мержинскому: Ромове. Труды X археол. съезда в Риге, т. I, М., 1899, стр. 449, 450.

¹⁸⁷ M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. IX, стр. 292.

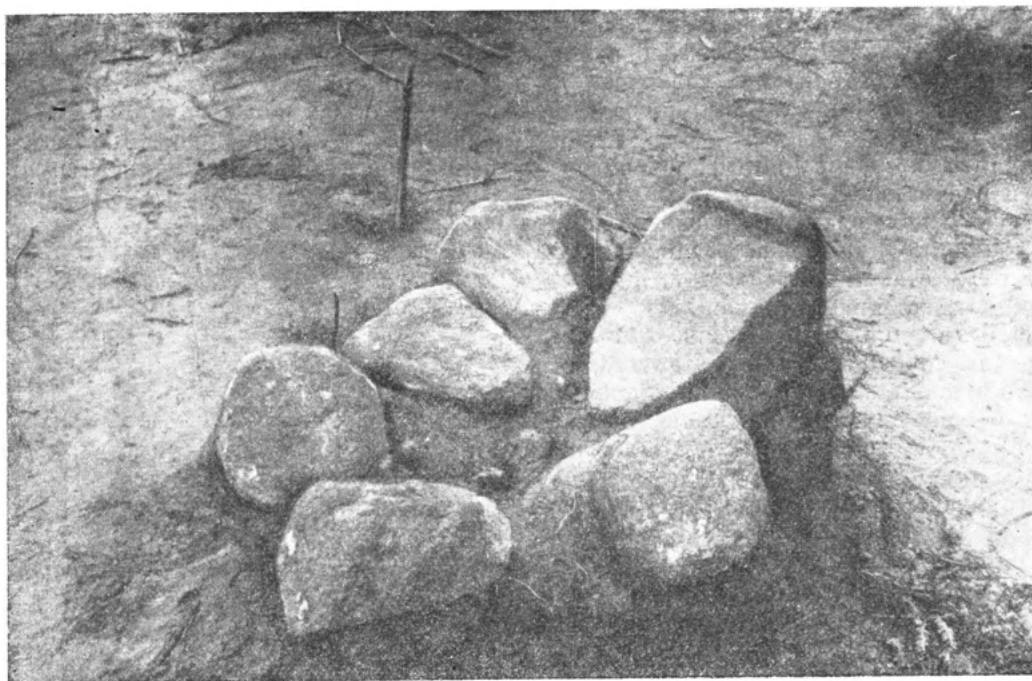

Рис. 36. Очаг поселения № 1. Грачевка.

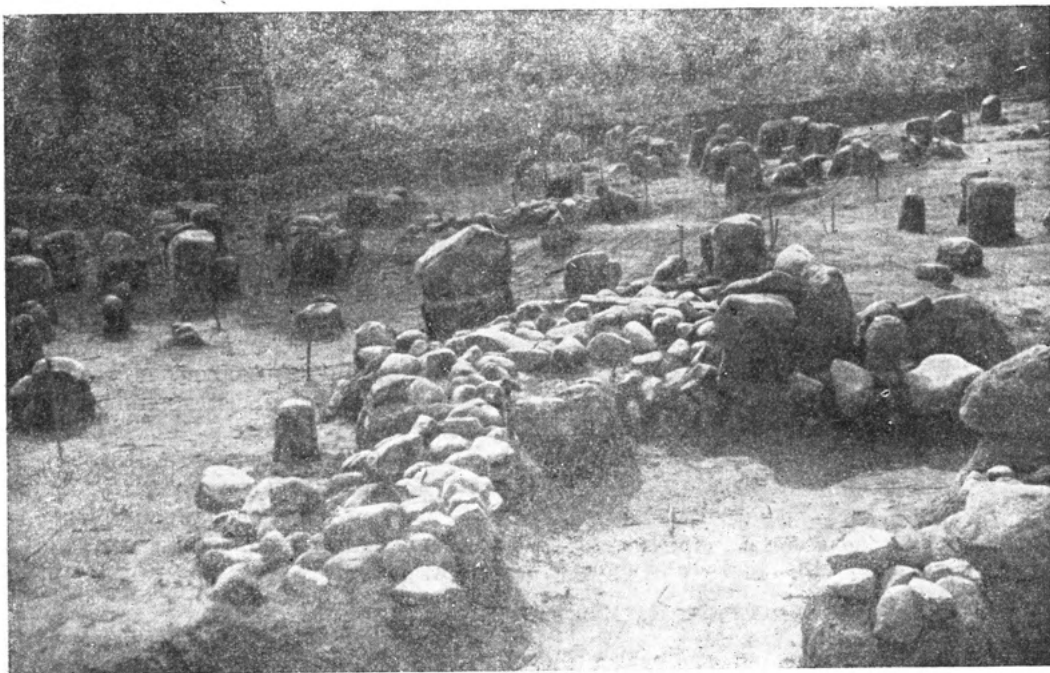

Рис. 37. Мостки. Грачевка.

Керамика представлена как лепными сосудами, так и изготовленными на гончарном круге. В то время как в Грачевке преобладает лепная керамика, в Логвиново I она имела хождение наряду с гончарной.

Керамика встречена преимущественно в виде кухонной посуды, о чем свидетельствуют следы нагара, а иногда и остатки пищи (обугленное просо).

Среди лепной керамики, представленной желтыми и иногда красноватыми сосудами, отличающимися рыхлым тестом, не всегда хорошим обжигом и значительной примесью дровы, выделяются сосуды баночной и слабо профилированной форм (рис. 40). Размеры их обычно невелики; высота редко превышает 20 см. На сосудах видны следы заглаженности пальцами или штриховка.

В качестве орнамента на посуде баночных форм чаще всего встречаются зацепы по венчику (рис. 41).

Слабо профилированная керамика имеет более разнообразный орнамент — это ряды перекрещивающихся линий, образующие зигзаги, треугольники, ромбы, разнообразные ямки, нанесенные по тулову сосуда и т. д.

В отдельных случаях сосуды украшались редкой волной¹⁸⁸ (рис. 42).

Гончарная керамика представлена горшками красного, черного и коричневого цветов, 20—22 см диаметром и до 20 см высотой, тесто которых изготовлено значительно лучше, чем у лепных сосудов, и содержит меньше примесей дровы. Сосуды имеют закругленный, прямой или несколько отогнутый срезанный венчик, иногда выраженную шейку, высокие плечики и слегка удлиненное тулово.¹⁸⁹

Далеко не все сосуды полностью обработаны на гончарном круге, чаще всего обработана лишь наружная сторона, преимущественно шейка сосуда.

Преобладает линейно-волнистый орнамент, а в отдельных случаях тот же ор-

намент на лепной профилированной керамике.¹⁹⁰

Гончарная керамика с линейно-волнистым орнаментом появляется и в

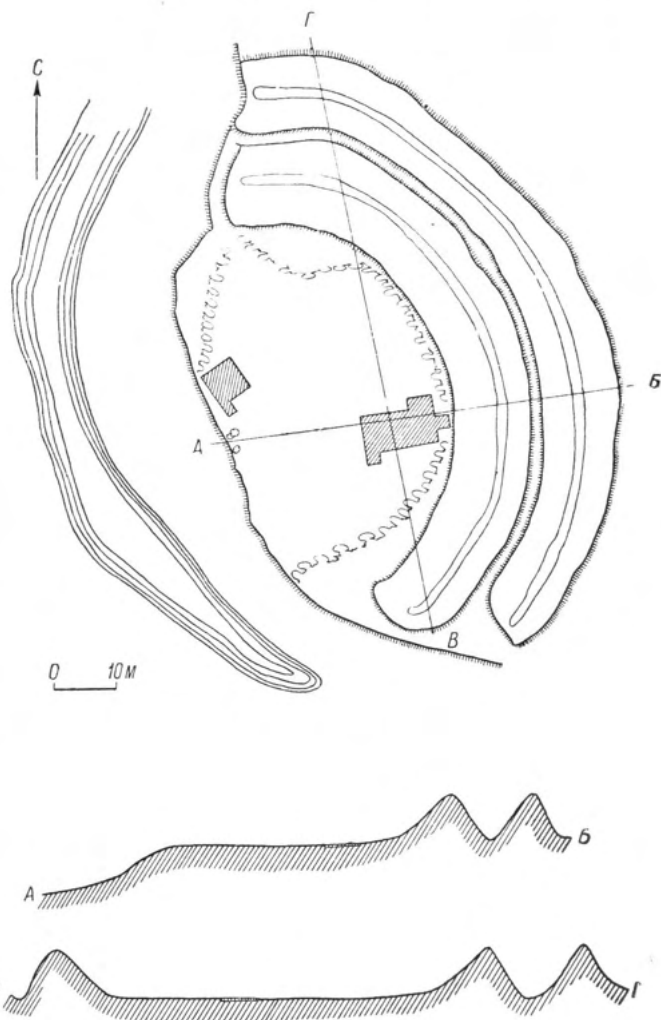

Рис. 38. План городища Логвиново I.

Штриховка — раскопы 1949 г.

ряде могильников этой территории¹⁹¹ (рис. 43).

В то время как на сосудах баночной формы прослеживается преемственность с более ран-

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ A. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Bludau, Kr. Fischhausen «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 245, рис. 89, 90.

¹⁸⁸ См. Приложение, стр. 429—430, 440, 441—442.

¹⁸⁹ Там же.

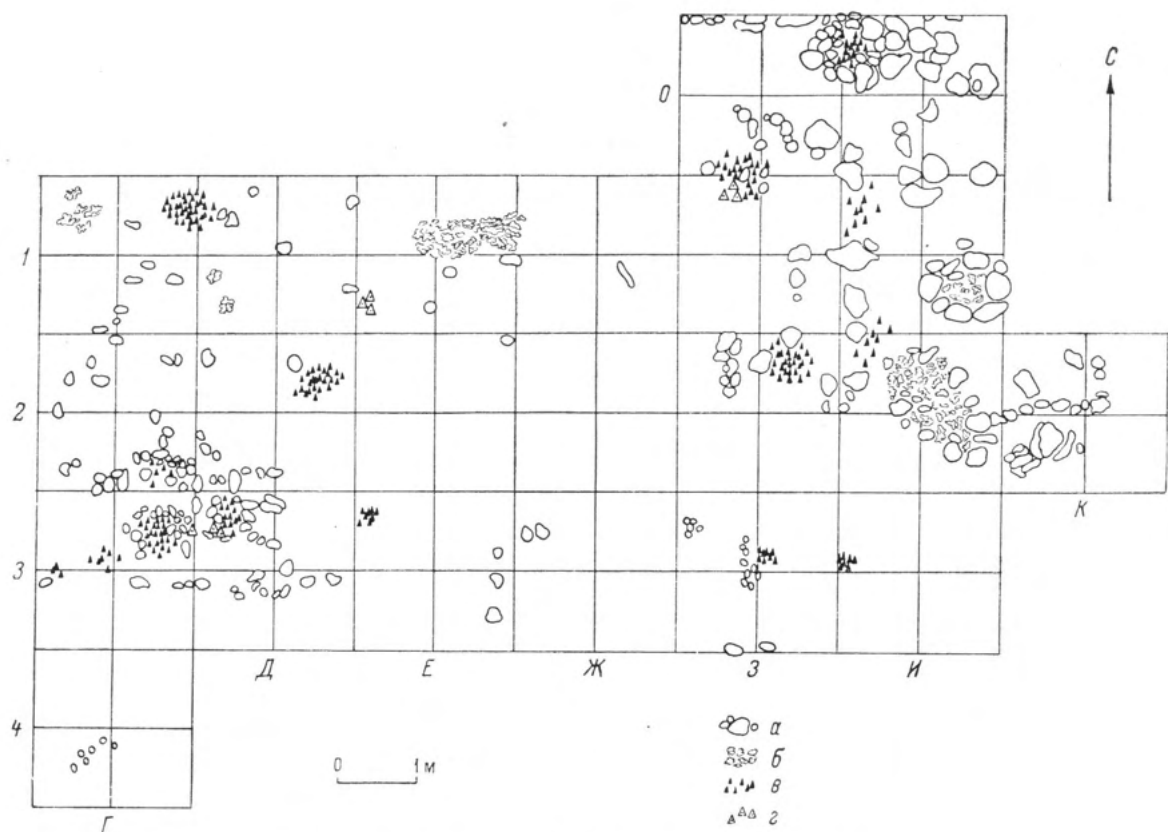

Рис. 39. План участка № 2 городища Логвиново I.
 а — камни; б — глина; в — уголь; г — керамика.

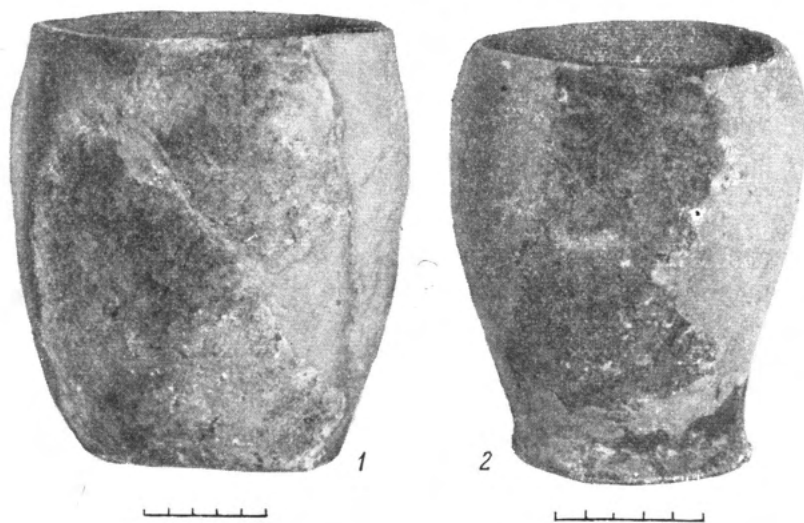

Рис. 40. Лепные сосуды. Грачевка.

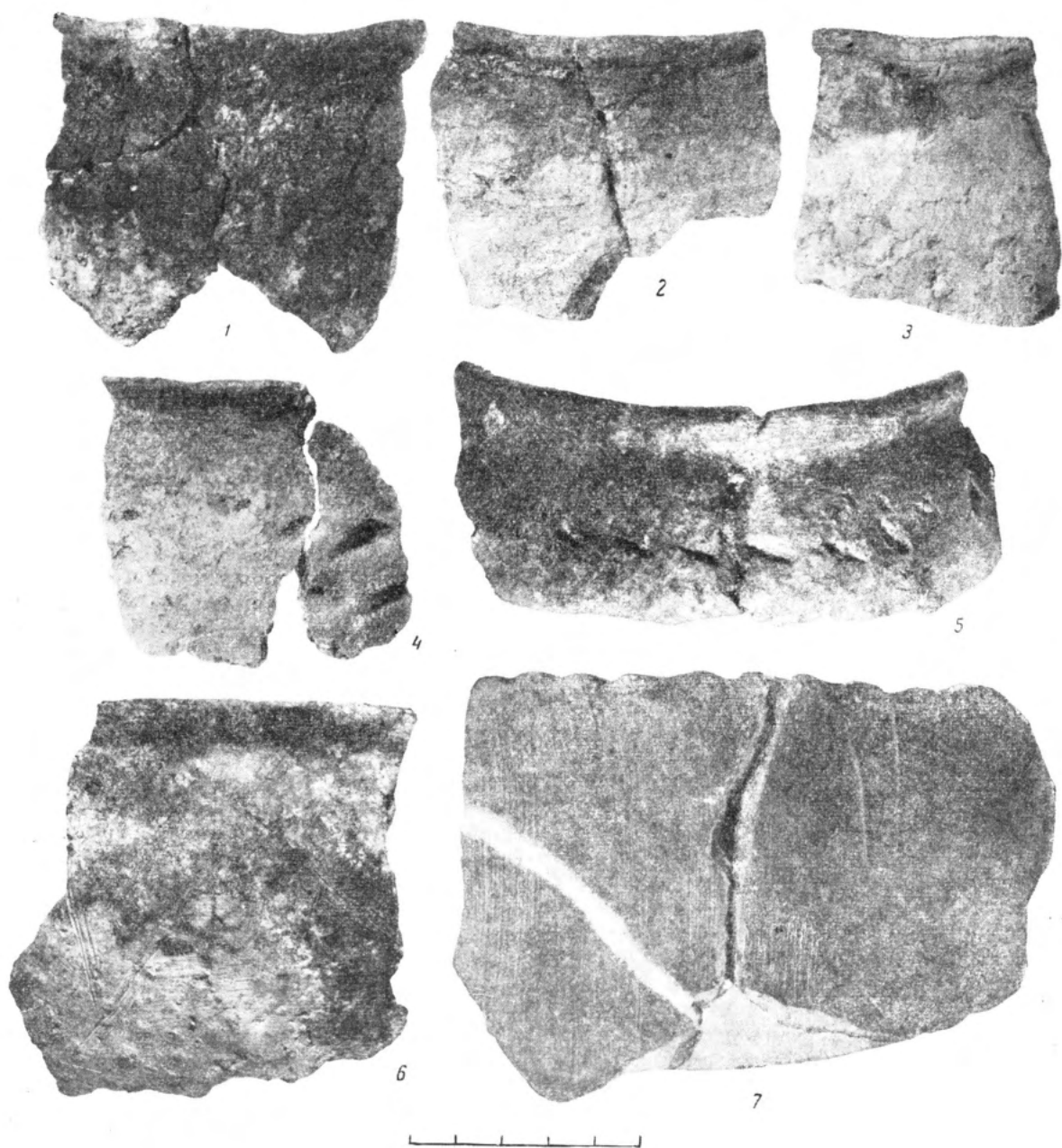

Рис. 41. Обломки лепных сосудов.

1-6 — Грачевка; 7 — Логвиново.

ними формами керамики, лепная профилированная керамика, во многом сходная с раннегончарной посудой, свидетельствует о проникновении сюда новых форм.

Сравнивая лепные профилированные сосуды с раннегончарными, можно заметить в них своеобразное подражание этой последней. Иначе говоря, появление профилированной керамики следует связывать с про-

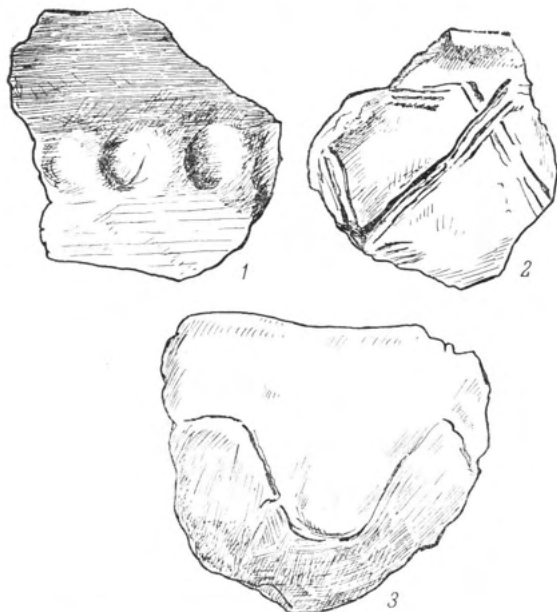

Рис. 42. Орнамент лепной керамики. Образцы.

никновением на эту территорию гончарного круга.

Весьма интересно, что гончарная керамика, добытая в процессе археологических раскопок, по форме и орнаменту славянского типа.

Наиболее близкие аналогии находим в керамике севернопольских земель.¹⁹² Характерно также, что орнамент лепных профилированных сосудов во многом повторяет орнамент славянской керамики, распространенной на западе вплоть до р. Эльбы.¹⁹³

Сказанное позволяет заключить, что одной из особенностей поселений рассмат-

риваемого периода являются формы гончарной керамики славянского типа, которая на этой территории представлена сосудами весьма несовершенных форм и бытует здесь наряду со старыми местными баночными формами.

Чтобы завершить характеристику керамики, нужно отметить, что на отдельных городищах с мощными оборонительными сооружениями находятся единичные обломки резко профилированных гончарных сосудов горнового обжига. Это хорошо выделанная керамика, серая снаружи и красная внутри, принадлежит уже развитому средневековью.¹⁹⁴

На поздних поселениях найдено довольно много железных изделий: лемех, серпы, пила, топор, ножи, ножницы, гарпун и т. д.

Весьма интересен лемех с коротким и широким лезвием и широколезвийный, слабо изогнутый серп¹⁹⁵ (рис. 44, 4, 5). Среди железных находок можно упомянуть пилу-ножовку со следами деревянных ножен (?), массивный обушной топор с расширяющимся книзу лезвием (рис. 45, 1; 44, 6), створку осевых ножниц и ножи различных размеров¹⁹⁶ (рис. 44, 2; 46, 1, 2). Кроме того, найдены: цепь, служившая, по-видимому, путами (рис. 44, 1), массивный рыболовный крючок, гвозди и заклепки, дужки ведер, отдельные украшения (пряжки), стержень и т. д.¹⁹⁷ (рис. 45, 2; 44, 2; 46, 3, 4, 6).

Обращают на себя внимание находки гарпуна (рис. 45, 3) и дротика значительных размеров, а также небольшой стрелы.

Найденные на поселениях железные шлаки (рис. 46, 7) являются, возможно, свидетельством местного железоплавильного производства, сырьем для которого служили встречающиеся здесь в изобилии болотные руды.

Косвенными свидетельствами широкого употребления железа на поселениях могут быть частые находки точильных камней из песчаника и сланца. Они встречаются в виде больших прямоугольных брусков (до 20 см), служивших для заточки крупных режущих орудий, и небольших камней с отверстием для подвешивания к поясу (?). Наряду с прямо-

¹⁹² Н. А. Кногг. Die slawische Keramik. Leipzig, 1937, стр. 127—129.

¹⁹³ Следует иметь в виду, что внедрение гончарного круга, сопровождающееся проникновением керамики славянского типа, характерно в это время для всей восточной, а в известной мере и северной Прибалтики.

¹⁹⁴ Н. А. Кногг. Die slawische Keramik, стр. 181.

¹⁹⁵ См. Приложение, стр. 430, 440.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

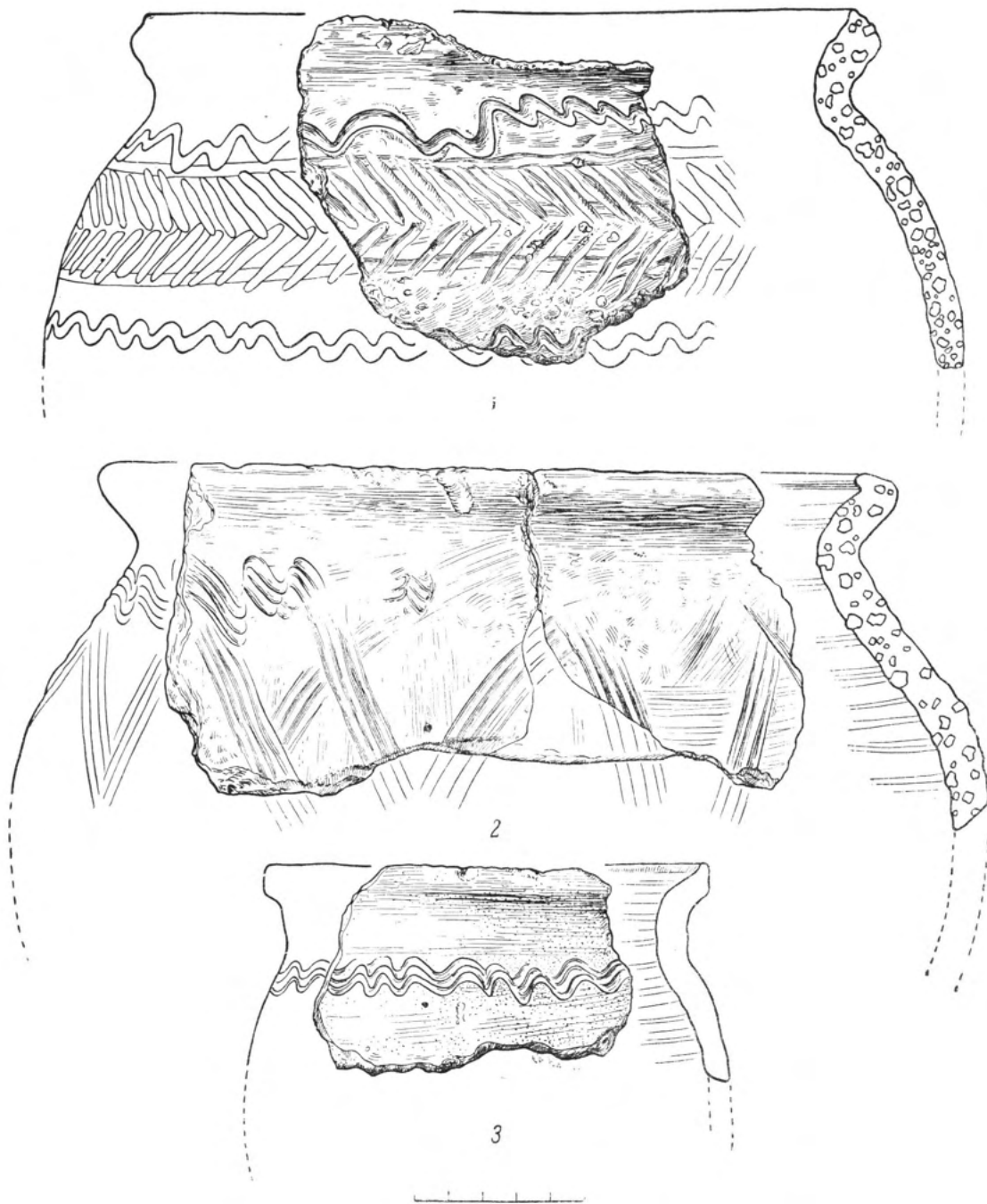

Рис. 43. Гончарная керамика. Образцы. Логвиново I.

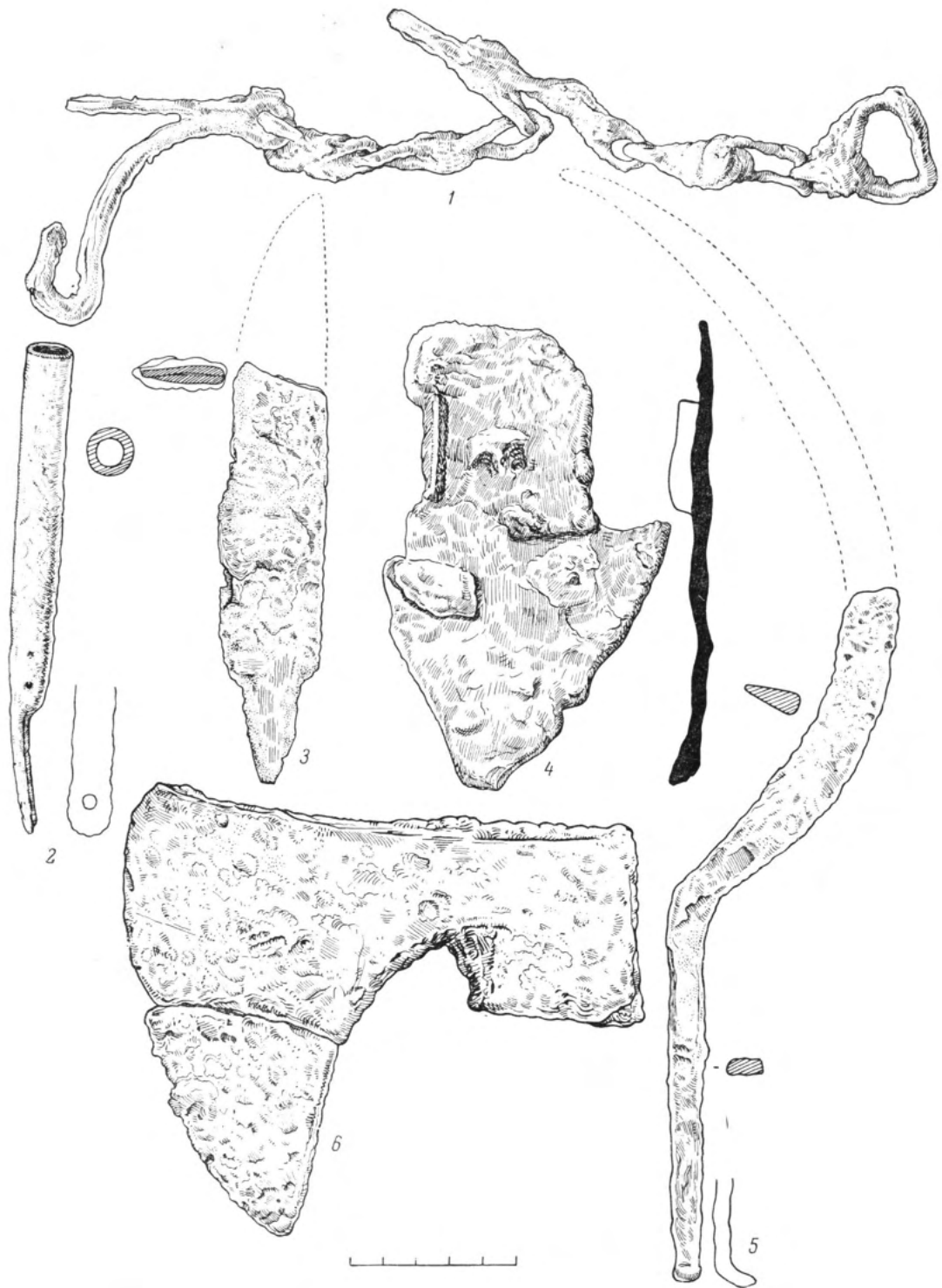

Рис. 44. Изделия из железа.

1 — цепь; 2 — стержень; 3 — нож; 4 — лемех; 5 — серп; 6 — топор. (1—3, 5, 6 — Логвиново I; 4 — Грачевка).

угольными, отдельные точильные камни имели треугольную форму¹⁹⁸ (рис. 47).

Керамика и железные изделия принадлежат к числу наиболее массовых находок, остальные единичны или малочисленны. Таковы сланцевые цилиндрические пряслица. Весьма интересны уплощенно-выпуклые пряслица из розового шифера, найденные в Грачевке¹⁹⁹ (рис. 46, 8—10).

Заслуживают внимания отдельные находки изделий из бронзы. К ним принадлежит бочковидная гирька, на уплощенной стороне которой выбит крест²⁰⁰ (рис. 48, 2). Гирьки этого типа довольно часто находят в могильниках Калининградской области.²⁰¹

Из других бронзовых находок следует упомянуть несомкнутый пластинчатый брашлет с геометрическим орнаментом и ложновитой перстень²⁰² (рис. 48, 1, 3).

При характеристике инвентаря городищ необходимо остановиться на находках янтаря.

За исключением Грачевки, янтарь в поздних поселениях почти не найден; в Грачевке же он обнаружен в значительном количестве (около 300 кусков) и в таком же виде, как на раннем поселении. Вполне возможно, что в данном случае здесь использован тот запас янтаря, который был накоплен ранними насельниками Грачевки.²⁰³

При датировке этих поселений следует в первую очередь обратить внимание на появление в их инвентаре гончарной керамики.

При описании раннегончарной керамики городищ Калининградского полуострова нами отмечено ее сходство с керамикой западнославянских поселений, в первую очередь с керамикой северной Польши. Польская керамика еще в X в. лишь частично обработана на гончарном круге. Это горшки с линейно-волнистым орнаментом.²⁰⁴

Можно предположить, что в северной Польше и на территории юго-восточной Прибалтики гончарная керамика появляется одновременно. На грани IX—X вв. здесь на соседних землях возникают сходные формы.

По мнению И. Костржевского, гончарный круг проникает сюда из центральной и

южной Польши, где ручной гончарный круг известен еще в VII в.²⁰⁵

Происхождение гончарной керамики в юго-восточную Прибалтику прослеживается и на материалах могильников.

Рис. 45. Изделия из железа. Грачевка.
1 — пила; 2 — рыболовный крючок; 3 — гарпун.

В одном из погребений могильника близ Эльблонга, датируемом X в., найдено три сосуда, один из которых лепной, второй

¹⁹⁸ См. Приложение, стр. 431, 440.

¹⁹⁹ Там же, стр. 431.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ «Prussia», 1889, Bd. 21, стр. 270—274.

²⁰² См. Приложение, стр. 431.

²⁰³ Там же, стр. 432.

²⁰⁴ J. K o s t r z e w s k i. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, стр. 232—233.

²⁰⁵ J. K o s t r z e w s k i. 1) Kultura prapolska. Poznań, 1947, стр. 258; 2) Pradzieje Polski, стр. 231—232.

Рис. 46. Изделия поздних поселений.

1, 2 — ножи; 3 — заклепки; 4 — гвоздь; 5 — нож (бритвенный); 6 — дужка; 7 — металлический шлак.
8—10 — пряслица. (1, 9, 10 — Логвиново I; 2—8 — Грачевка).

частично обточен на гончарном круге, а третий целиком сработан на круге.²⁰⁶

Таким образом, следует считать, что гончарная керамика относится к X в., и этим столетием можно датировать те поселения, на которых найдены первые гончарные сосуды или подражания им.

Можно предположить, что Логвиново I, где гончарные сосуды составляют значительную часть керамики, принадлежит несколько более позднему времени, чем Грачевка с ее преимущественно лепной керамикой.

Некоторые основания для датировки могут дать и другие находки на поселениях.

Еще недавно в нашей литературе пила рассматривалась как предмет сравнительно позднего происхождения.

Однако в 1951 г. пила-ножовка была обнаружена в Новгороде в слое XI в.,²⁰⁷ а в Польше (городище Рыбница) подобная находка датировалась X в.²⁰⁸ Возможно, что пила из Грачевки, аналогичная польской, также может быть отнесена к этому времени, т. е. к X в.

Вместе с тем ряд находок свидетельствует о том, что поселения этого типа существуют и в начале II тысячелетия н. э. Так, гирька, схожая с найденной в Грачевке, известна в погребении могильника Шудиттен, где она датировается XI—XIII вв.²⁰⁹

Браслет из Грачевки имеет сходство с браслетом из Капанос (Латвийская ССР), где такие изделия бытуют в течение длительного периода (с IX по XIII в.); ко времени не ранее XI в. следует отнести и ложновитой перстень.²¹⁰

О том, что на поселениях продолжалась жизнь еще и в первые века II тысячелетия свидетельствует также серая гончарная керамика горнового обжига.

В итоге следует признать, что поздняя группа поселений, возникнув в конце I тысячелетия (IX—X вв.), существует в отдель-

ных случаях до XII—XIII вв. Часть их состоит из городищ, расположенных на мысах, за валами которых располагались превосходившие их по площади селища.

Второй формой укрепленных поселений являются городища на вершинах высоких

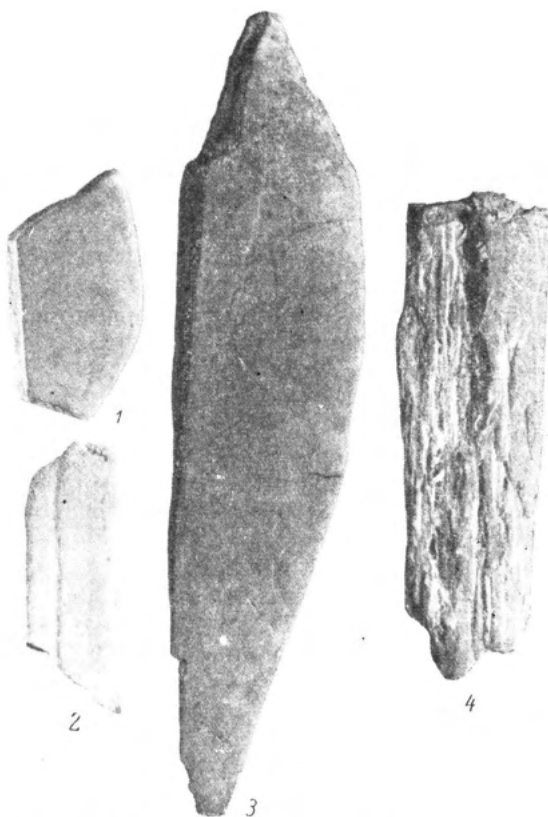

Рис. 47. Точильные камни. Логвиново I.

холмов, занимающих господствующее положение над местностью.

Культурный слой как мысовых городищ, так и городищ на вершинах холмов дает основание видеть в этих памятниках не только убежища, но и места постоянного обитания.

Вместе с тем есть, по-видимому, какая-то разница в назначении мысовых городищ, под прикрытием которых возникали селища, и городищ на холмах, жизнь в которых сосредоточивалась лишь в границах валов. Возможно, что в этом последнем типе укрепленного поселения следует видеть будущие замки.

²⁰⁶ В. Ehrlich. Elbing, Benkenstein und Meislaten. Ein neuer Beitrag zur Truso-forschung. Mannus-Ergänzungsband, 1931, VIII, стр. 3, 410.

²⁰⁷ А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, 1953, № 18, стр. 369.

²⁰⁸ J. Kostrzewski. Pradzieje Polski, стр. 234.

²⁰⁹ A. Bezenberger. Das Gräberfeld verschiedenen Perioden bei Schuditten, Kr. Fischhausen. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 59.

²¹⁰ А. М. Tallgren. Latvijas Arhaioloģija. Rīga, 1926, табл. 66, 11.

Убежищем в собственном смысле этого слова можно считать лишь городище Марьино.²¹¹

Жилища этой группы памятников принадлежат к типу построек облегченного типа, столбовой конструкции, со стенками из плетня, обмазанного глиной. В центре жилищ находились открытые каменные очаги.

конец I тысячелетия н. э. возникла на месте поселений первой половины I тысячелетия н. э. Поздние поселения появляются иногда по соседству с ранними. Таковы городища Логвиново I и II. Одно из них, относящееся к первой половине I тысячелетия н. э., было впоследствии заменено укрепленным поселением, заложенным на ближайшем мысу и

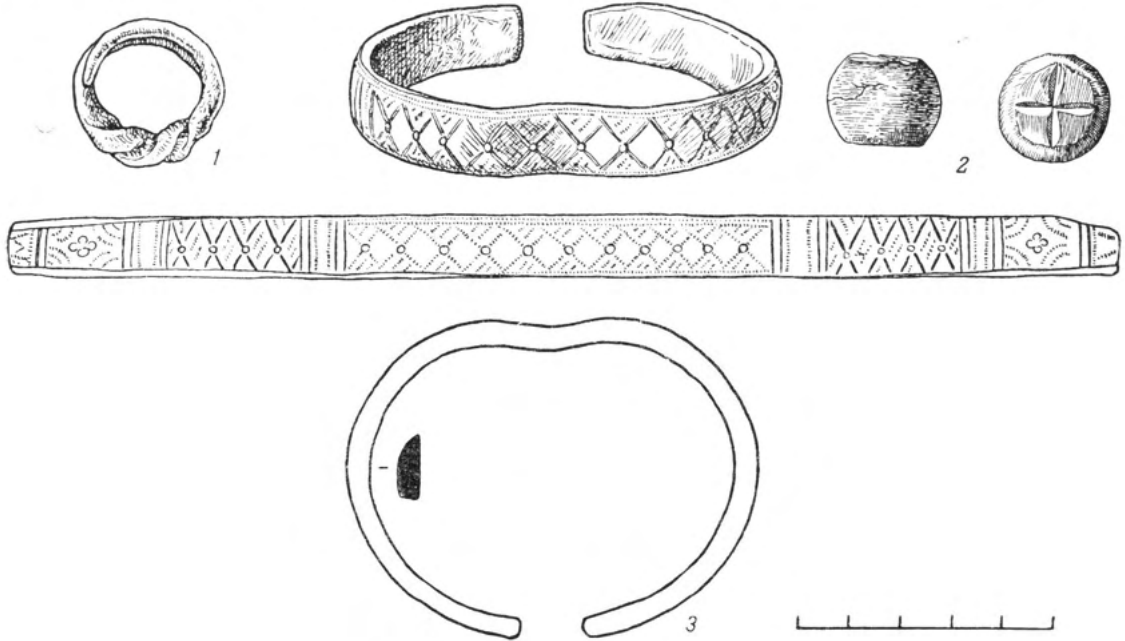

Рис. 48. Изделия из бронзы. Грачевка.

1 — перстень; 2 — гирька; 3 — браслет.

Большое количество укрепленных поселений на этой территории зафиксировано также письменными источниками. Англосаксонский путешественник Вульфстан, посетивший в конце IX в. южную Прибалтику, отмечал, что в этой стране «много городов», т. е. укрепленных поселений.²¹²

Подводя итоги изучению поселений Калининградского полуострова в целом, можно прийти к заключению, что перед нами памятники, в культуре которых прослеживается своеобразная преемственность на протяжении всего I тысячелетия до н. э., I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. До некоторой степени об этом свидетельствует то, что значительная часть городищ

огражденным двумя мощными валами. Наконец, за валами этого городища возникает средневековое поселение, известное по письменным данным.

Преемственность между ранними и поздними поселениями можно усматривать и в едином принципе устройства оборонительных сооружений. Так, вал городища Логвиново II, где неизвестны слои позднее первой половины I тысячелетия н. э., по устройству своему полностью сходен с валами поздних поселений в Грачевке, Куликово и др.

Особенностью поселений как ранней, так и поздней группы является широкое использование камня при возведении жилищ, очагов и валов.

Эту связь можно усмотреть и в однотипности жилых сооружений. Она прослеживается также в некоторых общих формах

²¹¹ См. Приложение, стр. 447.

²¹² *Scriptores Rerum Prussicarum*, Leipzig, 1864, t. I, стр. 732.

керамики на городищах ранней и поздней групп.

Наибольшее сходство с обследованными поселениями Калининградского полуострова, помимо городищ собственно Калининградской области, наблюдается в восточной Прибалтике. Употребление каменных кладок при постройке жилищ сближает жилища Калининградского полуострова с широким кру-

гом памятников восточной Прибалтики, Белоруссии и западных областей РСФСР, а формы раннегончарной керамики — с польскими памятниками. Вместе с тем городища Калининградского полуострова выступили в качестве особой характерной группы поселений, специфической чертой которых является мощная система оборонительных сооружений.

Г л а в а III

МОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Вслед за характеристикой поселений, которая в итоге их первичного изучения наметилась лишь предварительно, необходимо дать представление о многочисленных, спящих поселениях, могильниках этой территории. Следует заметить, что типичные для Калининградского полуострова могильные памятники распространены по течению р. Преголи, т. е. характерны для всей современной Калининградской области (за исключением ее восточной части). Описывая могильные памятники, мы вынуждены охватить, таким образом, значительно большую территорию, чем при описании поселений.

Ввиду того что в русской литературе, как дореволюционной, так и советской, до сих пор не появлялось работ об этих памятниках, мы считаем нужным дать хотя бы общую их характеристику. Задача эта достаточно сложна, так как большая часть публикаций, являющихся единственными источниками для характеристики памятников, весьма несовершенна. В них нередко отсутствуют данные о топографии могильников, погребальном обряде, самих погребальных комплексах и т. д. Иногда результаты раскопок больших могильников приводятся лишь в виде коротких заметок информационного характера.²¹³ Часто это публикации лишь отдельных вещей, главным образом украшений. Многие из раскопанных могиль-

ников не опубликованы вовсе.²¹⁴ Понятно, что при таких условиях ряд важных сторон памятников остается неосвещенным.

Настоящая глава строится главным образом на использовании материалов тех могильников, которые известны в комплексах. К сожалению, материалы чаще всего опубликованы выборочно.²¹⁵

Пытаясь дать характеристику массовых памятников, раскопанных и интерпретированных представителями немецкой буржуазной археологии, автор не может не определить своего собственного отношения к предложенной ими датировке и периодизации могильников.

²¹⁴ E. Blume. Die Germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge. Würzburg, 1912, стр. 14.

²¹⁵ Больше всего нам пришлось пользоваться трудом О. Тышлера и Г. Ремке «Ostpreussische Gräberfelder», где опубликованы наиболее типичные памятники этой территории. Некоторое представление о соотношении раскопанных и опубликованных погребений может дать следующая таблица (Ostpr. Alt., стр. 15—35, 41—45).

Могильник	Раскопано погребений	Опубликовано погребений
Коврово	250	80
Эйсельбитен	160	10
Грейбау	334	40
Польвитен	121	21
Варникам	86	32

²¹³ В 1884—1885 гг. О. Тышлер раскопал могильник у с. Корийтен, в котором было обнаружено 400 погребений. Публикация же этого памятника предельно лаконична. Столь же отрывочно опубликованы материалы могильника у с. Зеерапшен, где вскрыто 92 погребения, могильника у с. Гросс-Стренгельн, где раскопано 158 погребений, и т. д. (Ostpr. Alt., стр. 15, 36, 37; E. Hollасk. Erläuterungen. . ., стр. 22).

В тех случаях, когда памятник опубликован полностью (большой могильник Грейбитен), он типичен лишь для III—V вв.

Для более ранних и поздних периодов по-прежнему приходится пользоваться выборочными материалами (Greibieten, стр. 202—255).

В начале настоящей работы указывалось, что над вопросами датировки могильников работало несколько поколений немецких археологов, причем особенно много внимания уделялось этому в период до первой мировой войны. Нам представляется, что в основном эти датировки до сих пор сохранили свою силу. Но принимая датировки немецких археологов, мы вместе с тем не можем принять их периодизации. Напомним, что она строится исходя из учета лишь внешних факторов и поэтому не отражает внутренней эволюции памятников.

Согласно данным немецкой археологии, большие грунтовые могильники, возникшие в I—III вв., исчезают к V в., что связано с концом Римской империи, последующий же период до конца I тысячелетия н. э. рассматривается как период своеобразного упадка культуры, лишенной «благоприятного» внешнего воздействия. Между тем факты говорят о другом. Многочисленные грунтовые могильники продолжают существовать и в течение V в. Лишь начиная с VI в. количество их, действительно уменьшается, но это относится не ко всей территории бывшей Восточной Пруссии, а лишь к северо-западной ее части. В то же время в Пономанье и западной Мазовии появляются новые большие могильные памятники. Таким образом, уменьшение памятников в VI в. — местная особенность земель, лежащих по течению р. Преголи.

Характерной чертой могильных памятников является единообразие погребального обряда. На протяжении всего рассматриваемого периода господствует обряд трупосожжения.

В истории могильных памятников рассматриваемой территории выделяется три периода: 1) первая половина I тысячелетия н. э., 2) VI—VIII вв. и 3) конец I—начало II тысячелетия н. э.

Вместе с тем в пределах этого большого отрезка времени по характеру обряда погребения и инвентаря можно различить могильники ранней и поздней стадий. Для ранней стадии — первые века нашей эры (преимущественно II—III вв.) — типичен обряд трупосожжения при частичном бытовании трупоположения. В поздней стадии — III—V вв. — отмечается только трупосожжение, а характерной особенностью в погребальном инвентаре можно считать появление римских монет.

Для VI—VIII вв. отмечается уменьшение числа могильников и оскудение инвентаря. На этом фоне особенно ярко выделяются единичные богатые погребения.

Период конца I и начала II тысячелетия н. э. отличается новым ростом памятников. Характерной чертой погребального обряда становится массовое захоронение коней. В вещественном материале важная роль принадлежит оружию и предметам конского убора. В свою очередь внутри этого периода можно выделить две стадии — раннюю (IX—X вв.) и позднюю (XI—XIII вв.).

Памятники ранней стадии малочисленны и сравнительно небогаты инвентарем. Погребения XI—XIII вв. представлены в большом количестве и характеризуются обильными вещественными находками. В это время трупосожжение постепенно сменяется трупоположением.

Характеризуя могильники последнего периода, мы остановимся преимущественно на погребениях IX—XI вв., — подробный разбор памятников XI—XIII вв. выходит за пределы хронологических рамок нашей работы.

Ограничиваясь этими предварительными замечаниями, перейдем к характеристике могильных памятников по течению р. Преголи.

Памятники первой половины I тысячелетия н. э.

Большая часть раскопанных могильников первой половины I тысячелетия н. э. находится на Калининградском полуострове. Подчеркивая насыщенность этой территории памятниками, А. Беценбергер называл ее «сплошным могильником»²¹⁶ (рис. 49). К востоку и югу от Калининградского полуострова памятники расположены менее плотно.

Погребальные памятники представляют собой грунтовые могильники, не имеющие внешних опознавательных признаков. Располагаются они обычно вблизи воды. Могильники занимают большие пространства; многие из них содержат несколько сотен погребений. Так, могильник в Поваровке

²¹⁶ Mannus-Ergänzungsband, 1931, VIII, стр. 74. — Лишь на небольшой территории Калининградского полуострова к 1930 г. насчитывалось свыше 200 могильников (там же).

простирается на 1 км в длину и 0.5 км в ширину. В Коврово насчитывается 1000, в Гре-

Характерной чертой грунтовых могильников являются каменные кладки, залегаю-

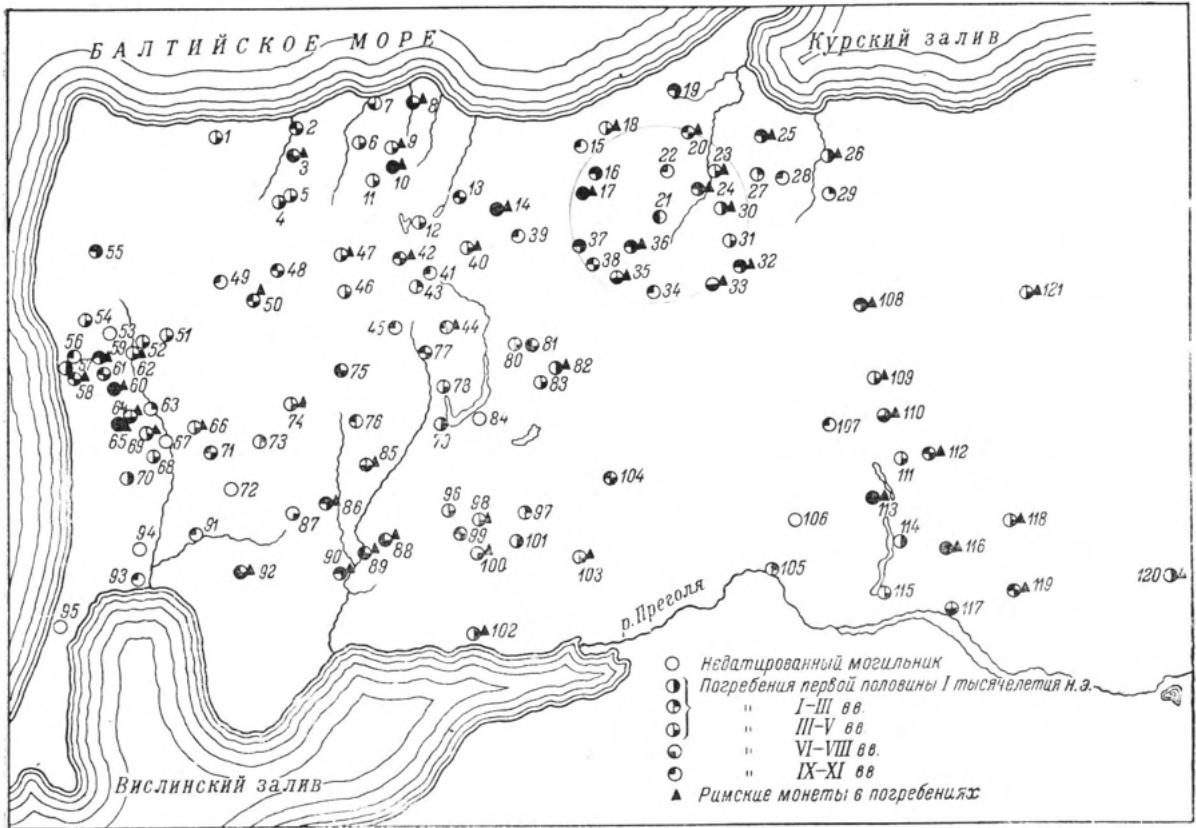

Рис. 49. Карта-схема могильников Калининградского полуострова.

- 1 — Отрадное; 2 — Светлогорск; 3 — Киртигенен; 4 — Богатое; 5 — Журавлевка; 6 — Батау; 7 — Пионерск; 8 — Заостровье; 9 — Тенкиген; 10 — Шлакалькен; 11 — Ликсейден; 12 — Романово; 13 — Зортенен; 14 — Эйслитен; 15 — Соколынки; 16, 17 — Коврово; 18 — Каменка; 19 — Вишнево; 20 — Зеленоградск; 21 — Вольносе; 22 — Мользен; 23 — Безымянка; 24 — Муромское; 25 — Вербное; 26 — Лобитен; 27 — Новое; 28 — Належдино; 29 — Корейтнен; 30 — Киаутен; 31 — Краснофлотское; 32 — Зайцево; 33 — Шрейтгаузен; 34 — Мальдайтен; 35 — Эйсельбитен; 36 — Озерово; 37 — Рингельс; 38 — Зергитен; 39 — Родники; 40 — Гойтениен; 41 — Гардвинген; 42 — Кёзикиен; 43 — Пергельникен; 44 — Дребнау; 45 — Дельгиениен; 46 — Штапорниен; 47 — Регениен; 48 — Зиндау; 49 — Вейдениен; 50 — Киришапен; 51 — Ленгниениен; 52 — Вилькау; 53 — Трулики; 54 — Янтарный; 55 — Охотное; 56 — Влизнецово; 57 — Окунево; 58 — Гребитен; 59 — Морозовка; 60 — Поваровка; 61 — Русское; 62 — Сычево; 63 — Элерхауз; 64 — Гаутен; 65 — Корейтнен; 66 — Круглово; 67 — Земляничное; 68 — Нопкейм; 69 — Чехово; 70 — Парусное; 71 — Линкау; 72 — Вишнен; 73 — Медведево; 74 — Коениен; 75 — Зигедникен; 76 — Камышенка; 77 — Просторное; 78 — Другениен; 79 — Хрустальное; 80 — Вершинно; 81 — Ветрово; 82 — Штейнеркруг; 83 — Перкуниен; 84 — Колосовка; 85 — Котельничково; 86 — Логвиново; 87 — Прохладное; 88 — Польвитен; 89 — Шудитен; 90 — Кремнево; 91 — Элленскруг; 92 — Кострово; 93 — Приморск; 94 — Гейдау; 95 — Тенкиген; 96 — Рогениен; 97 — Варглитен; 98 — Грейбау; 99 — Корниетен; 100 — Люблино; 101 — Лендорф; 102 — Жуковское; 103 — Фридрихсберг; 104 — Гальхофен; 105 — Калининград; 106 — Кведнау; 107 — Штангау; 108 — Лазовское; 109 — Некрасово; 110 — Траузитен; 111 — Гурьевск; 112 — Бергсвальде; 113 — Тропштен; 114 — Заозерье; 115 — Поддубное; 116 — Лапсау; 117 — Марьино; 118 — Прадау; 119 — Мантау; 120 — Вилькюнен.

битен 472, в Корейтнен 400, в Грейбау 344 погребения.²¹⁷

²¹⁷ E. Hollack, Erläuterungen, стр. 68. — Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1879—1880, Bd. 6, стр. 81—85. — Grebieten, стр. 202—255. — Schriften, 1886, Bd. 27.

щие на небольшой глубине, иногда непосредственно под дерном. Формы их разнообразны. В пределах одного могильника Эйсельбитен встречаются круглые, полукруглые, четырехугольные, треугольные и пятиугольные кладки.²¹⁸ В Коврово округ-

²¹⁸ Ostpr. Alt., стр. 27.

лые кладки диаметром 1—6 м залегают в несколько слоев,²¹⁹ в Круглово они образуют концентрические круги, отстоящие друг от друга на 1 м.²²⁰ В Регенен число кругов кладок достигает 9.²²¹

Господствующий обряд погребения — трупосожжение (на обряде трупоположения, характерном лишь для памятников I—III вв., мы остановимся ниже). Сожжения сохранились в виде кальцинированных костей, лежавших в урнах или вне их, окруженных каменными кладками. Не удается до сих пор уточнить соотношение между погребениями в сосудах и без них. Оба способа захоронения кальцинированных костей прослеживаются в течение всей первой половины I тысячелетия н. э. В одних могильниках, например Коврово, Грейбау и др., захоронения в урнах особенно типичны для II—IV вв.,²²² в то время как безурновые — главным образом для IV—V вв.; в других (Гребитен, Польвитен и др.) оба обряда сочетаются в течение длительного периода существования могильников.²²³

Неясно, в каких условиях происходило трупосожжение. Судя по большим кострищам, обнаруженным в Рингельс, Фридрихсталь, Гребитен и др., сожжение совершалось на территории самого могильника.²²⁴ Возможно, что со сжиганием трупа связана обнаруженная в Поваровке округлая в плане каменная кладка 20 м диаметром, под которой залегала пережженная земля.²²⁵ В Гребитен обнаружен слой обожженной глины и горелой земли — место, где, по-видимому, происходило сжигание покойников.²²⁶ Останки либо складываются в сосуд и сверху прикрываются вещами умершего,²²⁷ либо хо-

роняются прямо в земле, а в сосуды кладут вещи нередко осыпанные пережженной землей.²²⁸ Значительная часть вещей обожжена, в то же время в инвентаре трупосожженных встречаются янтарь, куски кожи и ткани, т. е. вещи, которые не могли бы сохраниться в огне и, следовательно, укладывались в сосуды необожженными. В отдельных случаях (Граузитен, Хрустальное) вещи покойника лежали в берестяных коробках.²²⁹ При несомненном преобладании одиночных погребений встречаются также парные и коллективные.²³⁰ В ряде могильников обнаружены отдельные захоронения коней. Останки коня находят в непосредственной близости от кладок с кальцинированными костями человека.²³¹ Они также окружены каменными кладками.

Как уже неоднократно упоминалось, грунтовые могильники этого периода характеризуются обильными вещественными находками. Прусские археологи, начиная с О. Тышлера, справедливо подчеркивали особенность этих памятников. Вместе с тем выборочная публикация материала создавала ложное впечатление о значительной насыщенности находками всех погребений рассматриваемых могильников. Однако в случаях полной публикации памятников видно, что число безынвентарных погребений достаточно велико.

Так, например, из 472 погребений Гребитен 132 захоронения не имеют вещей и лишь в отдельных случаях снабжены единичными сосудами: свыше 40 погребений содержат незначительный инвентар (кусочек железа, бусину и т. д.). Группа погребений, лишенная инвентаря вовсе или снабженная единичными вещами, составляет более трети захоронений вышеупомянутого могильника. В то же время примерно для 20 погребений характерны обилие оружия и богатство личного убора, в составе которого найдены вещи из благородных металлов.²³²

²²⁸ Особенно много сосудов, заполненных пережженной землей, найдено в Гребитен (Grebieten, стр. 175—176).

²²⁹ А. Везенбергер. *Analysen...*, стр. 71. — J. Heydeck. *Fundberichte. «Prussia»*, 1909, Bd. 22, стр. 282.

²³⁰ Ostpr. Alt., стр. 17, 19, 28—32.

²³¹ Значительная часть погребений с конем относится к периоду III—V вв. (J. Heydeck. *Fundberichte. «Prussia»*, 1898—1900, Bd. 21, стр. 58. — Grebieten, стр. 226, 237. — G. В у а с к. *Regehen...*, стр. 123).

²³² Grebieten, стр. 202—255.

²¹⁹ Там же, стр. 15.

²²⁰ E. Hollасk. *Die Grabformen...*, стр. 172, 173.

²²¹ J. Heydeck. *Das Gräberfeld bei Regehen. «Prussia»*, 1886—1887, Bd. 13, стр. 184.

²²² Ostpr. Alt., стр. 15—20, 28—32.

²²³ Grebieten, стр. 175. — Ostpr. Alt., стр. 28—32.

²²⁴ F. E. Peiser. *Fundberichte. «Prussia»*, 1909, Bd. 22, стр. 315—318. — Grebieten, стр. 175. — В Фридрихсталь были обнаружены два кострища. Под слоем обожженной земли, в которой встречались кальцинированные кости, лежали камни (G. В у а с к. *Friedrichstal...* «Prussia», 1883—1884, Bd. 10, стр. 14).

²²⁵ В Поваровке, в пределах могильника обнаружено также кострище 5 м диаметром (K. Stadie. *Fundberichte. «Prussia»*, 1909, Bd. 22, стр. 365).

²²⁶ Grebieten, стр. 235.

²²⁷ Ostpr. Alt., стр. 19.

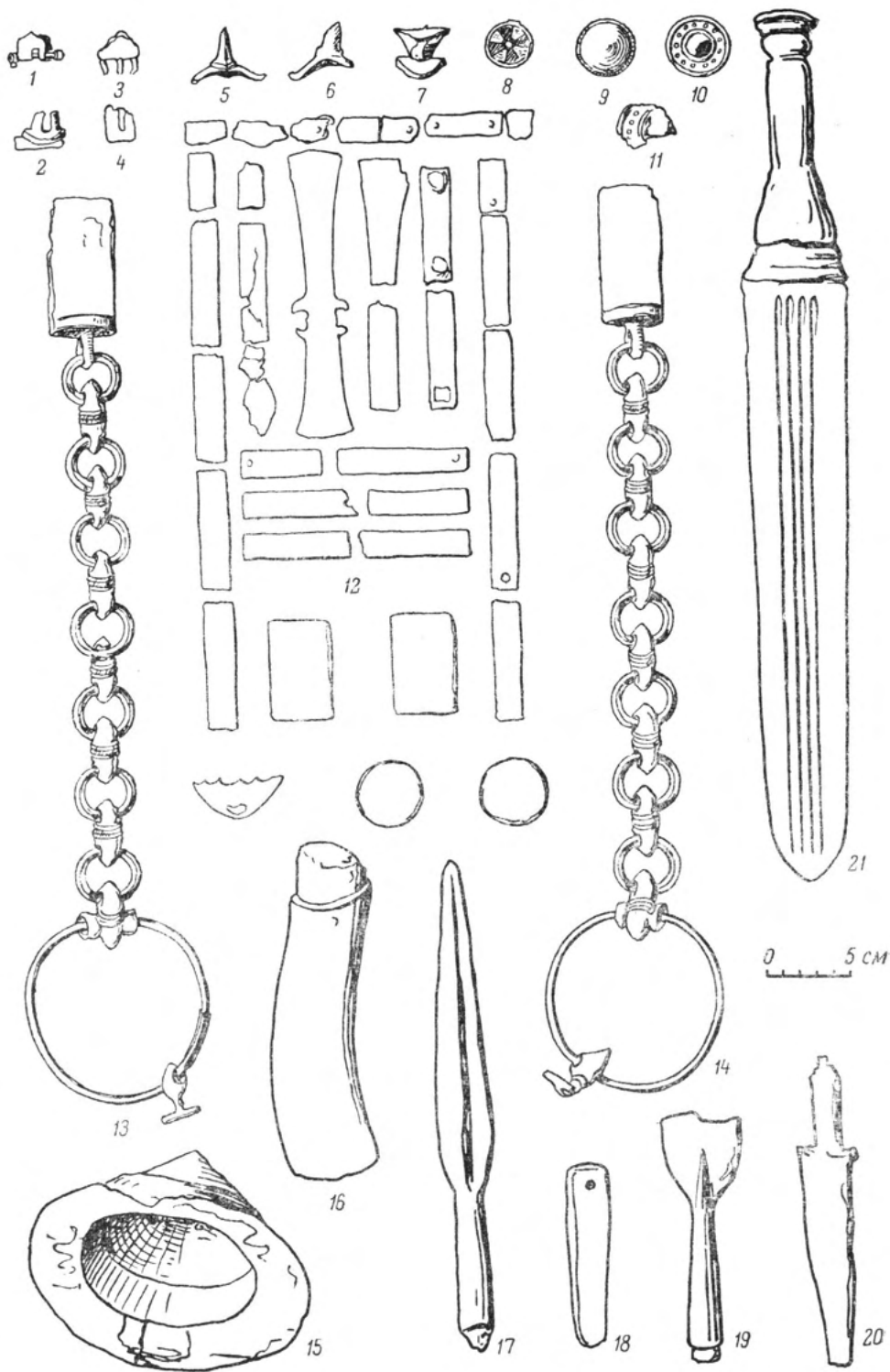

Рис. 50. Погребение № 8 могильника Хрустальное.

1, 3, 4, 12 — бланки; 2, 7 — фибулы; 5, 6 — шпоры; 8—11 — дисковидные фибулы (№ 8 с эмалью), 13, 14 — цепи от удила; 15 — умбон щита; 16 — кельт; 17, 19 — наконечники копий; 18 — точильный камень; 20 — боевой нож; 21 — меч.

Богатые погребения отчетливо выделяются уже во II—III вв. н. э. Так, в погребении № 8 могильника Хрустальное найдены: меч, семь наконечников копий, два боевых топора, нож и умбон щита. Здесь же обнаружены предметы конского убора из бронзы

относится погребение 31 в Котельниково, где наряду с большим количеством вещей найден слиток золота²³⁵ (Goldbarren).

Неравномерное распределение инвентаря прослеживается на материале парных и коллективных погребений. Так, в одном из

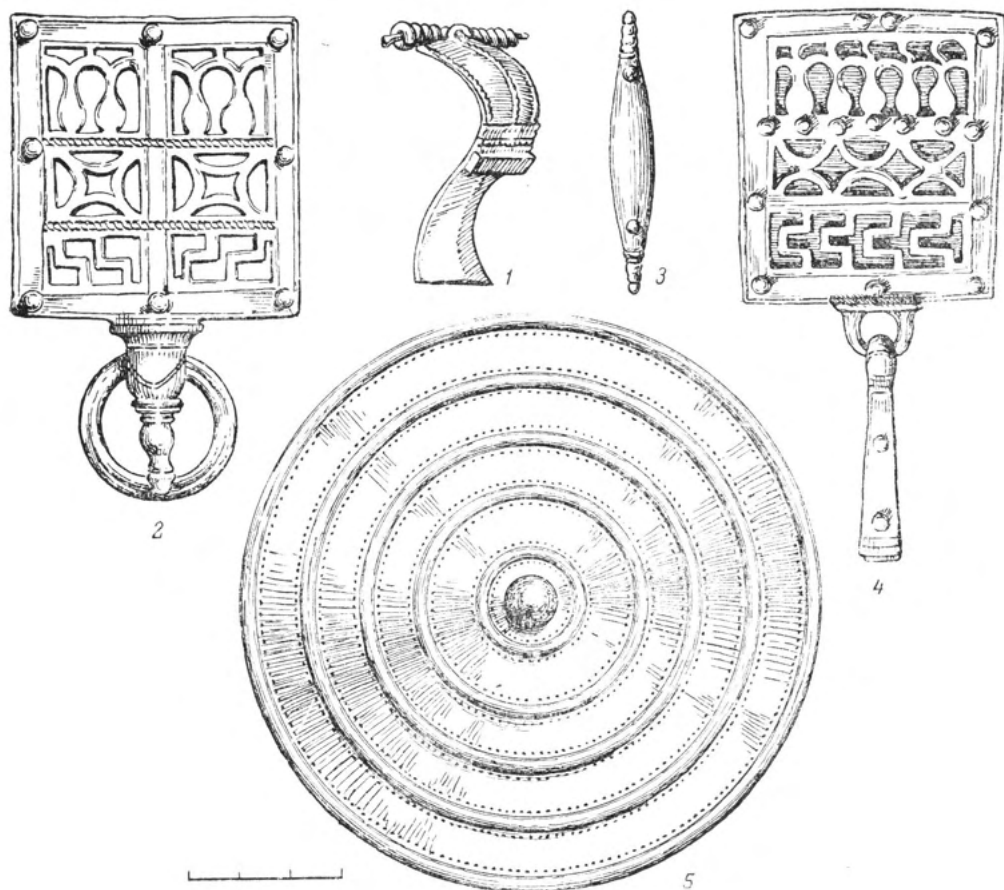

Рис. 51. Погребение № 30 могильника Коврово
1 — фибула; 3 — накладка от пояса; 2, 4 — пряжки; 5 — блиха.

с накладками из серебра, различные украшения, в том числе римская дисковидная фибула, покрытая эмалью²³³ (рис. 50). В погребениях 6 и 30 Коврово найдены богатые украшения из бронзы, иногда из серебра (рис. 51). В одном случае найдена подвеска, покрытая листовым золотом.²³⁴ К III—V вв.

²³³ J. Heudessk. Fundberichte. «Prussia», 1904, Bd. 22, стр. 275, табл. XXXVII.

²³⁴ В погребении № 6 найдены: 2 фибулы, гривна, 5 браслетов, застежка, подвеска, 52 стеклянные, пастовые и бронзовые бусы, пряслице, точильный камень, в погребении № 30 — нарядный поясной набор (Ostpr. Alt., стр. 16, 18).

парных погребений в Коврово обнаружены пять сосудов, стрела, поясной набор и бусы, в то время как другое содержало лишь сосуд, браслет и фибулу.²³⁶

К числу массовых находок могильников принадлежат керамика (урны и сосуды—

²³⁵ В урне этого сожжения обнаружены следующие вещи: серп, ножницы, топор, два наконечника копья, два умбона щитов, три шпоры, часть гребня, железная и бронзовая пластины, пинцет, ремennyй язычок, серебряная и железная проволока (J. Heudessk. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 232, 233).

²³⁶ Ostpr. Alt., стр. 17.

«приставки»), оружие, украшения, а с III в. римские монеты.

Орудия труда как в мужских, так и в женских погребениях встречаются редко. В женских погребениях это небольшие ножи, пряс-

стрижки овец (рис. 52, 2), ключи (рис. 52, 8), долота и струги (рис. 52, 3, 9). Интересной находкой является острога, состоящая из пяти гарпунов, соединенных втулкой²³⁹ (рис. 52, 1). В отдельных погребениях обна-

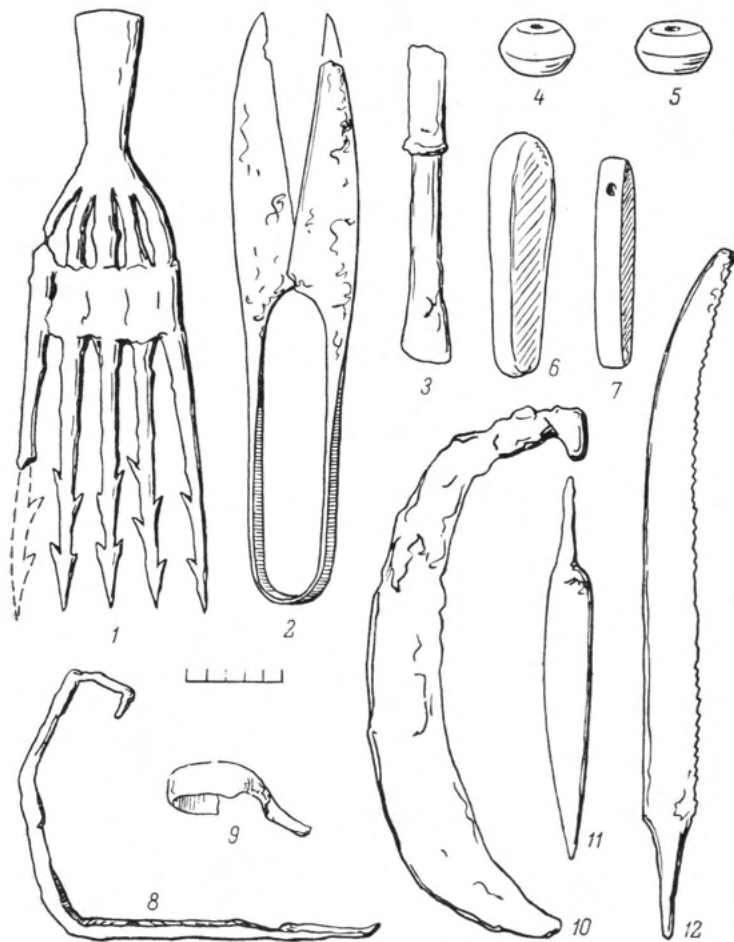

Рис. 52. Орудия труда и бытовые предметы из могильников.

1 — острога (Тенкиетен); 2 — ножницы (Грейбау); 3 — долото (Рогенен); 4, 5 — пряслица (Тенген); 6, 7 — точильные камни (Тенген, Лалсау); 8 — ключ (Котельниково); 9 — струг (Эйслитен); 10 — коса-серп (Тенген); 11 — нож (Котельниково); 12 — зубчатый нож (Тенкиетен).

лица из глины и камня²³⁷ (рис. 52, 4, 5), в мужских захоронениях — ножи с прямым и изогнутым лезвием (рис. 52, 11), зубчатые ножи (рис. 52, 12), узкие серпы и косы²³⁸ (рис. 52, 10), ножницы для

²³⁷ В Коврово встречено 5 пряслиц, в Эйсельбитен — 2, в Грейбау — 6, в Варникам — 2.

²³⁸ В Коврово серпы найдены в 5 погребениях, струги — в 3, ножницы — в 2 (Ostpr. Alt., стр. 16, 17, 19, 20), в Эйсельбитен — один серп (там же,

ружены зернотерки.²⁴⁰ Довольно часто встречаются точильные камни (рис. 52, 6, 7).

Характерными предметами мужских погребений является оружие: втульчатые

стр. 26), в Грейбау — один серп, двое ножниц (там же, стр. 28—32).

²³⁹ Найдена в Тенкиетен (Schriften, 1893, Bd. 33, стр. 37).

²⁴⁰ Grebieten, стр. 202, 203, 208, 210. — G. В у-а с к. Regehenen. . . , стр. 122.

топоры-кельты, наконечники копий и умбоны щитов. Реже встречаются мечи и наконечники стрел. Специфическими находками являются также шпоры, удила и части конского убора.

Для женских погребений специфичны разнообразные украшения из металла. При довольно четком членении мужских и женских погребений иногда встречаются женские погребения с оружием и мужские погребения с находками, типичными для женских захоронений.²⁴¹

Среди украшений преобладают предметы, сделанные из металла. Чаще всего это изделия из бронзы, иногда с накладками из серебра, а в отдельных случаях с позолотой. Наряду с бронзовыми найдены украшения и из серебра. Начиная с III в. появляются железные украшения, иногда с накладками из бронзы и серебра. Из неметаллических украшений чаще всего встречаются бусы из стекла и пасты, янтаря и просто куски необработанного янтаря. Набор украшений в течение всей первой половины I тысячелетия довольно устойчив. Это украшения: нашейные (гривны, бусы, подвески), нагрудные (фибулы, застёжки), поясные (пряжки и накладки от поясов) и наручные (браслеты и перстни). Значительно реже встречаются украшения для головы.²⁴²

Таковы типичные черты, присущие погребальным памятникам первой половины I тысячелетия н. э.

Погребения I—III вв. н. э.

Спецификой погребального обряда ранних захоронений является частичное бытование обряда труположения.²⁴³ Удельный вес погребений с труположением невысок. Чаще всего это единичные захоронения.²⁴⁴

Однако в Коврово погребения по обряду труположения составляют около 50% всех захоронений I—III вв.,²⁴⁵ а в Кориейтен даже преобладают над трупосожжениями.²⁴⁶ В парных и коллективных захоронениях этих памятников наблюдаются погребения по смешанному обряду. Так, в Коврово дважды найдены парные женские захоронения; кроме того, одна могила содержала женский костяк и три сожжения.²⁴⁷

В пределах каменных кладок костяки лежали иногда в гробовищах-колодах, а иногда прямо на земле, на слое глины, смешанной с песком.²⁴⁸ Обычно костяки ориентированы головой на север и залегают в вытянутом положении.²⁴⁹ У головы нередко стоят погребальные сосуды, иногда обставленные камнями²⁵⁰ (рис. 53, 2). Основные вещественные находки труположений и трупосожжений однородны, тем не менее в керамике, частично в оружии и главным образом в украшениях отмечается некоторая особенность.

Керамика погребений исключительно лепная. Это серовато-коричневые урны с цилиндрической или слегка прогнутой шейкой и округлым, нередко шероховатым туловом²⁵¹ (рис. 53, 1—3). «Приставки» в погребениях I—III вв. представляют собой небольшие, серо-коричневые, одноручные или без ручек сосуды с цилиндрической шейкой, округлым или биконическим туловом, иногда на поддоне²⁵² (рис. 53, 5, 6). Необходимо отметить специфику сосудов-«приставок» из погребений с труположениями. По форме они сходны с сосудами-«приставками» из сожжений, но отличаются орнаментом и техникой изготовления. Сосуды лощеные, иногда орнаментированные. Массовая керамика из погребений орнаментирована линиями, зиг-

²⁴⁵ Ostpr. Alt., стр. 15—18.

²⁴⁶ Schriften, 1886, Bd. 27, стр. 22—23.

²⁴⁷ Ostpr. Alt., стр. 17.

²⁴¹ В отдельных женских погребениях могильника в Коврово встречаются наконечники стрел (Ostpr. Alt., стр. 17, 23, 24), в Эйсельбитен в мужском погребении № 24 обнаружена игла с ушком (там же, стр. 26).

²⁴² Главным образом в погребениях с труположением.

²⁴³ W. Gaerte. Skelettgräber zwischen Weischel und Memel aus der Römischen Kaiserzeit. Mannus-Ergänzungsband, 1928, VI, стр. 45.

²⁴⁴ Таковы могильники Безьямка, Штейнеркруг, Гребитен, Кострово (Gebieten), стр. 176. — E. Hollasck. Die Grabformen. . . , стр. 176. — A. Bezzenberger, F. E. Peiser. Gräberfeld bei Bludau. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 213, 214, 216, 217).

²⁴⁸ Прямоугольные каменные кладки 2.6×1.8 м отмечены в Кориейтен (Schriften, 1886, Bd. 27, Прилож., стр. 23). В Хрустальном скелеты лежали в колодах, наружная сторона которых сохранила еще следы коры (J. Heydeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 209, 214, 275). Слой глины встречен в Штейнеркруг (E. Hollasck. Die Grabformen. . . , стр. 179).

²⁴⁹ J. Heydeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, табл. XXXV.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Ostpr. Alt., табл. XVIII, 3, 5, 9, 10; XIX, 7, 9, 10.

²⁵² Там же, табл. XIX.

загами, иногда образующими треугольники и ромбы.²⁵³

В составе оружия встречаются ножевидные мечи (рис. 53, 68), втульчатые топоры (рис. 53, 24)²⁵⁴, наконечники копий с ребристым или гладким пером²⁵⁵ (рис. 53, 21—23), боевые ножи²⁵⁶ (рис. 53, 25), островерхие умбоны щитов²⁵⁷ (рис. 53, 9). Следует также упомянуть бронзовые шпоры в виде полукруглой в сечении дужки с коническим выступом²⁵⁸ (рис. 53, 7, 8), коленчатые, иногда богато орнаментированные удила²⁵⁹ (рис. 53, 26) и конские украшения.

Весьма разнообразен набор личных украшений. Упомянем лишь самые основные их формы.

Во II—III вв. устанавливается следующее сочетание форм украшений: гривны с расширяющимися трубковидными концами (рис. 53, 10, 11), подвески в виде ведерка (рис. 53, 30), фибулы глазчатые и профилированные, лопастные, с цилиндрической головкой (рис. 53, 41—47). Для поясного набора характерны большие, округлые пряжки с ажурной, прямоугольной пластинкой (рис. 53, 19, 20), овальные накладки от поясов, узкие, профилированные ременные язычки. Среди наручных украшений встречены разнообразные пластинчатые браслеты и перстни²⁶⁰

²⁵³ J. Heudeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, табл. XXXV. — Schriften, 1886, Bd. 27, стр. 23. — Ostpr. Alt., табл. XVIII, XIX.

²⁵⁴ J. Heudeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, табл. XXVIII, a. — Ostpr. Alt., стр. 19, 20.

²⁵⁵ Ostpr. Alt., стр. 19, 20.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же, табл. XVI, 1, 2, 4—9

²⁵⁹ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, рис. 151. — J. Heudeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, табл. XXXVI. — В Поваровке к удилам была прикреплена бронзовая цепь. Там же лежали налобник и нащечник, покрытые серебряной пластинкой («Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 366—368).

²⁶⁰ Приведем некоторые женские погребения с типичными украшениями этого времени. В одном из погребений Траузитен найдены: гривна с трубковидными концами, обломки трех фибул, одной глазчатой и двух лопастных, части нарядного поясного набора, пластинчатый браслет, 13 стеклянных, золоченых и 16 красных, пастовых бус (A. Vezenberg. Analysen..., стр. 71). В Рингельс найдена аналогичная гривна, 7 фибул, из которых 6 глазчатых и одна профилированная, лопастная, два браслета с фигурными концами, перстень, отдельные янтарные, пастовые и стеклянные бусы (F. E. Peiser. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 319—320).

(рис. 53, 12—17). Иногда отмечаются (по-видимому, только для погребений с труположением) большие бронзовые бляхи, украшающие голову.²⁶¹ Металлические украшения орнаментированы геометрическим узором. В качестве приема орнаментации служат рубчатая зернь и тиснение. Стеклянные бусы преимущественно канелированные и кольцевые, а янтарные уплощенно-цилиндрической формы, иногда с рифлением с боков (рис. 53, 31—37).

Нельзя не упомянуть также об отдельных импортных изделиях в погребениях I—III вв. К ним относятся дисковидные фибулы, покрытые эмалью (Хрустальное, Лапсау),²⁶² так называемая шарнирная фибула (Поваровка) и т. д.²⁶³ (рис. 54). К числу привозных римских изделий относится бронзовый ковш из Поваровки.²⁶⁴

Грунтовые могильники, появившиеся на этой территории в рассматриваемое время, сохраняют тесную связь с курганами предшествующей поры.²⁶⁵

Переходные формы от курганных могильников к грунтовым в первые века нашей эры прослеживаются на ряде памятников I—III вв. Так, в грунтовой могильнике в Пердоллен обнаружены многослойные каменные венцы и камеры из камней, воспроизводящие аналогичные сооружения в курганах. Слегка возвышающиеся каменные кладки в Изобильном напоминают уплощенные курганы. В Лунино курган с коллективными захоронениями последних веков до нашей эры примыкает к грунтовому могильнику первых веков н. э. Подобные переходные формы могильников известны также в Приморском, Кеймкаллен, Зортенен.²⁶⁶ В виде

²⁶¹ Некоторые данные о головных украшениях дает погребение IV Кунстерштраух. Здесь на черепе костяка найдена круглая тисненая бляха; вторая аналогичная бляха лежала с левой стороны. На шее — пастовые бусы, на груди — три глазчатых фибулы, на запястье — браслет с суженными концами (J. Heudeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 214).

²⁶² H. J. Eggers. Der Römische Import im freien Germanien, стр. 102—103.

²⁶³ K. Stadie. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 214.

²⁶⁴ H. J. Eggers. Der Römische Import im freien Germanien, стр. 102—103.

²⁶⁵ Краткая характеристика курганов дается во введении к настоящей работе.

²⁶⁶ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland, Bd. II, стр. 52—54. — E. Hollack. Erläuterungen..., стр. 154, 187.

исключения отдельные курганные могильники сохраняются и во II—III вв. н. э. Таков, в частности, курганный могильник Эспенхайм, в котором наряду с трупосожжениями конца I тысячелетия до н. э. обнаружены кальцинированные кости с фибулами и бурами II—III вв. н. э.²⁶⁷

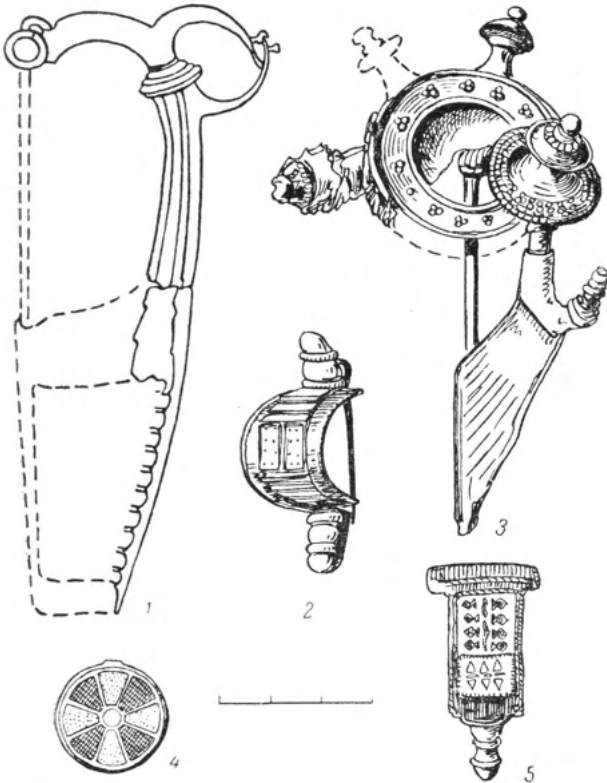

Рис. 54. Импортные фибулы из могильников.

1 — Эйслитен; 2 — Поваровка; 3 — Гребитен; 4 — Хрустальное; 5 — Лендорф.

Преемственность курганов и грунтовых могильников отмечается и в вещественных находках, прежде всего в керамике. Так, в Стобинген остатки трупосожжения I—III вв. захоронены в характерном для курганов биконическом сосуде с трехчастной ручкой. Биконические сосуды с ручками известны в Коврово, Корейтен, Эйслитен, Имтен и других могильниках с инвентарем первых веков нашей эры.²⁶⁸ Сосуды из Лобитен и

Лендорф утратили биконическую форму, но их связь с древними сосудами проявляется в наличии у них двучастной ручки.²⁶⁹ Живучесть древних форм прослеживается и в орнаменте. В частности, городки между двумя рядами линий на урнах грунтовых могильников воспроизводят орнамент курганных сосудов.²⁷⁰

Известная преемственность наблюдается и в наборе оружия. На этой территории еще с эпохи бронзы известны втульчатые топоры типа кельтов и втульчатые наконечники копий.²⁷¹ Подобно керамике и оружию формы украшений (несомкнутые гривны, браслеты) и части поясного набора связаны с соответствующими находками из курганов.²⁷²

Погребения III—V вв. н. э.

Значительная часть могильников, в которых имеются захоронения I—III вв., содержат также погребения III—V вв. Вместе с тем в это время возникает много новых могильников.

В III—IV вв. обряд погребения несожженного трупа на этой территории исчезает, встречаясь (пережиточно) только в отдельных могильниках (Розенау, Мелавишкен, Поддубное).²⁷³ Погребения производятся лишь по обряду трупосожжения. К III—IV вв. относятся почти все захоронения с коном в богатом уборе. Хорошо сохранившийся костяк коня в Изобильном лежал на боку со склоненной к груди головой и подогнутыми ногами. У челюсти коня лежали бронзовые удила, на голове и в области живота — бронзовые пластины.²⁷⁴

Набор изделий в погребениях рассматриваемого периода в основном остается неизменным. Частично изменяются лишь формы вещей, особенно керамики и украшений.

Урны III—V вв. — это коричневато-желтые сосуды с короткой цилиндрической шейкой и удлиненным, иногда ребристым туловом²⁷⁵ (рис. 53, 49—51). В это же время

²⁶⁹ А. Bezenberger. *Analysen...*, стр. 74.

²⁷⁰ W. Gaerte. *Urgeschichte Ostpreussens*, стр. 151.

²⁷¹ Там же; стр. 91, рис. 63, а.

²⁷² Там же; стр. 99, рис. 66; стр. 101, рис. 68; стр. 104, рис. 71; стр. 110, рис. 76.

²⁷³ W. Gaerte. *Skelletgräber...*, стр. 45.

²⁷⁴ J. Heydeck. *Fundberichte. «Prussia»*, 1898—1900, Bd. 21, табл. V.

²⁷⁵ Ostpr. Alt., табл. XX, 15; XXI; XXIII, 3; XXVIII.

²⁶⁷ G. Bujack. *Das Gräberfeld in der Drusker Forst. «Prussia»*, 1887—1888, Bd. 14, стр. 113—116.

²⁶⁸ Ostpr. Alt., табл. XVIII, 1, 2, 4, 6—8; XIX, 1—6, 8. — А. Bezenberger. *Das Gräberfeld bei Rominten. «Prussia»*, 1895—1896, Bd. 20, стр. 55.

широкое распространение получают урны так называемого «типа Гребитен», специфическими чертами которых являются широкие и высокие плечики²⁷⁶ (рис. 53, 52, 53). Весьма разнообразны сосуды-«приставки». Значительная часть их воспроизводит в миниатюре урны I—III вв. н. э., с той лишь разницей, что у них удлиняется шейка (рис. 53, 57, 63, 64, 67). Встречаются миски и миниатюрные мисочки (рис. 53, 56, 58, 59), баночные и биконические сосуды.²⁷⁷ Отдельные сосуды-«приставки» снабжены ручкой²⁷⁸ (рис. 53, 60, 61).

Сосуды украшаются защитными венчиками. Тулово украшается валиками с насечками и ямками, шаровидными и крестовидными налепами. Среди единичных находок обращает на себя внимание слабо профилированный сосуд с конусовидной крышкой²⁷⁹ и сосуд-«приставка» с двойным горлом.²⁸⁰

В могильнике Варникам найдены сосуды гончарной работы, представляющие собой сероглиняные кувшины с округлым туловом, украшенные треугольниками и ромбами с прочерченными линиями.²⁸¹ Любопытен орнамент одного из сосудов из Котельниково в виде схематической фигуры человека с вытянутыми в стороны руками и расставленными ногами.²⁸²

В формах оружия изменений почти не наблюдается. Можно лишь отметить, что реже встречаются втульчатые топоры. Наконечники копий обычно имеют ребристый выступ на пере (рис. 53, 72—74). Умбонцы щитов преимущественно с круглым верхом²⁸³ (рис. 53, 79, 80). Отдельные боевые ножи и наконечники копий украшены штрихами и полукружиями.²⁸⁴

²⁷⁶ Grebieten. . . , табл. VII.

²⁷⁷ Ostpr. Alt., табл. XX—XXVII. — Grebieten. . . , табл. VII, 93, 94.

²⁷⁸ Ostpr. Alt., табл. XXIV.

²⁷⁹ Погребение № 9, Тенкиетен (Schriften, 1893, Bd. 33, стр. 37).

²⁸⁰ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 219, рис. 166, b, d.

²⁸¹ Ostpr. Alt., табл. XXII.

²⁸² J. Heydeck. Fundberichte. «Prussia», 1904, Bd. 22, стр. 235, рис. 161. — Подобное человеческое изображение известно на сосуде из кургана Тикренен (W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 151, рис. 102, c).

²⁸³ Ostpr. Alt., стр. 19, 20.

²⁸⁴ «Prussia», 1893, Bd. 18, стр. 26; 1893—1895, Bd. 19, стр. 256; 1886—1887, Bd. 13, стр. 240, табл. VIII, d. — Schriften, 1878, Bd. 19, табл. VIII, 26.

Удила в погребениях III—V вв. с прямым стержнем,²⁸⁵ а шпору пластинчатые (рис. 53, 76—78).

Значительно изменяются формы украшений. Некоторые из них (головные бляхи) исчезают вовсе; гривны встречаются реже, перстни же чаще, чем в предшествующее время.

Характерно для этого периода большое разнообразие фибул. Широко распространяются фибулы, известные в немецкой литературе под наименованием арбалетных. Первоначально они имели подогнутую ножку или украшались кольцами из рубчатой, иногда серебряной проволоки (рис. 53, 88, 89, 91). В IV—V вв. ножки арбалетных фибул принимают звездообразную, треугольную, прямоугольную и трапециевидную форму²⁸⁶ (рис. 53, 87, 90). Фибулы с подогнутой ножкой встречаются вместе со старыми формами профилированных лопатных фибул, а позднее — вместе с фибулами с литым держателем иглы. С ними сосуществуют следующие украшения: гривны с обмотанными проволокой концами и с замком в виде крючка и петли (рис. 53, 81, 82), дисковидные застёжки (рис. 53, 93, 96), широкие, пластинчатые и спиральные браслеты, перстни из проволоки, с расширенным щитком, а также спиральные.²⁸⁷ В погребениях III—V вв. несколько изменяется и поясной набор, появляются овальные пряжки с прямоугольной пластинкой и широкие ремешковые язычки²⁸⁸ (рис. 53, 100—102). Среди других украшений на протяжении всего периода встречаются трапециевидные и грушевидные подвески, подвески в виде ведерок, серьги, бронзовые бубенчики, бронзовые спиральки и т. д. (рис. 53, 94, 95). Следует упомянуть также оковки рогов для питья,²⁸⁹ бронзовые и железные пинцеты.

Украшения украшаются разнообразными приемами: тиснением, гравировкой, накладкой бронзовых, серебряных и золотых пластинок и рубчатой зернью. Узоры на украшениях остаются геометрическими.

²⁸⁵ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 201, рис. 151, c. — J. Heydeck. Fundberichte. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 50. — Ostpr. Alt., табл. XVI, 13; XVII, 2—8, 10, 11.

²⁸⁶ Ostpr. Alt., табл. III, IV.

²⁸⁷ Там же, табл. XIV.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ F. E. Peiser. Die Trinkhornränder des Prussia Museums. Festschrift Adalbert Bezzenberger. Göttingen, 1921, стр. 116, 117.

Из неметаллических украшений для погребений III—V вв. характерны восьмигранные стеклянные бусы.

В погребениях III—V вв. также встречаются привозные римские изделия. По-видимому, не позднее III в. найден провинциально-римский сосуд (*terra sigillata*) в Изобильном.²⁹⁰ К III—IV вв. относятся стеклянные чаши (Котельниково) и части серебряного сосуда (Корнейтен).

Начиная с III в. в погребениях появляются монеты. Всего на этой территории в могильниках найдено свыше 400 монет; последние встречаются чаще всего единично, и лишь в редких случаях в погребениях находили больше 1—2 монет одновременно. Часто к монетам припаяны ушки или в них пробиты дырочки для подвешивания. Многие из них обожжены и оплавлены. Почти все монеты бронзовые; серебряные встречаются редко.²⁹¹

Из определимых монет большая часть принадлежит императору Адриану (117—138), на втором месте монеты Траяна (98—117), далее идут монеты Марка Аврелия (161—180), Антонина Пия (138—161), Фаустины Старшей I (ум. 141), Фаустины Младшей II (ум. 175) и Коммода (180—192). Монеты чекана III в. крайне редки. Они встречаются лишь в тех погребениях, которые сопровождаются фибулами с подогнутой ножкой. Погребения, содержавшие монеты Септимия Севера (193—211), Каракалы (211—217), Гордиана III (238—244), не отличаются по составу вещей от содержащих ранние монеты.²⁹²

²⁹⁰ A. Brinkmann. *Funde von Terra Sigillata in Ostpreussen*. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 73—77. — J. Heudeck. *Fundberichte*. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 225, 226, 232. — H. J. Eggers. *Der Römische Import im freien Germanien*, стр. 102.

²⁹¹ S. Bolin. *Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen*, стр. 209, 227, 238, 239.

²⁹² В погребении № 12 (Котельниково), где найдены: монета Септимия Севера (193—211), серп, три наконечника копьа, умбон щита, нож, фибула с подогнутой ножкой; в погребении № 31 этого же могильника сходный комплекс вещей сочетается с монетой Каракалы (211—217), а в погребении № 2 (Коецен) — с монетой Гордиана III (238—244), в то же время в погребении «а» (Гребитен) аналогичное сочетание вещей встречено с монетами Домициана (81—96) и Траяна (98—117), а в погребениях № 114 (Корнейтен) и № 38 (Котельниково) — с монетами Нервы (96—98), в Леберсхоф — с монетой Домициана (81—96) и Адриана (117—138) и т. д. («Prussia», 1904, Bd. 22, стр. 230, 234. — S. Bolin.

Бытование монет в качестве украшений, одновременное пользование ранними и поздними монетами и отдаленность интересующей нас территории от мест их чекана дают основание предполагать, что римские монеты появились в бассейне р. Преголи не ранее III в. Наиболее поздняя римская монета, найденная в могильнике Эйслитен вне комплекса, относится к 308 г. (Констанций Хлор).²⁹³

Этими данными в основном исчерпывается материал могильников первой половины I тысячелетия н. э.

Итак, в грунтовых могильниках, возникших в первые века нашей эры в качестве непосредственного продолжения курганов, в течение длительного времени прослеживаются черты преемственности с последними как в обряде погребения, так и в инвентаре. Вместе с тем в них появляется много новых черт. К ним относятся: комплексы с богатым инвентарем, частичное распространение обряда трупоположения в памятниках до III в., единичные захоронения коней, помещение кальцинированных костей вне урны, коренное изменение состава инвентаря, выразившееся в значительном увеличении оружия и появлении новых разнообразных украшений.

Специфика многочисленных погребальных памятников бассейна р. Преголи становится понятной при сравнении их с памятниками смежных территорий.

Особую группу составляют могильники устья Немана. Памятники, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н. э., представлены здесь курганными могильниками, находящимися преимущественно в приморской полосе Литовской и Латвийской советских социалистических республик (Мишейкай, Эглишккай, Курмайчай, Башки, Дарзниеки и т. д.).²⁹⁴ Это курганы

Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen, стр. 210, 226).

²⁹³ S. Bolin. *Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen*, стр. 218.

²⁹⁴ A. Bezzenberger. 1) *Einige ostpreussische Hügelgräber*. «Prussia», 1893, Bd. 18, стр. 82—85; 2) *Fundberichte*. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 86—87. — П. З. Куликаускас. Курмайчские археологические памятники и данные их исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1949, стр. 3—7. — Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тыс. до н. э. на территории Латвийской ССР, стр. 70, 71.

до 10 м диаметром и до 1,5 м высотой, с каменными венцами у основания, во многом напоминающие синхронные курганные могильники бассейна р. Преголи.

Обрядом погребения в курганах является коллективное трупосожжение в урнах. Вместе с тем здесь единично отмечаются захоронения несожженного трупа (Дарзниеки, Башки, Курмайчай). В Курмайчай при костяке обнаружены бронзовые щитки и спирали, позволяющие датировать это погребение 500—300 гг. до н. э.²⁹⁵ В целом курганные могильники продолжают существовать на этой территории до I—II вв. н. э.

В первых веках нашей эры курганы с коллективными захоронениями сменяются бескурганскими могильниками с одиночными погребениями по обряду трупоположения. Скелеты лежат внутри каменных кладок в вытянутом положении. Характерным инвентарем мужских погребений является оружие — наконечники копий, топоры, ножи и т. д. Женские погребения отличаются разнообразными бронзовыми украшениями — глазчатыми и перекладчатыми фибулами, гривнами с раструбами на концах, а также разнообразными стеклянными и янтарными бусами.²⁹⁶

Значительно возрастает число могильников в Понеманье начиная с III—IV вв. н. э. Среди них следует упомянуть могильники: Аукштакиемис, раскопанный еще О. Тышлером, Шернай, известный по работам А. Беценбергера, и др.²⁹⁷ Во всех этих могильниках прослеживаются трупоположения внутри каменных кладок неправильной формы, тесно примыкающих друг к другу. В Аукштакиемис, Шернай и других могильниках отмечаются большие кострища, где слой пережженной земли достигает 1 м мощности.²⁹⁸

Обращает на себя внимание значительный процент захоронений с конем в могильнике

²⁹⁵ П. З. Куликаускас. Курмайчские археологические памятники и данные их исследования, стр. 7.

²⁹⁶ А. Bezenberger. Fundberichte. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 112—118. — «Prussia», 1891—1892, Bd. 17, стр. 134; 1904, Bd. 22, стр. 147.

²⁹⁷ Schriften, 1888, Bd. 29, Прилож., стр. 14—23; 1889, Bd. 30, Прилож., стр. 27—31. — А. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Schernen. «Prussia», 1891—1892, Bd. 17, стр. 141—168.

²⁹⁸ Schriften, 1883, Bd. 24, стр. 15. — А. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Schernen, стр. 167.

Шернай; из 110 погребений 23 содержат кости лошадей.²⁹⁹ В отдельных погребениях встречаются кости домашних животных, преимущественно свиньи и овцы.³⁰⁰ Ориентировка скелетов, известная по данным могильника Курмайчай, расположенного вблизи одноименного курганного могильника, преимущественно северо-западная и юго-западная. Скелеты лежат в вытянутом положении, с руками вдоль тела, иногда одна рука на груди.³⁰¹ Инвентарь в отдельных случаях помещается в коробочке из бересты.³⁰²

Мужские погребения Понеманья и приморской части Литвы и Латвии выделяются значительным количеством оружия, аналогичного оружию из могильников в бассейне р. Преголи.³⁰³ Начиная с III в. в мужских погребениях появляется коса-горбуша.³⁰⁴ Женские погребения отличаются большим числом бронзовых украшений. Наряду с бытованием в Понеманье некоторых общих с прегольскими землями форм украшений (фибул, бус и др.) можно отметить их специфические формы. Таковы круглые, профилированные фибулы (рис. 55, 6), нагрудные цепи, разнообразные булавки (рис. 55, 4). В женских погребениях этой территории шире, чем в прегольских землях, распространены разнообразные гривны и спиральные браслеты³⁰⁵ (рис. 55, 5). Весьма интересны женские головные уборы могильника Шернай. Они состоят из шерстяной шапочки, сплошь покрытой бляшками-скорлупками. К шапочке подвешены спиральные подвески³⁰⁶ (рис. 55, 2). С III в. в могильниках Понеманья появляются римские монеты. Нельзя не отметить одной особенности погребального обряда этих могильников — почти полного отсутствия керамики. Лишь изредка встречаются миниатюрные сосуды, по-видимому вотивного назначения³⁰⁷ (рис. 55, 1).

²⁹⁹ А. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Schernen, стр. 141—166.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Р. Kulikauskas. Kurmaičiu (Kretingos raj) plokštinio kapinyto tyrinejimai. Lietuvos Istorijos Instituto, Darbai, I. Vilnius, 1951, стр. 316—323.

³⁰² А. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Schernen, стр. 150.

³⁰³ Р. Kulikauskas. Kurmaičiu, табл. 5—9. — А. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Schernen, табл. XI, XV.

³⁰⁴ История Латвийской ССР, т. I, стр. 36.

³⁰⁵ А. Bezenberger. Das Gräberfeld bei Schernen, табл. VI—X, XIV.

³⁰⁶ Там же, табл. XIII.

³⁰⁷ Там же, табл. XII.

На основании даже этой беглой характеристики погребальных памятников Понеманья можно отметить в них черты несомненного сходства с могильниками бассейна р. Преголи. Оно выражается в первую очередь в том, что на указанных соседних землях бытуют бескурганные могильники, сме-

ники с труположениями, на соседней юго-восточной земле, охватывающей область мазовецких озер, выделяется особая группа памятников, характерной чертой которых является пережиточное бытование курганов.

Могильники первой половины I тысячелетия н. э. на этой территории, входящей в основном в состав современных польских земель, представляют собой своеобразные уплощенные курганы с подземной каменной кладкой.³⁰⁸ Небольшие земляные насыпи с каменным венцом у основания известны в Грунайкай и Боцвинке.³⁰⁹ Время существования их относится к II—VI вв. н. э. Курганы, покрытые камнями, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э., известны в Русской Веси (повет Эльк).³¹⁰

Каменные кладки правильной геометрической формы во многом походят на кладки прегольских могильников. Господствующим обрядом погребения является захоронение в урне, однако если в прегольских могильниках распространяется индивидуальное трупосожжение, то на восточномазовецкой территории коллективные трупосожжения продолжают в течение почти всей первой половины I тысячелетия н. э. В погребении 3 могильника Грунайкай обнаружено 6, а в погребении 11—20 сосудов, в значительной части которых лежали пережженные кости. Все эти сосуды покрыты одной каменной плитой. Иногда коллективные трупосожжения — безурновые. Среди вещей этих захоронений найдены: фибула с литым

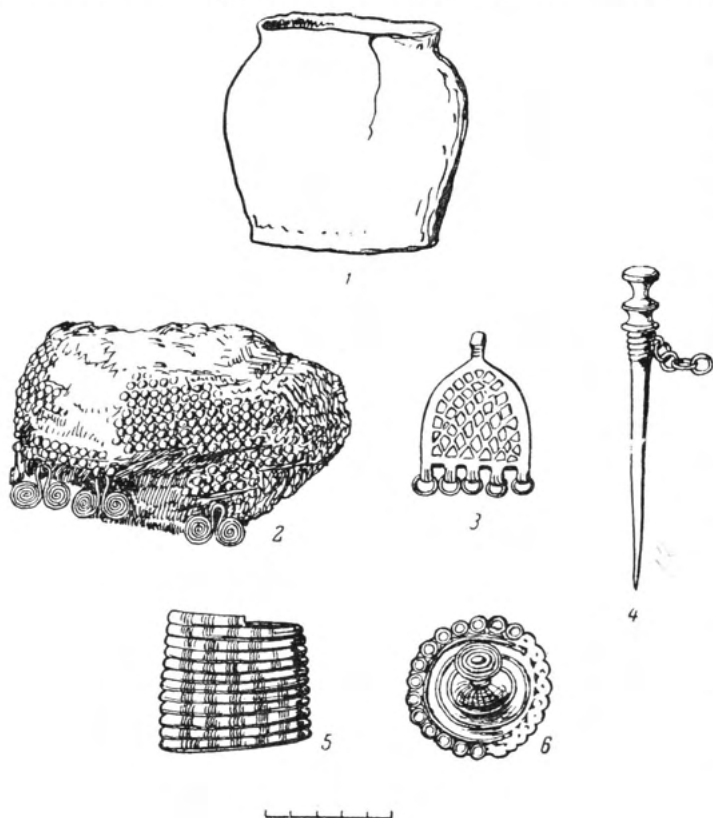

Рис. 55. Вещи из могильников Понеманья.

1 — сосуд; 2 — головной убор; 3 — часть цепи с держателем; 4 — булава; 5 — браслет; 6 — фибула. (1—3, 5—6 — Шернай; 4 — Барсдунай).

нившие в первые века нашей эры курганы. Возведение каменных кладок в могильниках, обилие изделий из металла, преимущественно оружия и украшений, дополняют это сходство памятников обеих территорий. К этому можно прибавить отдельные детали погребального обряда, в частности помещение инвентаря в берестяные коробочки. Вместе с тем нельзя не заметить специфики могильников Понеманья, а именно труположения, и несколько особый характер инвентаря.

В то время как в Понеманье, примыкающем к территории бассейна р. Преголи с востока, существовали грунтовые могиль-

жения — безурновые. Среди вещей этих захоронений найдены: фибула с литым

³⁰⁸ В юго-восточной Мазовии, как и для двух предшествующих групп могильников, характерными могильными памятниками I тысячелетия до н. э. являются курганы с трупосожжением. По материалам курганов Грабник (повет Эльк), пережженные кости лежали рядом с грубым широкогорлым горшком с округлым туловом (Mannus-Ergänzungsband, 1931, VIII, стр. 49, рис. 14).

³⁰⁹ Schriften, 1878, Bd. 19, стр. 161—162, 255—258.

³¹⁰ C. Engel. Die Ostmasurische Hügelgräber bei Reuschendorf. Mannus, 1932, Bd. 24, H. 2, стр. 478—490.

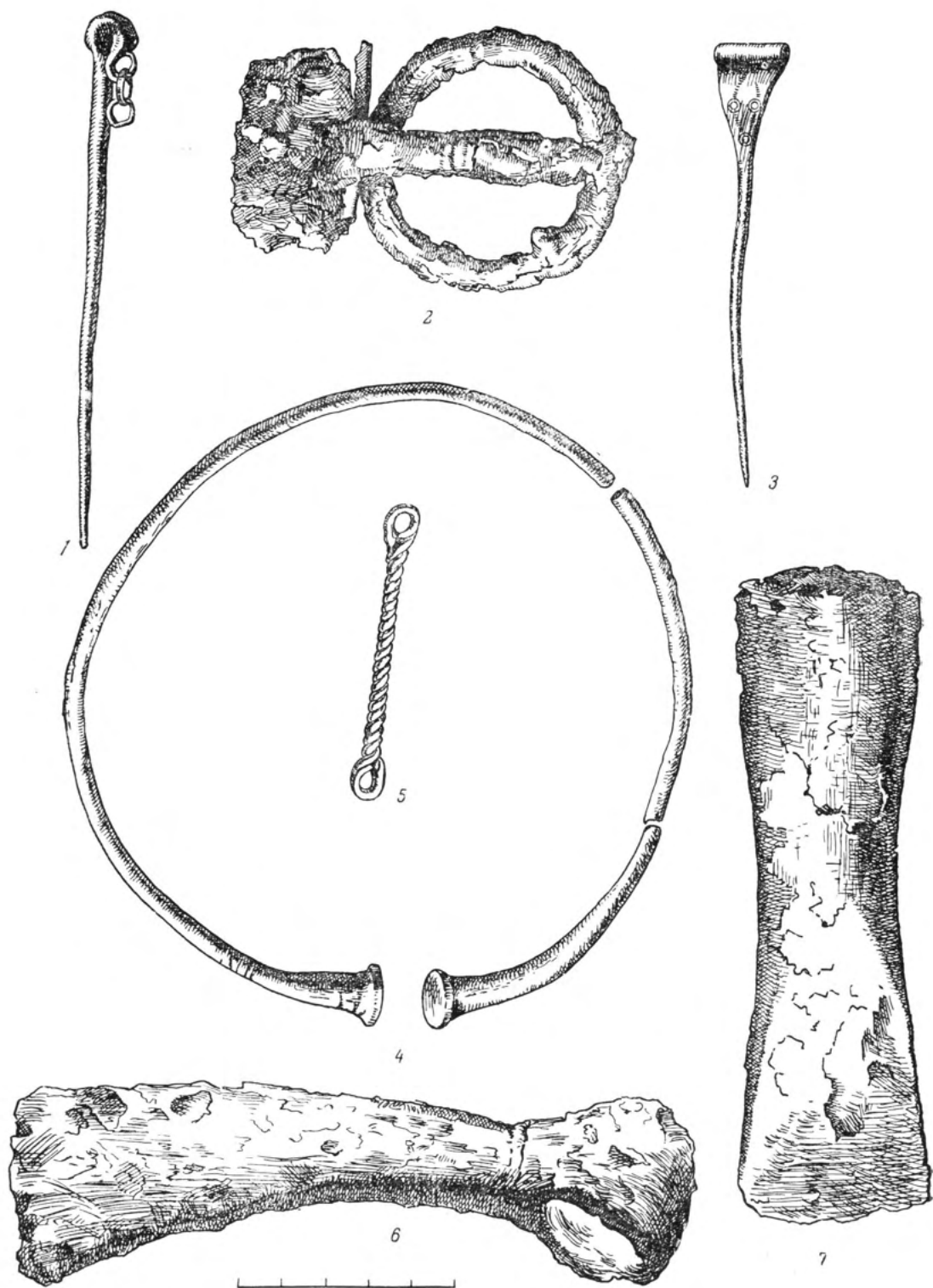

Рис. 56. Вещи из могильников восточной Мазовии.

1, 3 — булавки; 2 — пряжка; 4 — гривна; 5 — держатель; 6, 7 — топоры. Рсмнты

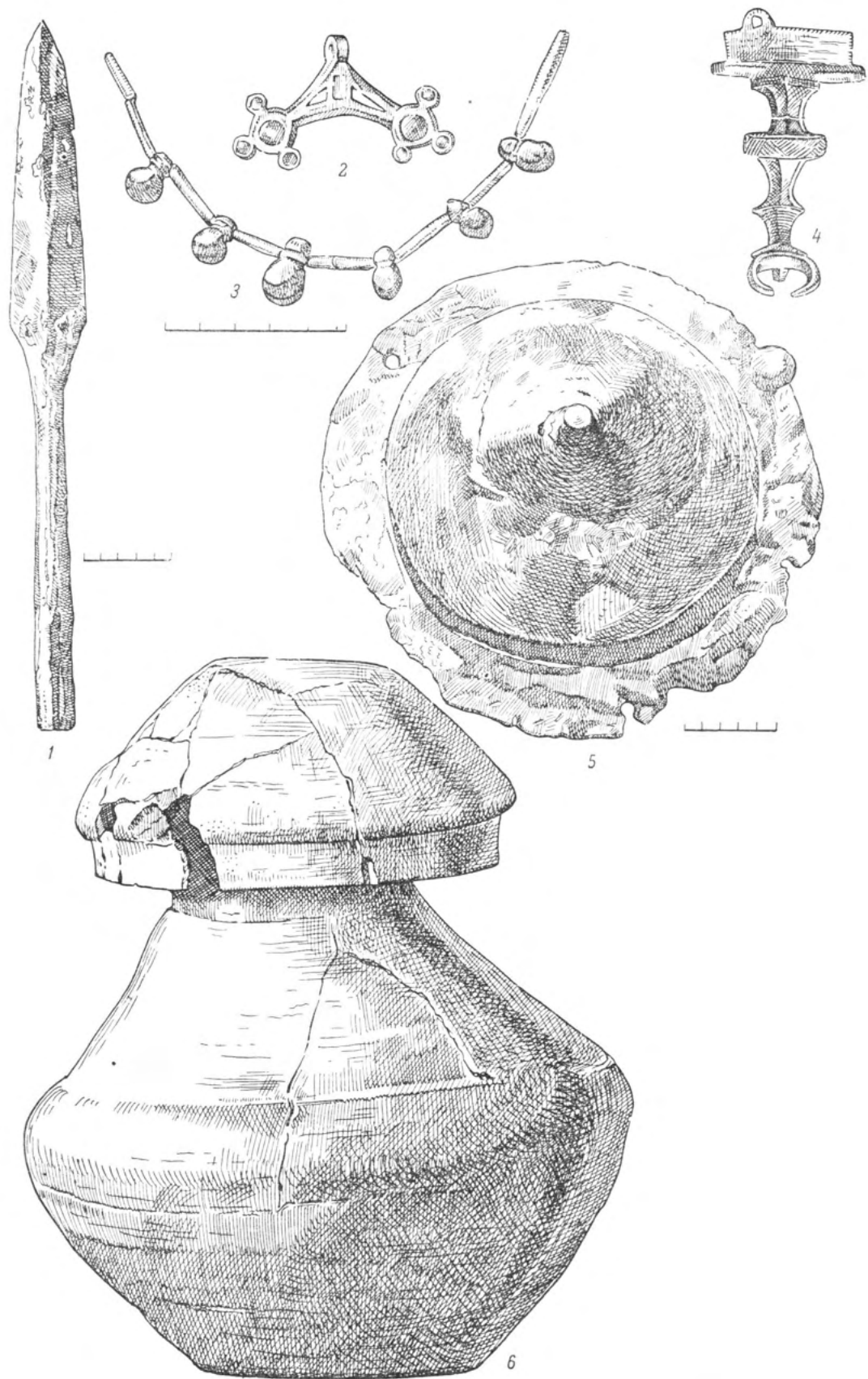

Рис. 57. Вещи из могильников западной Мазовии.

1 — наконечник кося; 2 — подвеска с эмалью; 3 — янтарные подвески; 4 — фибула; 5 — умбон щита; 6 — урна. (1, 3—6 — Мойтины; 2 — Махары).

держателем иглы и крестовидным шпеньком, что свидетельствует о том, что это погребение не старше V—VI вв.³¹¹ В отдельных могильниках восточномазовецкой группы отмечаются единичные труположения (Роминты, повет Голдап).³¹²

Находки в погребениях этой группы во многом аналогичны прегольским, хотя состав инвентаря несколько иной. В нем сравнительно мало оружия, столь характерного для могильных памятников вышеописанных групп.³¹³ Остальные находки (керамика, украшения и др.) связывают эту группу погребений с погребениями бассейна р. Преголи. Единичные находки (обушной топор, булавки) свидетельствуют о проникновении сюда вещей, типичных для могильников Понеманья (рис. 56).

Группа могильников восточной Мазовии, близкая к памятникам бассейна р. Преголи по инвентарю, отличается от последних обрядом погребения. Возникнув в первые века нашей эры на этой территории как непосредственное продолжение курганных могильников I тысячелетия до н. э., они сохраняют в устройстве могильников и обряде коллективного трупосожжения больше связи с курганами, чем могильники прегольской группы.

Несколько отлична группа памятников западномазовецкой территории, примыкающей с юга к прегольским землям.

Если на более северных территориях грунтовые могильники появляются на смену курганным, то в западной Мазовии два вида этих погребальных памятников сосуществуют уже в I тысячелетии до н. э.³¹⁴

Погребальные памятники первой половины I тысячелетия н. э. здесь представлены грунтовыми могильниками прегольского типа с трупосожжениями в урнах или в небольших ямках.³¹⁵ Единично встречаются несожженные кости коня.

Мужские погребения выделяются значительным количеством оружия (наконеч-

ники копий, втульчатые топоры, умбоны щитов, боевые ножи), аналогичного оружию прегольских и неманских могильников. В женских погребениях много металлических украшений (фибулы, бусы, булавки). Передки прорезные украшения, покрытые белой и красной эмалью, что составляет особенность этой группы погребений, наиболее близкой к памятникам бассейна р. Преголи³¹⁶ (рис. 57).

Подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что могильные памятники бассейна р. Преголи находились в окружении чрезвычайно близких им погребений, представляющих собой грунтовые могильники, связанные в той или иной степени с курганами предшествующего периода. Наибольшее сходство прослеживается между памятниками бассейна р. Преголи и двумя группами мазовецких могильников. Из этих трех групп могильники по течению р. Преголи не только численно преобладают, но и содержат находки, формы которых так или иначе распространены и в двух других группах памятников. Несколько особняком стоит группа могильников Понеманья. Несмотря на их сходство с могильниками Преголи, в отдельных чертах обряда погребения и инвентаря она значительно больше связана с могильными памятниками западных и центральных районов Латвии и Литвы.³¹⁷

Могильные памятники VI—VIII вв.

Начиная с VI в. число погребальных памятников прегольской группы значительно сокращается. На Калининградском полуострове — этом «сплошном могильнике» в первой половине I тысячелетия н. э. — насчитывается лишь 25 грунтовых могильников с погребениями VI—VIII вв. Характерной особенностью указанных погребений является то, что они входят в состав могильников более ранней поры, в ряде случаев располагаясь там же, где и погребения III—V вв. (Коврово, Польвитен, Котельниково, Лебертсхоф, Шакаулак, Варникам, Тенген и др.),³¹⁸ в других — появляясь там,

³¹⁶ Там же, стр. 32—34.

³¹⁷ Н. М о о г а. Die Eisenzeit in Lettland, Bd. II, стр. 40—56. — J. P u z i n a s. Naujausią pristorinių tyrinėjimų duomenys, стр. 41—43, 45—50, 53, 54.

³¹⁸ Ostpr. Alt., стр. 22—25, 30, 41—45. — J. H e y d e c k. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 231. — G. B e r e n d t. Zwei Gräberfelder in

³¹¹ Schriften, 1878, Bd. 19, стр. 254, 255.

³¹² А. В e z e n b e r g e r. Das Gräberfeld bei Rominten, стр. 37, 38.

³¹³ Единственным видом вооружения здесь являются ножи со слегка искривленным лезвием, достигающим 20 см длины. Удила и шпory встречаются гораздо реже, чем в бассейне р. Преголи (Schriften, 1878. Bd. 19, стр. 246, 255, 256).

³¹⁴ Н. U r b a n e c k. Die frühen Flächgräberfelder Ostpreussens. Königsberg, 1941, стр. 224, 225.

³¹⁵ E. H o l l a c k, F. P e i s e r. Das Gräberfeld von Moythienen, стр. 11, 12.

где встречены лишь ранние погребения I—III вв.³¹⁹

Трупосожжение выступает единственным обрядом погребения в VI—VII вв. Кальцинированные кости обычно помещаются в земле без урн, иногда кладутся в специально вырытые ямки, окруженные каменными кладками, той же формы, что и в ранних погребениях.³²⁰ Сожжения в урнах встре-

начиная с VI в. количество находок резко уменьшается. Большая часть погребений имеет 1—2 сосуда и единичные находки (пряслице, янтарь, нож, изредка оружие).³²⁴

На фоне общего обеднения инвентаря особенно обращают на себя внимание отдельные погребения с богатым вещевым материалом. Так, в Варниках, в погребении 1 прах человека сопровождался за-

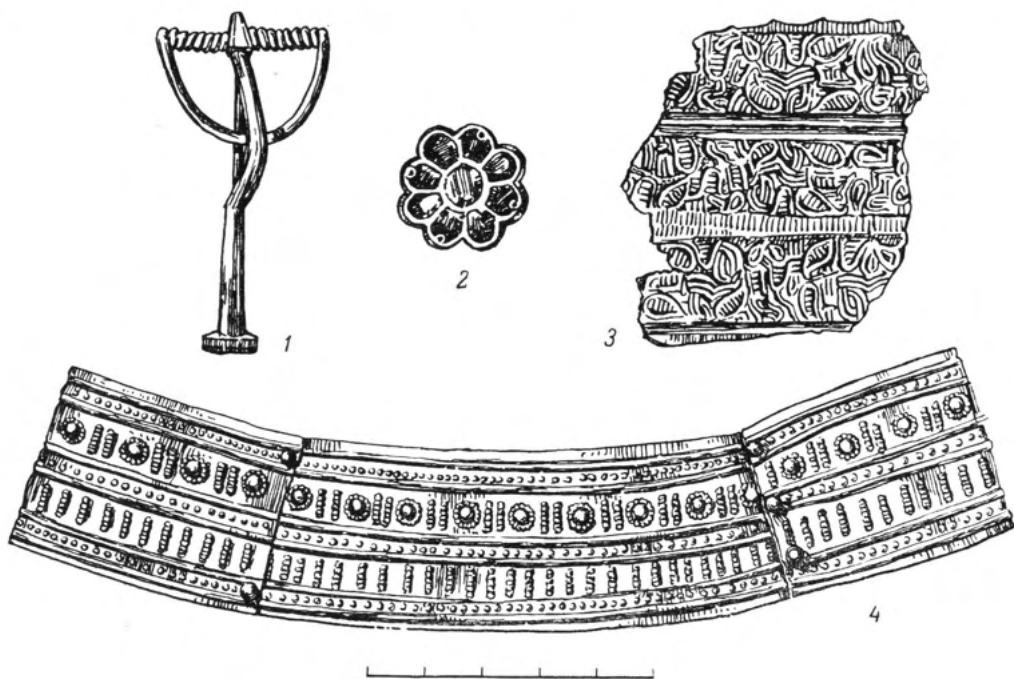

Рис. 58. Погребение № 1 могильника Варникам
1 — фибула; 2 — розетка; 3, 4 — накладки от рукояти меча.

чаются редко, главным образом в наиболее ранних погребениях этого периода.³²¹ Набор украшений в женских погребениях становится однообразным, это отдельные фибулы, браслеты, пряжки, изредка бусы.³²²

Значительно беднее инвентарь погребений. Так, в Коврово, где погребения предшествующего периода отличались значительным и разнообразным инвентарем,³²³

Natangen. Schriften, 1873, Bd. 14, стр. 88—95. — E. Hollasck. Erläuterungen. . . , стр. 64, 92, 142.

³¹⁹ Там же, стр. 32.

³²⁰ Ostpr. Alt., стр. 41. — В отдельных случаях встречаются сожжения и за пределами каменных кладок (G. V e r e n d t. Zwei Gräberfelder in Natangen, стр. 90).

³²¹ Ostpr. Alt., стр. 41.

³²² Там же, стр. 22—25.

³²³ См. стр. 386 настоящей работы.

хоронением коня. В составе инвентаря имелось оружие: меч с серебряной рукоятью, копье и нож; ряд серебряных вещей: гривна, фибула, шесть пряжек, шесть ремennых язычков. Роскошное убранство коня, бронзовые удила его позолочены. Здесь же найдены 223 серебряных заклепки, серебряная тисненая пластинка и две золотые бляшки с инкрустацией из гранатов³²⁵ (рис. 58). В погребении 4 этого же могильника обнаружено 80 серебряных заклепок и пластинка из серебра с тисненым растительным и геометрическим орнаментом.³²⁶ В Ветрово

³²⁴ Ostpr. Alt., стр. 22—25.

³²⁵ Там же, стр. 41—42.

³²⁶ Там же, стр. 42. /

и Тенген найдены тисненые золотые пластинки,³²⁷ в Котельниково — позолоченная подвеска.³²⁸ Кострица, как и в памятниках предшествующей поры, обнаружены внутри могильника. В VI—VIII вв. почти совершенно исчезают коллективные и парные захоронения.³²⁹

Наиболее характерный набор вещей прегольской группы — это сосуды-«приставки», поздние типы арбалетных фибул, пальчатые фибулы, витые гривны и браслеты. Керамика представлена лепными сосудами желтовато-коричневого цвета, с удлиненной шейкой и изломом в средней или нижней части сосуда. Реже встречаются биконические сосуды и миски³³⁰ (рис. 53, 103—108). Сосуды украшены линиями, зигзагами или поперечными и продольными валиками с насечкой.³³¹

Основные украшения сделаны из бронзы, изредка из серебра. Это — главным образом уплощенные арбалетные фибулы с перекладинами в верхней и нижней частях. Для VI в. характерны арбалетные фибулы с крестовидной ножкой³³² (рис. 53, 115).

Новыми характерными украшениями VI—VIII вв. являются пальчатые и пластинчатые фибулы с полукруглой головкой и ромбовидной ножкой³³³ (рис. 53, 114, 116). В это же время широкое хождение имеют дисковидные фибулы³³⁴ (рис. 53, 93, 96). Из числа других украшений можно упомянуть витые гривны и браслеты³³⁵ (рис. 53, 92, 111). Наряду со старыми приемами орнаментации, среди которых больше всего употреблялись тисненые накладки из бронзы и серебра, отдельные украшения орнаментированы чернью. Узор по-прежнему геометрический. Наряду с ним рас-

пространяется и орнамент в виде стилизованных голов зверей.³³⁶ Неметаллические украшения встречаются лишь единично (отдельные стеклянные и янтарные бусы и др.).³³⁷

В вещественных находках VI—VII вв. прослеживаются черты преемственности с более ранними погребениями. Так, в погребении 60 могильника Варникам весь инвентарь характерен для памятников IV—V вв. и лишь фибула с крестовидной ножкой дает основание датировать этот комплекс VI в.³³⁸ В целом погребения VI—VIII вв. следует рассматривать как непосредственное продолжение могильных памятников предшествующей поры. Сходство с ранними памятниками отмечается и в обряде погребения (группосожжение, каменные кладки), и в формах инвентаря. Оно подтверждается также и тем, что захоронения производятся на той же территории, где находятся погребения первой половины I тысячелетия. Вместе с тем на рубеже VI в. происходит резкое уменьшение могильников и заметное обеднение инвентаря рядовых погребений, на фоне которых особенно выделяются отдельные захоронения с богатым инвентарем. Почти полностью исчезают также парные и коллективные захоронения.

В то же время для соседних территорий, в частности для Понеманья, характерен иной путь развития. Погребения VI—VIII вв. на этой территории, известные по могильникам Аукштакиемис, Рубокай, Грейжнай и др., подобно памятникам прегольской группы, находятся на тех же местах, где были захоронения первой половины I тысячелетия н. э.³³⁹ Наряду с этим начиная с VI—VII вв. в Понеманье появляются новые могильные памятники. Обряд погребения в общем остается неизменным. Умершие хоронились по обряду труположения. Костяки в вытянутом положении, иногда в дубовых колодах, чаще прямо на земле.³⁴⁰

³²⁷ G. Berendt. Zwei Gräberfelder in Natangen, табл. II, 4. — E. Hollack. Fundberichte. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 283, рис. 125.

³²⁸ N. Åberg. Ostpreussen in Völkerwanderungszeit, стр. 103, рис. 147. — E. Hollack. Fundberichte. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 283, рис. 125.

³²⁹ В качестве единичного примера упомянем парное погребение в Детлевсру (E. Hollack. Fundberichte. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 276).

³³⁰ Ostpr. Alt., табл. XXIX, XXX.

³³¹ Там же, табл. V, 24—26; VI, 124.

³³² Там же, табл. XIII, 2.

³³³ Там же, табл. VI, 11—21; VII.

³³⁴ E. Hollack. Fundberichte. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 284, рис. 126. — Ostpr. Alt., табл. VIII, 13—16.

³³⁵ Ostpr. Alt., табл. XV, 9, 10, 12, 13.

³³⁶ J. Heydeck. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 231, рис. 151.

³³⁷ Ostpr. Alt., стр. 22—25.

³³⁸ Там же, стр. 44.

³³⁹ Schriften, 1888, Bd. 29, стр. 14—23; 1889, Bd. 30, стр. 11—16. — A. Bezenberger: 1) Fundberichte. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 148—193; 2) Fundberichte. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 135—152.

³⁴⁰ C. Engel. Zur Gliederung der jüngsten heidnischen Zeitalter in Ostpreussen. Congressus Secundus Archeologorum Balticorum, Rigae, 1930, стр. 313—333.

Как и в предшествующий период, захоронения окружаются каменными кладками.

В отличие от синхронных могильников по течению р. Преголи могильники Понеманья VI—VIII вв., как и в предшествующий период, содержат обильный инвентарь. В мужских погребениях встречаются косы-горбуши, 1—2 и более наконечников копий, боевой нож, изредка меч, а также украшения (браслеты, перстни, фибулы); в женских погребениях — пряслица, небольшие ножи, гребни и разнообразные украшения (повязки и булавки как часть головного убора, гривны, браслеты, фибулы, бусы).³⁴¹

Керамика, за исключением редких водных сосудов, отсутствует.³⁴²

Оружие и косы-горбуши во многом сходны с соответствующими находками предшествующей поры. Таковы косы с широким лезвием и наконечники копий с узким и широким пером,³⁴³ мечи короткие, широкие, с утолщенной спинкой и желобками на лезвии.³⁴⁴

В VI—VIII вв. в Понеманье появляются новые формы металлических украшений: треугольные в сечении гривны с витыми концами, браслеты с утолщенными концами (рис. 59, 1, 4), головные булавки с ромбовидным щитком и др.³⁴⁵ Наряду с этим продолжают бытовать старые формы фибул, арбалетные с тисненой пластинкой из бронзы и серебра, иногда украшенные стилизованными головками зверей, спиральные браслеты и кольца (рис. 59, 2, 3).³⁴⁶

Даже на основании краткой характеристики могильников Понеманья можно убедиться в том, что в VI—VIII вв. по сравнению с памятниками предшествующего периода не наблюдается существенных изменений ни в погребальном обряде, ни в насыщенности инвентарем.

Слабая изученность восточной Мазовии не дает возможности выявить характер могильных памятников на этой территории. По-видимому, здесь еще в VI—VII вв. пере-

житочно сохраняется обряд коллективного трупосожжения, кальцинированные кости складываются в урны³⁴⁷ (Грунайка и др.). Формы керамики на этой территории мало изменяются по сравнению с предшествующим временем. Среди находок встречаются пальчатые и поздние типы арбалетных фибул.³⁴⁸

Особый интерес представляют могильники западномазовецкой территории. Как и в других группах, погребения этого периода встречаются в тех же местах, что и погребения предшествующей поры.³⁴⁹ Однако наиболее типичные памятники этого времени возникают на новых местах. Таковы, в частности, грунтовые могильники Тумяны и Келары в Ольштинском воеводстве Польши.³⁵⁰

Погребения в этих могильниках совершаются по обряду трупосожжения, кальцинированные кости складывают в урны или ямы. Характерно, что в это время здесь исчезают специфические для всей Прибалтики каменные кладки. В отдельных случаях урны прикрываются камнями.³⁵¹ Кальцинированные кости в яме иногда прикрываются корой, тканью или деревом.³⁵² В ряде случаев сожжение неполное — найдены куски черепа с оплавленными украшениями.³⁵³

В могильниках западномазовецкой группы в VI—VIII вв. единично встречаются парные захоронения, в которых одно из сожженных либо вовсе лишено инвентаря, либо сопровождается незначительными находками.³⁵⁴ В Тумянах парные захоронения

³⁴⁷ Schriften 1878, Bd. 19, стр. 255. — Коллективное захоронение в урне отмечено в Питрашен (повет Эльк в Польше), где в одной урне обнаружено 14 трупосожжений (J. Heydeck. Das Gräberfeld von Pietraschen. «Prussia», 1878—1879, Bd. 5, стр. 23).

³⁴⁸ «Prussia», 1881, Bd. 7, стр. 114. — N. Å berg. Ostpreussen in Völkerwanderungszeit, стр. 166, 169, рис. 120, 170.

³⁴⁹ E. Hollack, F. Peiser. Das Gräberfeld von Moythienen, стр. 19.

³⁵⁰ J. Heydeck. Das Gräberfeld von Däumen . . . , стр. 41—80. — E. Hollack. Das Gräberfeld bei Kellaren . . . , стр. 160—195. — Материалы этих могильников являются основными при характеристике западномазовецких могильников VI—VIII вв.

³⁵¹ E. Hollack. Das Gräberfeld bei Kellaren . . . , стр. 163—164.

³⁵² J. Heydeck. Das Gräberfeld von Däumen . . . , стр. 43.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ E. Hollack. Das Gräberfeld bei Kellaren . . . , стр. 177, 178, 182.

³⁴¹ Там же, стр. 316, 317.

³⁴² Там же, стр. 315, рис. 1.

³⁴³ Там же, стр. 319.

³⁴⁴ Там же, стр. 315, рис. 1.

³⁴⁵ A. Bezenberger. 1) Fundberichte. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 141—143, рис. 52, 56, 58; 1909, Bd. 22, стр. 168, рис. 144; 2) Analysen . . . , стр. 92, рис. 120.

³⁴⁶ A. Bezenberger. Fundberichte. «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 142, рис. 54—55; стр. 143, рис. 57; 1909, Bd. 22, стр. 167, 169, рис. 143, 145.

содержат вещи мужские и женские.³⁵⁵ В могильниках единично обнаруживаются зубы коня.³⁵⁶

оружие, столь характерное для всех прибалтийских погребений. Ввиду этого вещи мужских погребений можно выделить лишь

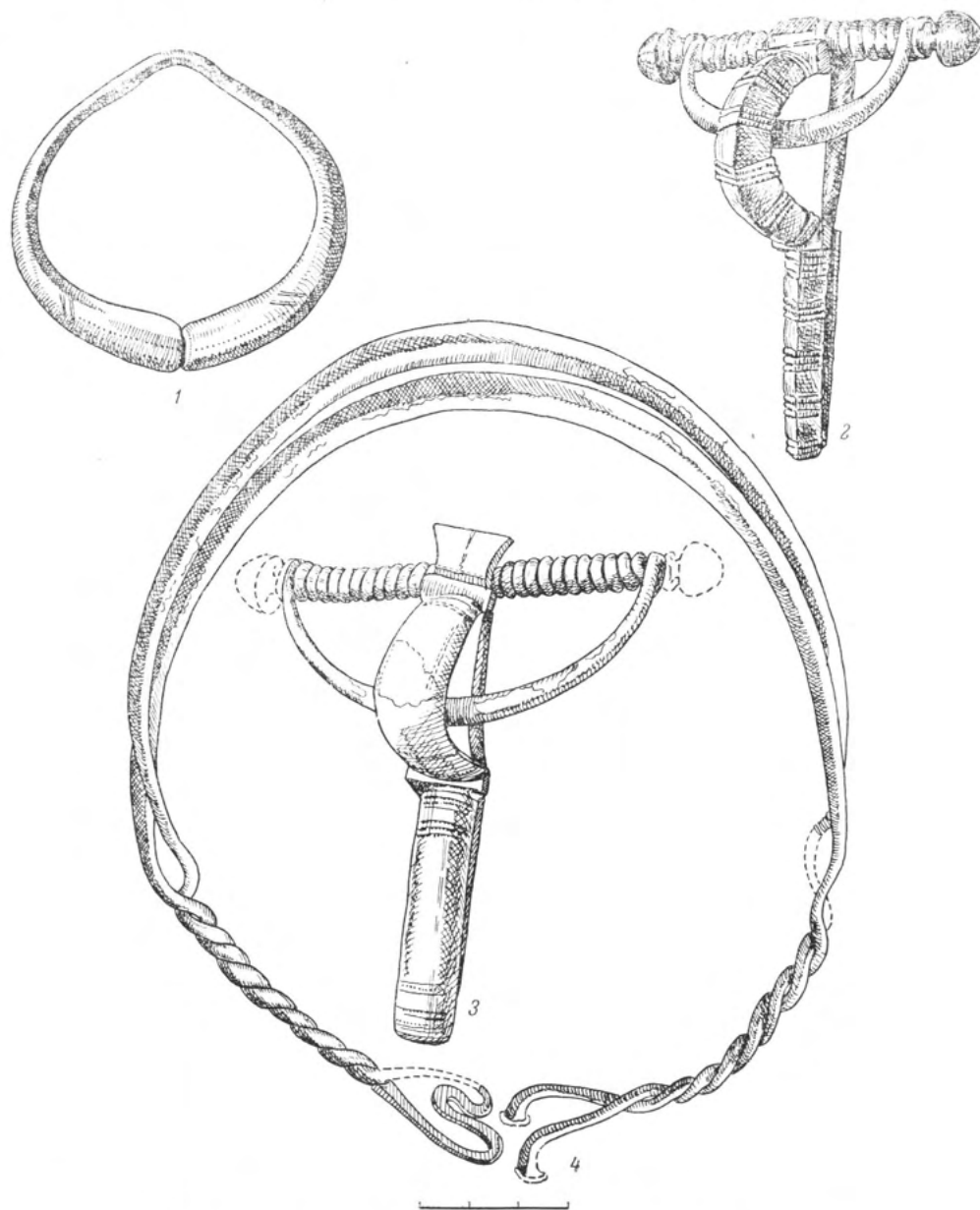

Рис. 59. Вещи из могильников Понеманья. Грейженай.
1 — браслет; 2, 3 — фибулы; 4 — гривна.

Погребения этого периода имеют весьма своеобразный инвентарь. В них отсутствует

³⁵⁵ J. Heydeck. Das Gräberfeld von Daumen. . . , стр. 44—47, 59.

³⁵⁶ Там же, стр. 46.

по находкам шпор, которые встречаются в погребении в 2—3 экземплярах.³⁵⁷ Орудия труда, как и в предшествующий период,

³⁵⁷ Там же, стр. 44, 52, 55, 56, 58—60, 62—66.

отсутствуют, за исключением небольших ножей.

Вместе с тем в западномазовецких могильниках VI—VIII вв. появляются совершенно новые формы керамики. Своеобразен и набор украшений, встречающийся главным образом в женских погребениях, хотя отдельные украшения (единичные фибулы, перстни, бусы) были находимы и в мужских погребениях. Украшения преимущественно нагрудные (фибулы, цепи, бусы) и реже наручные (браслеты, перстни).

Остановимся кратко на характеристике инвентаря этой группы могильников. Весьма интересна керамика, представленная лепными горшками или сосудами с цилиндрической шейкой и округлым туловом. Плохо выделанные и слабо обожженные сосуды, орнаментированные валиками или геометрическим узором имеют специально проделанные отверстия в стенках или днищах.³⁵⁸ Единичные урны снабжены крышками³⁵⁹ (рис. 60).

Подавляющая часть металлических изделий (за исключением ножей) бронзовые. Вместе с тем бросается в глаза значительное число серебряных вещей и минимальное количество изделий из железа.³⁶⁰

Наиболее массовыми находками в мужских погребениях являются шпory с широкой или узкой рифленой дужкой и коническим выступом. Вместе со шпорами находят также маленькне овальные пряжки к ним.³⁶¹

Распространенными предметами как в мужских, так и в женских погребениях являются части богатого поясного набора. Это овальные пряжки с крестовидным шпеньком и прямоугольной, овальной или фигурной пластинкой, многоугольные накладки и овальные ременные язычки. Они нередко прорезные или покрытые тисненой пластинкой, скреплены бронзовыми или серебряными гвоздиками³⁶² (рис. 61, I).

Среди украшений много фибул, в их числе: 1) арбалетные, аналогичные фибулам могильников Преголи и Понеманья; особенно интересны отдельные находки арбалетных фибул со звериным орнаментом;³⁶³ 2) разнообразные пальчатые и пластинчатые фибулы с геометрическим и звериным орнаментом³⁶⁴ (рис. 61, 4) и 3) дисковидные, с тисненой бронзовой или серебряной пластиной.³⁶⁵ К числу украшений, характерных для этой территории, относятся нагрудные цепи с подвесками в виде лунниц, язычков (рис. 61, 5), браслеты с утолщенными концами, пластинчатые, спиральные перстни, разноцветные пастовые бусы с выпуклыми «глазками», подвески и т. д.³⁶⁶ (рис. 61, 2, 3).

Таким образом, с одной стороны, в западномазовецких погребениях VI—VIII вв. сохраняется связь с могильниками предшествующей поры (общность основного обряда и формы инвентаря, размещение погребений на территории ранних могильников), с другой — появляется ряд новых черт. Исчезают каменные кладки и оружие, резко изменяются формы ритуальной керамики и распространяются ранее чуждые этой территории формы изделий — пальчатые фибулы и специфический поясной набор.

Возвращаясь к интересующим нас в первую очередь прегольским могильникам, следует подчеркнуть, что уменьшение числа памятников и оскудение инвентаря в VI—VIII вв. характерны лишь для этой группы памятников. Они теряют свое ведущее значение среди памятников юго-восточной Прибалтики. Среди находок в прегольских могильниках имеются отдельные изделия (пальчатые фибулы, шпory, поясной набор), характерные для массовых находок западномазовецкой группы. В то же время на соседних территориях (не считая плохо изу-

³⁶³ Там же, табл. II, 3; V, 1, 3, 20—22; VI, 1, 9, 12; VIII, 10; IX, 2, 16.

³⁶⁴ Там же, табл. II, 1—2, 4, 9—13; III, 1—8; IV, 1; VI, 5; VII, 1, 10. По наблюдению Э. Штурмса, арбалетные фибулы характерны для мужских погребений, в то время как пальчатые встречаются преимущественно в женских (E. Sturms. Zur ethnischen Deutung der «masurgermanischen» Kultur. Archaeologia Geographica, 1950, Bd. 1, стр. 24).

³⁶⁵ J. Heydeck. Das Gräberfeld von Daumen. . . , табл. VII, 12; VIII, 18; IX, 8, 10. — E. Hollack. Das Gräberfeld bei Kellaren. . . , стр. 180, рис. 69.

³⁶⁶ J. Heydeck. Das Gräberfeld von Daumen. . . , табл. IV, 2; VII, 9, 12; VIII, 5, 9; IX, 14. — E. Hollack. Das Gräberfeld bei Kellaren. . . , стр. 170, 172, табл. XXI, 1—34.

³⁵⁸ Там же, табл. X. — E. Hollack. Das Gräberfeld bei Kellaren. . . , стр. 176, 177, 183, рис. 65—67, 72.

³⁵⁹ E. Hollack, F. Peiser. Das Gräberfeld von Moythienen, стр. 17.

³⁶⁰ В Тумянах из 108 погребений находки из серебра или покрытые серебром найдены в 32 погребениях, в то время как железные обнаружены лишь в 14 погребениях (J. Heydeck. Das Gräberfeld von Daumen. . . , стр. 43—66).

³⁶¹ Там же, табл. V, 7, 9, 15; IX, 9, 17—20.

³⁶² Там же, табл. II, 5, 7; IV, 3—7; V, 2, 4, 6, 13, 14, 17; VI, 2—4, 6, —8, 10; VII, 7—8; VIII, 1—4, 6, 11—14.

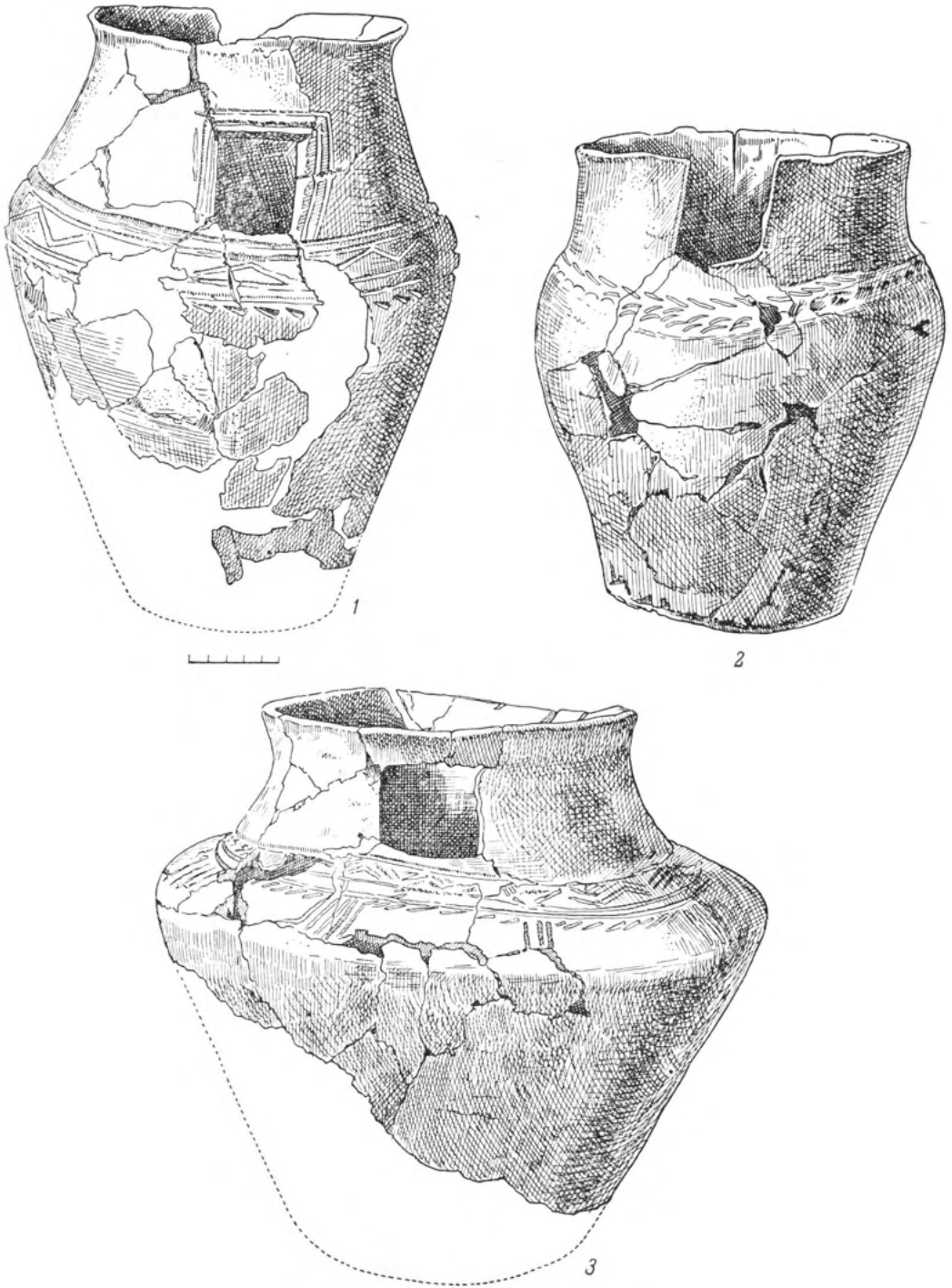

Рис. 60. Урны. Келары.

ченной восточной Мазовии) наблюдается рост синхронных грунтовых могильников, в большей или меньшей степени связанных с могильными памятниками предшествующего времени.

Этот единственный в своем роде курганный могильник с характерным скандинавским обрядом захоронения и инвентарем был объявлен типичным памятником своего времени.³⁶⁷ Между тем памятники этого периода,

Рис. 61. Вещи из могильника Тумяны.

1 — часть поясного набора; 2 — подвеска; 3 — бусы; 4 — фибула; 5 — цепь.

Могильные памятники конца I—начала II тысячелетия н. э. (IX—XI вв.)

Выделяя могильные памятники IX—XI вв., немецкие археологи особенно отмечают могильник близ Зеленоградска (бывш. Кранц).

как и в предшествующее время, представлены в основном грунтовыми могильниками.³⁶⁸

³⁶⁷ W. Gaerte. *Urgeschichte Ostpreussens*, стр. 321, 347—349.

³⁶⁸ Таков могильник Шульштейн, датируемый немецкими археологами 800—1000 гг. (O. Klee-

Значительная часть погребений IX—XI вв. возникает в тех же местах, где расположены грунтовые могильники предшествующего времени. Так, в Гребитен, Поваровке, Тренитен, Светлогорске поздние погребения лежат над ранними, в Ветрово и Фигоф они разрушили более древние могилы.

Снова прослеживаются кострища, в отдельных могильниках сохраняются каменные кладки.³⁶⁹

Наряду с этим в поздних погребениях появляются новые детали погребального обряда. К ним относятся: увеличение числа погребений с конем, постепенная замена каменных кладок единичными камнями, исчезновение из погребений целых сосудов и появление вместо них обломков.³⁷⁰

Существенно изменяется набор инвентаря. Среди находок первое место принадлежит оружию и предметам конского убора. Основным видом орудия по-прежнему остаются копья, но увеличивается и количество мечей. Специфическими находками этого времени являются стремена. Остальной инвентарь погребений представлен незначительным количеством вещей (орудия труда, украшения). Благодаря особенностям инвентаря в поздних могильниках четко выделяются мужские погребения. В женских погребениях инвентарь маловыразителен. Даже такие обычные для женских захоронений находки, как пряслица, здесь встречаются сравнительно редко. Таким образом, могильники IX—XI вв. представляют собой своеобразную группу памятников, в инвентаре которых обильно представлено оружие.

Давая краткую характеристику инвентаря могильников данного периода, необходимо заметить, что мы основываемся преимущественно на памятниках X—XI вв., материалы IX—X вв. выделяются главным образом по отдельным находкам.

В наиболее общих чертах различие между этими двумя периодами выражается в следующем. Для комплексов IX—X вв. характерны: лепная керамика, короткие мечи

без перекрестья, стремена с массивной дужкой, уплощенные типы арбалетных фибул для X—XI вв. типичны: гончарная керамика, длинные франкские мечи, стремена с тонкими дужками, арбалетные и подкововидные фибулы. Керамика, которая, как уже указывалось, выступает главным образом в обломках, представлена гончарными слабо профилированными сосудами с линейно-волнистым орнаментом, весьма сходными с керамикой городища Логвиново I.³⁷¹ В это же время продолжает существовать лепная керамика баночных форм, орнаментированная прямыми и ломаными линиями³⁷² (рис. 53, 118—122).

К числу наиболее массовых находок принадлежат ножи с утолщенной спинкой, серпы, небольшие точильные камни, овальные кресала, ножницы для стрижки овец, глиняные и сланцевые уплощенно-цилиндрические, округлые и биконические пряслица.³⁷³

Возможно, что часть гирек от весов, основные находки которых датируются XI—XIII вв., относится к X—XI вв.³⁷⁴

Наиболее характерным видом оружия поздних могильников являются копья, наконечники которых до 60 см длины, принадлежат к числу самых распространенных находок в мужских погребениях, встречаясь одновременно в двух и более экземплярах. Близкие по своим формам к наконечникам копий ранних могильников, они имеют круглую в сечении втулку, иногда украшенную геометрическим орнаментом, и длинное, листовидное перо. Встречаются также отдельные наконечники копий с коротким, четырехгранным в сечении пером.³⁷⁵

Бытовавшие в IX—X вв. короткие мечи, сохранившие без изменений форму мечей предшествующего времени, в X—XI вв. сменяются обоюдоострыми франкскими мечами с перекрестьем и полукруглой, трехчастной рукоятью, украшенной пластин-

m a n n. Die vorgeschichtlichen Funde bei Kranz und die Siedlung von Wiskiauten. «Prussia», 1939, Bd. 33, стр. 216).

³⁶⁹ E. Hollack. Die Grabformen . . . , стр. 179.

³⁷⁰ «Prussia», 1882, Bd. 8, стр. 130; 1893—1895, Bd. 19, стр. 257; 1909, Bd. 22, стр. 207. — Schriften, 1886, Bd. 27, стр. 24. — Altpreussische Monatschrift, 1880, Bd. 16, стр. 655.

³⁷¹ A. Bezzenberger. 1) Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 50, 52, 53; 2) Das Gräberfeld bei Bludau, стр. 228, 245.

³⁷² A. Bezzenberger. Das Gräberfeld bei Bludau, стр. 221.

³⁷³ A. Bezzenberger. Fundberichte. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. 1, стр. 163; 1887—1888, Bd. 14, стр. 255. — W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 336, 337.

³⁷⁴ «Prussia», 1898—1900, Bd. 21, стр. 270.

³⁷⁵ «Prussia», 1883—1884, Bd. 1С, стр. 95; 188, Bd. 15, табл. XIII.

ками из бронзы или благородных металлов³⁷⁶ (рис. 53, 123). Наряду с мечами встречаются бронзовые накладки от ножен с прорезным и чеканным геометрическим орнаментом (рис. 53, 124).³⁷⁷ Возможно, что в X—XI вв. в состав оружия входят обушные топоры, широко бытовавшие на этой территории в XI—XIII вв. Тесно связаны с оружием предметы, относящиеся к снаряжению всадника (стремена, шпоры) и коня (удила, бубенчики, пряжки и т. д.).

Появляясь на этой территории в IX в., стрелы становятся обычными находками мужских погребений, встречаясь в двух нередко различных по форме экземплярах. Ранние формы их массивные с широкой нижней пластиной. Вместе с ними встречаются стрелы облегченного типа с пластинчатой дужкой. Они нередко орнаментированы геометрическим узором (преимущественно треугольниками)³⁷⁸ (рис. 53, 129—134). Удила главным образом двухчастные. Они состоят из пары колец и соединены двумя пластинчатыми или витыми стержнями. На более поздних находках имеются бронзовые или костяные псалы с накладками из бронзы и серебра.³⁷⁹ Шпоры просты по устройству; они представляют собой узкую пластину с очень длинным выступом (рис. 53, 128).³⁸⁰ Следует упомянуть также колокольчики, бубенчики и пряжки, которые встречаются при захоронении коней³⁸¹ (рис. 53, 140—143).

Набор украшений в IX—XI вв. сравнительно разнообразен. Это пережиточно существующие арбалетные фибулы, сменившиеся в X—XI вв. подкововидными³⁸² (рис. 53, 138, 139).

В XI—XIII вв. количество вещей в погребениях значительно увеличивается. Из этих погребений происходит большая часть находок так называемого «позднеязыческого периода», здесь наряду с оружием появляются украшения и некоторые предметы, не встре-

чавшиеся ранее: весы, гирьки, серебряные слитки и замки.³⁸³

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что в IX—XI вв. в бассейне р. Преголи отмечаются новые черты в погребальных памятниках, отличительной особенностью становятся массовые захоронения с конями. Среди вещественных находок главную роль играет оружие. Погребения IX—XI вв. тесно связаны с последующими погребениями XI—XIII вв.

Наиболее выразительный материал для синхронных памятников смежных территорий дает Понеманье (рис. 62). Здесь в ряде случаев погребения конца I—начала II тысячелетия н. э. возникают на тех же местах, где известны захоронения предшествующего времени.³⁸⁴ На примере могильника Линкунен близ Советска хорошо прослеживается эволюция могильных памятников начиная с VI—VII вв. и кончая XII—XIII вв.

При раскопках памятника Линкунен в 1929 г. обнаружено три слоя захоронений. Нижний, содержащий погребения с труположением, находится на глубине 0.9—1.2 м, средний с трупосождениями лежит на глубине 0.6—0.9 м.³⁸⁵

Погребения с труположениями представляют собой типичные памятники VI—VIII вв., описанные выше.³⁸⁶

Средний слой характеризуется обрядом трупосождения. Пережженные кости хранятся в деревянных ящиках, стоящих иногда на досках. Вещественные находки сравнительно невелики, в мужских погребениях встречены 1—2 наконечника копий и меч, в женских — незначительное количество украшений.³⁸⁷

В верхнем слое также находятся трупосождения в деревянных ящиках, но с обильным инвентарем. Особенно часто встречается оружие.³⁸⁸

Среди вещественных находок среднего слоя оружие имеет почти те же формы, что и в погребениях VI—VIII вв. (короткие, широкие мечи, наконечники копий с узким и широким лезвием). Из украшений встре-

³⁷⁶ C. Engel. Zur Gliederung . . . , стр. 331.

³⁷⁷ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 341, рис. 274, e.

³⁷⁸ A. Bezenberger. Fundberichte. «Prussia», 1909, Bd. 22, стр. 58. — W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 345, рис. 278.

³⁷⁹ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 346, рис. 279.

³⁸⁰ «Prussia», 1890; табл. XIII, 6.

³⁸¹ Там же, табл. XIII, 14.

³⁸² A. Bezenberger. 1) Das Gräberfeld bei Bludau, стр. 244; 2) Analysen . . . , стр. 94—95.

³⁸³ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 335, рис. 260; стр. 338, рис. 272.

³⁸⁴ Schriften, 1888, Bd. 29, стр. 22.

³⁸⁵ C. Engel. Zur Gliederung . . . , стр. 315.

³⁸⁶ См. стр. 398 настоящей главы.

³⁸⁷ C. Engel. Zur Gliederung . . . , стр. 317—318.

³⁸⁸ Там же, стр. 318.

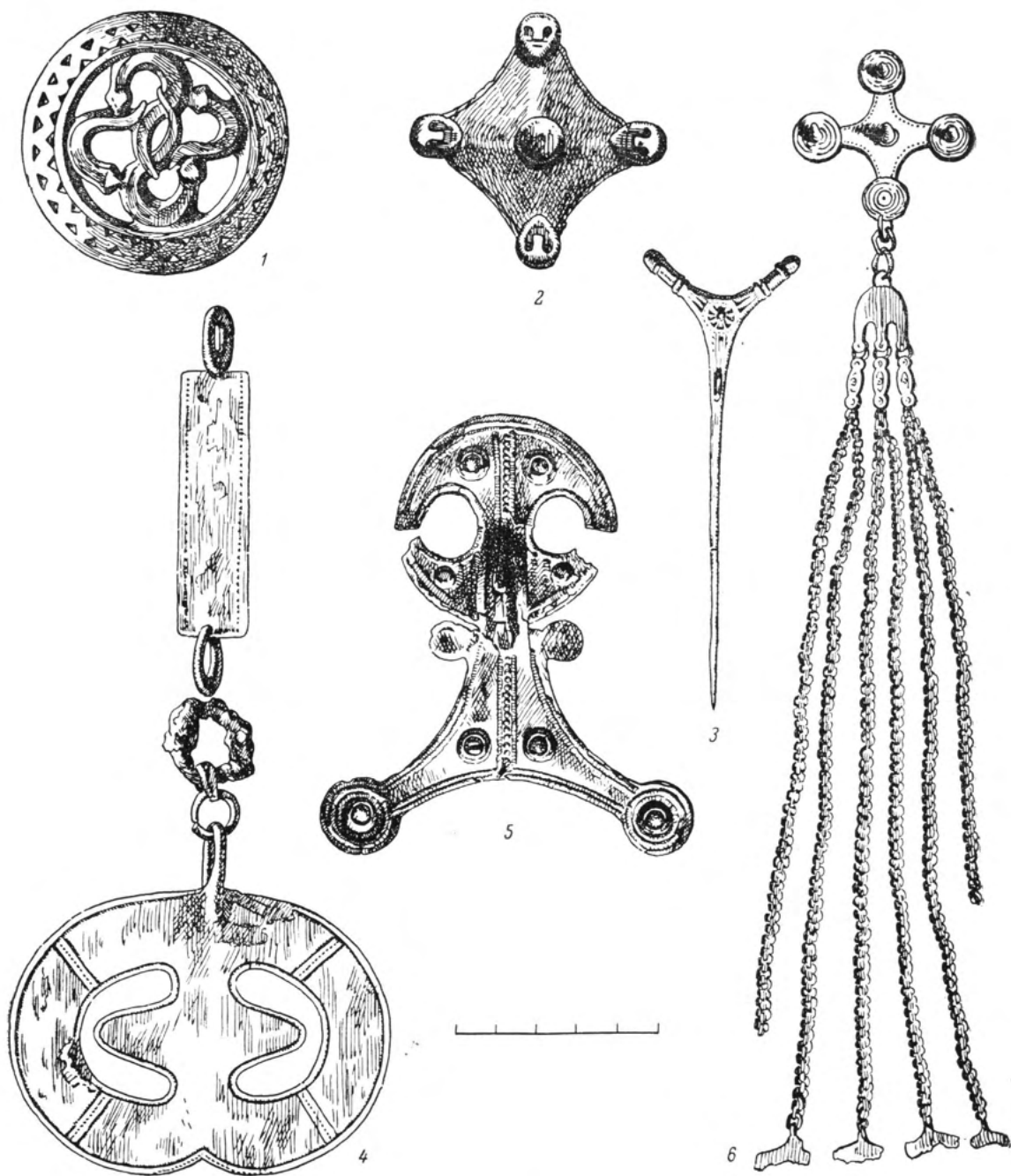

Рис. 62. Вещи из могильников Понеманья IX—XI вв.

1, 5 — фибулы; 2 — бляшка; 3 — булавка; 4 — подвеска; 6 — цепь (1, 4 — Вешейе; 2 — Аукштакиемис; 3, 5, 6 — Андулай).

чаются уплощенные типы арбалетных фибул, браслеты с утолщенными концами, появляются новые типы мечей (ранние франкские) и очень узкие наконечники копий. Находки среднего слоя датируются IX—X вв.

Верхний слой относится преимущественно к XI—XIII вв.³⁸⁹

Как можно заметить, на этой территории, где с первых веков нашей эры известно лишь труположение, в конце I тысячелетия появляется обряд трупосожжения. Подобно погребениям по р. Преголи, памятники конца I тысячелетия здесь менее насыщены инвентарем, чем погребения XI—XIII вв. Как и в предшествующие периоды, могильники Понеманья весьма близки к погребальным памятникам Литвы.³⁹⁰

Погребальные памятники восточной и западной Мазовии известны в сравнительно небольшом количестве. Среди находок, по-видимому, довольно часто встречается оружие и предметы конского убора.

Таким образом, если для прегольской группы конец I—начало II тысячелетия отмечается новым ростом числа могильных памятников, а для Понеманья дальнейшим развитием памятников VI—VIII вв., то для восточной и западной Мазовии характерно резкое уменьшение численности памятников.

Этими данными мы и ограничиваемся при характеристике основных погребальных памятников бассейна р. Преголи и соседних территорий.

Как уже подчеркивалось, это лишь самая беглая характеристика погребальных памятников. Однако даже на основании приведенных суммарных материалов устанавливается длительное многовековое существование здесь могильников.

Многочисленные грунтовые могильники по р. Преголи, возникшие в первые века нашей эры как дальнейшее развитие курганов этой территории, в течение всей первой половины I тысячелетия н. э. являются ведущей группой памятников юго-восточной Прибалтики. В VI—VIII вв. отмечается значительное уменьшение памятников и вещественных находок в них. Вместе с тем на-

блюдается зависимость форм инвентаря прегольских могильников от форм, бытовавших в синхронных памятниках западной Мазовии. Новый рост численности могильных памятников характерен для конца I тысячелетия, когда существенной чертой погребального обряда становится захоронение копей, а типичными вещественными находками — оружие.

Рост погребальных памятников продолжается и в XI—XIII вв. Погребения этого времени сохраняют основные черты погребений IX—XI вв., но снабжены более обильным инвентарем, причем наряду с оружием встречается много украшений и бытовых предметов.

Не вызывает сомнения, что на этой территории местом погребения служили могильники непрерывно в течение всего I тысячелетия н. э. Об этом свидетельствуют длительно существовавшие могильники, служившие местами захоронений в течение ряда столетий, бытование обряда трупосожжения (за исключением частичного проникновения труположения в первые века нашей эры.), набор и формы вещественных находок.

Как можно убедиться, аналогичная эволюция погребальных памятников наблюдается и в Понеманье. Отличие состоит только в том, что здесь в VI—VIII вв. не отмечается уменьшения численности памятников.

Несколько иная картина наблюдается на мазовецких землях. Тесно связанные до половины I тысячелетия н. э. с прегольскими западномазовецкие могильники в VI—VIII вв. представляют собой особую группу, погребальный обряд и вещественные находки которой содержат ряд новых, чуждых этой территории черт. В восточной Мазовии, где для первой половины I тысячелетия отмечается значительное число памятников, начиная с VI в. количество памятников значительно уменьшается. Неясен облик мазовецких могильников конца I—начала II тысячелетия. По-видимому, здесь существуют немногочисленные могильники, сходные с прегольскими.

При всем своеобразии могильных памятников юго-восточной Прибалтики здесь довольно четко выделяется западная группа, куда входят могильники бассейна р. Преголи и мазовецкие могильники, и восточная — с памятниками Понеманья.

³⁸⁹ Там же, стр. 320—325.

³⁹⁰ Р. К. Ку л и к а у с к е н е. Материальная культура населения Литвы IX—XII вв. по данным исследований погребальных памятников. Вильнюс, 1950, стр. 5—7.

Г л а в а IV

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ

Поселения и многочисленные могильники дают представление об основных археологических памятниках этой территории. Как можно было убедиться, здесь прослеживается их длительное существование и преемственность с более ранними памятниками. Иначе говоря, каждая из описанных категорий памятников принадлежит одной культуре, а о могильниках можно сказать определенное — одному и тому же населению.

Естественно поставить вопрос, относятся ли и поселения и могильники к одной культуре. Нам представляется, что в данном случае ответ должен быть утвердительным. Принадлежность обеих категорий памятников одной культуре прежде всего подтверждается их территориальной близостью — трудно указать поселение, около которого не было бы могильника. Она прослеживается также в широком употреблении камня и каменных кладок, в общности ряда вещественных находок, в первую очередь керамики. О единой культуре поселений и могильников свидетельствует и их длительное использование, о чем уже неоднократно упоминалось. Все это дает основание утверждать, что поселения и могильники Калининградского полуострова, а по-видимому, и всего бассейна р. Преголи и рассмотренных выше смежных территорий, принадлежат одной культуре, материалы же могильников позволяют отнести их к одному и тому же населению.

Обзор погребальных памятников юго-восточной Прибалтики I тысячелетия н. э. рисует четыре археологические области, каждая из которых связана с памятниками последних веков до нашей эры, причем для трех областей: бассейна р. Преголи, устья р. Немана и восточной Мазовии — предшествующей формой погребальных памятников являются курганы, в то время как в западной Мазовии бытуют и курганы и грунтовые могильники. В сходстве и различии отдельных групп вышеописанных памятников можно усматривать племенные различия этнически однородного населения.

Вопрос определения этнического состава населения по археологическим данным принадлежит к наиболее трудным и разрешается

обычно с привлечением данных смежных дисциплин, и в первую очередь письменных источников. Мы полагаем, что для выяснения этнического облика населения наши памятники в I тысячелетии н. э. имеют некоторые преимущества. То обстоятельство, что здесь сохранились массовые могильники, начиная с первых веков нашей эры вплоть до конца I тысячелетия и начала II тысячелетия, свидетельствует об этнической устойчивости населения. Длительно служившие могильники позволяют сопоставить их с синхронными письменными свидетельствами конца I тысячелетия н. э., в которых впервые четко обозначен ряд племен этой территории, и ретроспективно отнести эти данные к памятникам первых веков нашей эры, сопоставив их с известиями авторов античного мира.

Итак, что же представляло собой в I тысячелетии н. э. население юго-восточной Прибалтики в целом и современной Калининградской области в частности?

Для решения этого вопроса исследователи обращались обычно к известной главе 45 «Германии» Тацита, в которой описываются племена эстиев на правом берегу Свевского моря, а также к сведениям Птолемея о венедах и их соседях. Мы полагаем, однако, что к этим сведениям следует обратиться несколько позднее, ибо между самими древними авторами, писавшими о населении юго-восточной Прибалтики, имеются определенные расхождения. Начать же следует с более близких нам по времени источников. В последних встречаются наименования некоторых племен юго-восточной Прибалтики, которые можно связать с определенной археологической территорией. Так, в трактате писателя крестоносцев Петра Дусбургского «Хроника Прусской земли» (1326 г.) жители современной Калининградской области называются пруссами, а Калининградского полуострова — сембам.³⁹¹ Эти два этнических наименования встречаются и в более раннее время. В 1075 г. Адам Бременский упоминает племена прус-

³⁹¹ Petri de D u s b u r g. Chronicon terrae Prussiae. Scriptores Rerum Prussicarum, t. I, стр. 50—52.

сов и среди них сембов — жителей Самбийского полуострова,³⁹² Саксон Грамматик пишет о набегах датских королей Гаральда Синезубого (935—985) и Канута (1047—1086) на Самбийский полуостров.³⁹³

Интересные сведения о пруссах сообщает испанский еврей Ибрагим ибн Якуб, посетивший в 965 г. земли западных славян. Он пишет: «Жилища брусом — у окружающего моря и они имеют особый язык, не знают языков соседних им народов, и славытся они храбростью: когда приходит к ним войско, то никто из них не ждет, чтобы к нему присоединился его товарищ, а выступает не заботясь ни о ком и рубит своим мечом, пока не умрет».³⁹⁴

Сембов упоминают также северные хроники, которые сообщают, что в конце VIII в. датский король завоевал их страну.³⁹⁵

Сведения о пруссах известны русской летописи: «Ляхове же прусы чюдь приседят к морю варяжскому».³⁹⁶ — указывает летописец, описывая древнейшее расселение племен.

Таким образом, в приморских землях, согласно данным письменных источников, в VIII—IX вв. и позднее живут племена пруссов, в состав которых входят сембы — на территории современного Калининградского полуострова.

Следовательно, археологические памятники конца I и начала II тысячелетия н. э. находят свое этническое определение. Вместе с тем оно может быть распространено и на более древние периоды, вплоть до первых веков нашей эры — времени возникновения грунтовых могильников и синхронных им поселений.

Население, жившее к востоку от пруссов в IX в., известно под наименованием «хори» или «корси». В 875 г. Римберт (Ремберт), один из первых шведских архиепископов, пишет в «Хронике св. Ангария», о событиях 854 г.: «Далеко от них (шведов) живущий народ, называемый Хори (Chori), был ранее подчинен шведам. Но это было давно, так как они восстали и сбросили ярмо».³⁹⁷

Римберт сообщает далее, что шведский король Олаф в 855 г. отправляется в страну хоров (Chorelant). Автор упоминает также укрепления Куршей — Зебург и Апулию.³⁹⁸ К этому же времени относятся упоминания племени корсь автором «Повести временных лет». Летописец называл корсь среди тех племен, которые живут в «странах полуночных».³⁹⁹

Летописцами крестоносцев также отмечены балтийские племена куршей, занимавшие приморские земли современной Литвы и южной Латвии.⁴⁰⁰ Сказанное позволяет заключить, что хори Римберта и корсь русской летописи — это племена куршей, что в свою очередь дает возможность определить границы распространения поселения, оставившего памятники Понеманья — составной части этой территории.

Итак, на основании относительно поздних, но более или менее точных письменных данных можно выделить этнические группы пруссов (в состав которых входят сембы) и куршей, живших на восточном побережье Балтийского моря и в Понеманье.

Опираясь на эти данные, почерпнутые либо из личного знакомства авторов с Прибалтикой, либо на основании сведений о ней, можно теперь обратиться к известиям античных писателей. Интерес к землям, лежащим на побережье Балтийского моря, в связи с янтарем, которым пользовались страны классической древности, проявляет ряд древних авторов. «Установлено, что (янтарь) происходит с островов Северного моря и у германцев носит название «glaesum», — писал Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.), — ввиду этого и наши соотечественники, участвовавшие в военных операциях флота Цезаря Германика, назвали один из этих островов «glaesaria».⁴⁰¹

Сохранились еще более древние сведения грека Питеаса из Массалии, который в IV в. до н. э. достиг Янтарного берега

³⁹² Там же, стр. 239.

³⁹³ Там же, стр. 735—736.

³⁹⁴ Ф. Вестберг. Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах. СПб., 1903, стр. 146.

³⁹⁵ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 321.

³⁹⁶ ПСРЛ, т. I, 1843, стр. 3.

³⁹⁷ Цит. по: В. Негман. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbalticum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, стр. 15.

³⁹⁸ В. Негман. Verbindungen. . ., стр. 15.— В прибалтийской литературе имеет широкое хождение предположение, что Апулия соответствует городищу Апуоле в Литве. Об этом городище см. главу II настоящей работы (стр. 356).

³⁹⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 3.

⁴⁰⁰ М. Еберт. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. I, стр. 340.

⁴⁰¹ Древние германцы. Сборник. Под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937, стр. 54.

(Ютландии), где встретил жителей, называемых гуттами.⁴⁰²

Наиболее отчетливые сведения о юго-восточной Прибалтике сохранились в труде крупнейшего римского историка Корнелия Тацита (55—117) «Германия», в котором о жителях этой территории говорится следующее:

«Итак, правым берегом Свевского моря омывается земля племен эстиев, у которых обочан и внешний вид как у свегов, а язык похож на британский. Они поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображения кабанов. Это у них заменяющая оружие защита от всего, гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, часто же дубинами. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением, чем это соответствует обычной лености германцев. Они также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют «glaesum». Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются и не имеют об этом точных сведений. Он даже долго валялся у них (без употребления) среди других отбросов моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы. Сами же они его совсем не употребляют. Собирается он в грубом виде, приносится (на рынок) без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением».⁴⁰³

Нельзя не отметить, что Тацит стремится с максимальной полнотой осветить жизнь эстиев — этих отдаленных от него племен. Данные Тацита ценны для нас тем, что он первым сообщил наименование обитателей юго-восточной Прибалтики. Термин «эстии», употреблявшийся Тацитом, прочно укореняется в более поздних письменных памятниках.

Эстиями называют жителей Прибалтики и Кассиодор (VI в.), сообщающий о том, что они явились с дарами янтаря к остготскому королю Теодориху. Иордан, воспользовавшийся в 551 г. трудом Кассиодора, также именует их эстиями и помещает к востоку от устья Вислы.⁴⁰⁴ Этот термин фигурирует

в англо-саксонском переводе труда Орозия (VI в.).

В несколько измененной транскрипции переводчик Орозия называет жителей юго-восточного побережья Прибалтики — эстии.⁴⁰⁵ Живущих рядом со славянами эстиев упоминает и биограф Карла Великого — Эйнгарт.⁴⁰⁶

Последним автором, писавшим об эстиях, был скандинавский путешественник Вульфстан, посетивший в 890 г. земли, лежащие на берегу Вислинского залива. Вульфстан сообщает: «Страна эстиев очень велика, в ней много городов и в каждом городе есть король».⁴⁰⁷

Термин «эстии» имеет, таким образом, прочную многовековую традицию и фигурирует в литературе с I по IX в., хотя в IX в. выступает уже наименование пруссов и курш.

Любопытно, что географ Клавдий Птолемей (первая половина II в. н. э.), бывший почти современником Тацита и описывавший северные земли, не знает эстиев. Он упоминает венедов на Венедском заливе, которых знает и Тацит, пишет о галиндах и судинах, которые связываются рядом исследователей с позднейшей голядью и судавами-явтягами.

Пытаясь объяснить несоответствие данных Тацита и Птолемея об обитателях Балтийского побережья, П. И. Кушнер, на наш взгляд, уместно приводит суждение П. Шафарика по этому вопросу. П. Шафарик полагает, что термин «эстии» относится к племенам балтийской семьи народов, но его следует трактовать не как этноним, а как географическое название, которым германцы обозначали своих восточных соседей.⁴⁰⁸

«Народы литовские обитали с незапамятного времени, — пишет П. Шафарик, — в нынешней своей земле, соседя с виндами и славянами и скрываясь то под именем ближайшего по происхождению к ним народа виндского, то под немецким географическим названием «эстиев, т. е. людей, живущих на востоке».⁴⁰⁹

(Иордан. О происхождении и деяниях готв. Перевод Е. Ч. Скржинской, § 36. (Рукопись)).

⁴⁰⁵ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. I, стр. 732.

⁴⁰⁶ Цит. по: M. E b e r t. *Reallexicon der Vorgeschichte*, Bd. I, стр. 336.

⁴⁰⁷ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. I, стр. 732.

⁴⁰⁸ П. И. К у ш н е р. Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики, стр. 149.

⁴⁰⁹ Древние германцы, стр. 55.

⁴⁰² История СССР, ч. III. М.—Л., 1939, стр. 10. (На правах рукописи).

⁴⁰³ Древние германцы, стр. 80—81.

⁴⁰⁴ «За ними (видвариями, — Ф. Г.) берег Океана держат эсты — вполне мирный народ»

Предположения П. Шафарика весьма убедительны. Тацит, как и другие античные авторы, пользовался различными данными. «Германия» написана на основании имевшихся в то время произведений других авторов, донесений римских полководцев в сенат, рассказов купцов, бывавших в стране германцев, а также германских рабов-военнопленных.⁴¹⁰

Жители юго-восточной Прибалтики в I в. н. э. у Тацита называются эстиями, т. е. так, как их называли германцы, которым этот историк посвятил свое сочинение.⁴¹¹ В дальнейшем этот термин живет в течение почти всего I тысячелетия н. э. До Птолемея наименование «эстии» не доходит. Не располагая общим названием для балтийских племен, он оставляет название двух более мелких внутриплеменных объединений — галиндов и судинов.

Сравнивая эти наименования с соответственными обозначениями отдельных групп прусских племен крестоносцами, наиболее вероятно приписывать галиндам археологические памятники западной Мазовии, а судинам — памятники восточной Мазовии. Вместе с тем в памятниках галиндов прослеживается влияние венедов, выражающееся в частичном бытовании здесь грунтовых могильников уже в последние века до нашей эры.⁴¹²

Какую же группу балтийских племен можно видеть в тацитовских эстиях? Судя по тому, что специфическим занятием населения является добыча янтаря, это — обитатели Янтарного берега, т. е. пруссы. Однако сведения Тацита в полной мере можно распространить и на всю группу балтийских племен, в том числе и удаленных от Янтарного берега, поскольку Тацит выделяет племена, объединенные общим языком. Специфическими чертами являются также описываемые автором обычаи, внешний вид и верования, которые характеризуют ту или иную этническую группу среди других этнических объединений.

⁴¹⁰ В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, стр. 231.

⁴¹¹ Любопытно, что термин «*glaesum*», которым, как пишет Тацит, эстии называли янтарь, Плиний считал германским (Древние германцы, стр. 54). Это говорит о том, как нечетко Тацит мог отделить в своем труде сведения, относящиеся к германцам и к другим северным народам.

⁴¹² См. главу III настоящей работы (стр. 315).

Все это дает основание подразумевать под эстиями все балтийские племена с их общим языком, идеологическими и религиозными представлениями. Вместе с тем надо отчетливо понимать, что этим термином балтийские племена себя не называли, да и очень возможно, что такого общего наименования не существовало.

Для эстиев в целом в последние века до нашей эры типичны коллективные захоронения в курганах. Грунтовые могильники этого периода известны лишь в западной Мазовии; их правомерно рассматривать как своеобразное влияние пребывания венедов. Небольшая группа грунтовых могильников, относящихся предположительно к последним векам до нашей эры, известна также к югу от Двины.⁴¹³ Но значение грунтовых могильников в погребальном обряде невелико.

В начале нашей эры почти во всей юго-восточной Прибалтике курганы сменяются грунтовыми могильниками, коллективные погребения — индивидуальными. Выделяется западная группа балтийских племен, погребавшая своих умерших по обряду трупосожжения, и восточная, придерживавшаяся обряда трупоположения.

В итоге можно отметить на этой территории пруссов с культурой отдельных племенных объединений сембов, галиндов и судинов. Остается неясным, какое из западно-балтийских племен носило наименование собственно пруссов. Нам представляется, что этот термин идентичен наименованию сембов и относится к обитателям современного Калининградского полуострова.

Из группы племен восточных эстиев в юго-восточной Прибалтике жили курши. Основная же масса памятников восточных эстиев сосредоточена на территории Латвии и Литвы и представлена как грунтовыми могильниками, так и курганами с трупоположениями и трупосожжениями. В состав восточной части балтийских племен помимо куршей входят жемайты, аукштайты, земгалы, латгалы и более мелкие племенные объединения.⁴¹⁴ Связанные своими корнями с населением последних веков до нашей

⁴¹³ Л. В. В а н к и н а. Археологические памятники I тыс. до н. э. на территории Латвийской ССР, стр. 71.

⁴¹⁴ Х. А. М о о р а. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 3—22.

эры пруссы и курши занимают территорию юго-восточной Прибалтики в течение всего I и начала II тысячелетия н. э. Можно сказать, что на этой территории отмечается редкий для Европы пример неизменности этнического состава населения.

В течение рассматриваемого периода плотность заселения отдельных областей юго-восточной Прибалтики не была равномерной. Территория пруссов, особенно Янтарный берег, очень плотно была заселена в первой половине I тысячелетия н. э. Население ее заметно увеличивается в сравнении с последними веками до нашей эры.

В области куршей заметной смены населения не отмечается. Интенсивное заселение этой территории, которое, судя по данным могильных памятников, начинается в III—IV вв. н. э., продолжается в течение всего I и начала II тысячелетия н. э.

Проблема этнического состава населения юго-восточной Прибалтики в I и начале II тысячелетия н. э. принадлежала к числу острых проблем немецкой буржуазной археологии.

В начале настоящей работы отмечалось, что еще задолго до первой мировой войны освещение вопросов заселения этой территории неизменно отражало рост пангерманских идей, получивших наиболее отчетливое выражение в трудах Г. Коссинны и его школы.

Вместе с тем А. Беценбергер, один из лучших представителей старой немецкой археологии, поддерживал точку зрения автохтонного происхождения населения Восточной Пруссии. Он писал: «Связь культурных периодов могильников Восточной Пруссии с памятниками эпохи бронзы нашей провинции убедительно показывает непрерывное историческое развитие, духовную и политическую стабильную независимость населения в течение тысячелетия с 500 г. до н. э. до 500 г. н. э.»⁴¹⁵

Но разделяя взгляды О. Тыслера на «мрак», воцарившийся на этой территории начиная с VI в., А. Беценбергер не распространял эту точку зрения на более поздние периоды, хотя материалы могильников со всей очевидностью подтверждают неизменность населения и во второй половине I и начале II тысячелетия н. э.

Разумеется, что в то же время стабиль-

ность этнического состава населения не исключает проникновения чужеродных племен на эту территорию. Так, до сих пор неясна этническая принадлежность погребений с труположением, обнаруженных в области пруссов и относившихся ко II—III вв. н. э.⁴¹⁶ Значительная часть немецких археологов считала их готскими.

Ближайшей территорией, на которой появляется обряд труположения, является устье р. Вислы. И. Костржевский пишет, что смешанный обряд погребения охватывает территорию Поморья (оксывская культура), а во II в. н. э. проникает и в область пшеворской культуры. Он полагает, что часть труположений связана с появлением здесь готов.⁴¹⁷ Несмотря на близость территории устья Вислы к землям пруссов и общий в то время обряд труположения, погребения Калининградской области в некотором отношении отличаются от вислинских. Для могильных памятников Калининградской области характерно обилие оружия, в то время как в вислинских могильниках оружие почти отсутствует. На Висле труположения известны в I—II вв. н. э., а в области пруссов оно относится главным образом ко II—III вв., т. е. к тому периоду, когда выселение готов из Скандинавии, судя по письменным памятникам, давно завершилось.⁴¹⁸ Население, появившееся среди пруссов, воспринимает их культуру, хотя и привносит элементы своей материальной культуры: лощеную керамику, орнаментированную меандром, типичную для пшеворской культуры,⁴¹⁹ части поясного набора (профилированные ременные язычки) и головные украшения, характерные как для Скандинавии, так и для центральной Европы.⁴²⁰ Если в погребениях с труположениями усматривать готов, то это были готы, побывавшие на территории венедов, смешавшиеся с ними и затем вскоре растворившиеся в среде пруссов.

⁴¹⁶ См. главу III настоящей работы (стр. 380, 386—388).

⁴¹⁷ J. K o s t r z e w s k i. Pradzieje Polski, стр. 200—201.

⁴¹⁸ И о р д а н. О происхождении и деяниях готов, § 23.

⁴¹⁹ J. K o s t r z e w s k i. Pradzieje Polski, стр. 200.

⁴²⁰ N. Å b e r g. Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa. Kopenhagen [1936], табл. XXVIII, 39, 40. — O. A l m g r e n. Die ältere Eisenzeit Gotlands. Stockholm, 1914, стр. 19, 20, табл. IX, 137, 138.

⁴¹⁵ A. B e z e n b e r g e r. Das Gräberfeld bei Rominten, стр. 56.

В буржуазной археологии существуют теории, приписывающие германским племенам также и памятники VI—VIII вв. на территории галиндов. Специфические вещевые находки этой территории, в первую очередь пальчатые фибулы и поясной набор, рассматриваются рядом немецких и шведских археологов в качестве вещей, принадлежащих готам, возвратившимся из Причерноморья. Н. Оберг пишет, что здесь соединяются два германских потока — один южнорусский, который можно связать с готами, другой из центральной и южной Германии, где готов не было. Названный автор определяет эту культуру как «мазурско-германскую» и приписывает ее тем германским пришельцам, которые, исходив Европу, появились в южных землях юго-восточной Прибалтики. Термин «мазурско-германская культура» получил широкое распространение в тенденциозных трудах буржуазных германских археологов 20-х, а особенно 30-х годов нашего века.⁴²¹ В. Герте выдвигал компромиссную точку зрения о том, что культура западно-мазовецких могильников принадлежит галиндам, покинувшим в свое время прибалтийскую территорию и жившим на юге, в Придунавье, где они приобщились к германской культуре, а затем возвратились обратно.⁴²²

Теория о германской принадлежности, или германской окраске, мазовецких памятников строится на материале двух знаменитых могильников Тумяны и Келары, которые упоминались также и нами. Сторонники этой теории подчеркивают лишь новые черты в этих памятниках, не отмечая, что указанным могильникам, как и другим памятникам этой территории, свойственны многие черты, общие с балтийскими памятниками: обряд трупосожжения, преобладание ряда форм вещественных находок с формами предметов более ранних могильников и использование мест захоронений предшествующего времени. Убедительной критике «мазурско-германская» принадлежность западномазовецких могильников подвергнута в небольшой статье Э. Штурмса. Автор устанавливает, что пальчатые фибулы в Ту-

мянах и Келарах принадлежат женским погребениям, в то время как в мужских захоронениях встречаются местные формы уплощенных перекладчатых арбалетных фибул.⁴²³ Иначе говоря, пальчатые фибулы, служившие для немецкой буржуазной науки основным доказательством германской окраски этой культуры, являются лишь особенностью женского костюма племенной группы галиндов. Мужчины же здесь пользовались старыми местными формами украшений.⁴²⁴

Заслуживает внимания ритуальная керамика этих могильников со специально пробитыми отверстиями. Подобные сосуды известны в северо-западной Германии, Франции, Польше, скандинавских странах и Англии.⁴²⁵ Не исключено, что в результате переселения народов на территории галиндов могло появиться население, пользовавшееся урнами с отверстиями. Это население, однако, смешивается с галиндами.

В заключение остановимся кратко на роли норманнов в юго-восточной Прибалтике, которая крайне преувеличивалась буржуазными археологами. Археологические материалы дают исчерпывающие данные о том, что появление норманнов не изменяет этнического состава населения. На территории пруссов имеется лишь один норманский курганный могильник близ Зеленоградска,⁴²⁶ резко отличающийся от местных массовых грунтовых могильников.⁴²⁷ Что касается отдельных северных изделий (скорлупообразные фибулы, оружие, украшения, орнаментированные плетенкой), найденных на данной территории, то это завозные изделия, которых немало поступало в юго-восточную Прибалтику из разных стран.

Итак, в отношении состава населения юго-восточной Прибалтики, и в первую

⁴²³ E. S t u r m s. Zur ethnischen Deutung. . . , стр. 21.

⁴²⁴ В связи с этой работой И. Костржевский опубликовал заметку под названием «Конец легенды о мазурско-германской культуре» (Z otchłani wieków, 1951, t. XXI, стр. 105—106).

⁴²⁵ F. R o e d e r. Die sächsischen Fenstergefäße der Völkerwanderungszeit. Berichte der Römisch—Germanischen Kommission, 1928, Bd. XVIII, стр. 150.

⁴²⁶ См. главу III настоящей работы (стр. 402).

⁴²⁷ В землях куршей единично встречен скандинавский могильник VII—VIII вв. в Гробиня в Латвии [B. N e r m a n. 1) Funde und Ausgrabung in Grobinā, 1929. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum, Rigae, 1931, стр. 195—206]; 2) Grobin—Seeburg. Stockholm, 1958].

⁴²¹ Взгляды немецких и шведских буржуазных археологов приведены в рецензии Е. Антоневича на работу Э. Штурмса (Sprawozdania Państwowe Muzeum Archeologiczne, 1951, t. IV, стр. 215—216).

⁴²² W. G a e r t e. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 310—311.

очередь Калининградской области, можно сделать следующие выводы. На рубеже нашей эры в массиве балтийских племен эстиев, возводивших курганы с коллективными захоронениями, выделяется западная ветвь, известная под собирательным наименованием пруссов и включающая три племенные группы — сембов, галиндов и судинов; она характеризуется грунтовыми могильниками с обрядом трупосожжения.⁴²⁸ Наиболее южная группа этих племен — галинды — частично смешивается с венедами. В течение всего I тысячелетия н. э. и вплоть до XIII в. пруссы неизменно занимают территорию Калининградской области, частично покидая в VI—VIII вв. ее северо-западную, приморскую землю и заселяя ее снова в IX—XI вв.

Неясны судьбы галиндов и судинов в конце I и начале II тысячелетия н. э. Могильники этого времени не изучены. Вместе с тем большое число зарегистрированных здесь городищ, в том числе городищ с оборонительными сооружениями, типичными для конца I тысячелетия н. э.,⁴²⁹ свидетельствует о том, что эта территория не пустовала. Восточными соседями пруссов являлись курши, входившие в состав восточнобалтийской группы племен и непрерывно обитавшие в Понеманье и на восточном побережье Балтийского моря в течение всего I и начала II тысячелетия н. э.

Население юго-восточной Прибалтики остается постоянным, несмотря на движение этнических групп, происходившее на соседних западных и южных территориях. Появившиеся среди пруссов во II—III вв. небольшие группы чужеродных племен (готы?) быстро ассимилируются местным населением. Известный след в погребальном обряде в виде урн с отверстиями оставляют племена, появившиеся среди галиндов в VI—VIII вв. Норманны же, чьи единичные

памятники существуют изолированно от массовых памятников этой территории, никакого влияния на этнический состав населения не оказывают.

Археологический материал дает немало данных для определения экономического облика населения, и в первую очередь интересующих нас пруссов. Он рисует значительное по численности оседлое население, живущее в укрепленных и открытых поселениях с наземными облегченного типа жилищами с открытыми очагами. В первые века нашей эры пруссы, по-видимому, начинают переходить от подсечного земледелия к пашенному. Увеличение числа орудий сельского хозяйства в погребениях (серпы, косы,⁴³⁰ зернотерки), запас высококачественной пшеницы и метельчатого проса в Грачевке существенно дополняют известия Тацита об эстиях, земледелие которых было более развито, чем у германских племен. Быть может, прогресс в обработке земли, дающий возможность возделывать землю трудом отдельного человека, отражается в повсеместном переходе от коллективных захоронений к индивидуальным.

Менее выразителен материал, характеризующий промыслы пруссов. В поселениях не сохранилось костей животных, хотя керамика, служащая для изготовления сыра, является косвенным показателем развития животноводства. В нашем распоряжении имеются и данные о том, что пруссы начиная с III в. н. э. разводили боевых коней, но использовалась ли лошадь в хозяйстве, сказать пока трудно.

Для выявления ряда других промыслов интересны пятипалая острога из Тенкнетен, предназначенная для ловли крупной рыбы, свидетельство Тацита о том, что эстии носят изображения кабанов, а также находки ножей с кривым лезвием, которые можно рассматривать как своеобразное охотничье оружие.

Археологические памятники рисуют пруссов как население с развитым домашним производством. Об этом свидетельствует,

⁴²⁸ Не исключено, что это расселение могло произойти и в более раннее время, так как между курганами последних веков до нашей эры Калининградской области и пока еще недостаточно изученными синхронными курганами Литвы и Латвии отмечается некоторое различие.

⁴²⁹ J. Antoniowicz. *Z zagadnień...*, стр. 51—77. — Вероятно, что в конце I тысячелетия н. э. часть галиндов и судинов покидает свои земли и устремляется на восток, где в XI в. под именем голяди и ятвягов их знает русская летопись (см.: Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических и летописных памятниках ятвягов. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 110—118).

⁴³⁰ X. А. Мора рассматривает косы-горбуши в области куршей в качестве орудий для заготовки сена, что, по всей вероятности, связано с переходом к стойловому содержанию скота. Начало стойлового содержания скота, по данным этнографии, обычно связывается с использованием скота в качестве тягловой силы при обработке земли (X. А. Мора. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике, стр. 7).

например, разнообразная техника обработки лепной керамики при изготовлении сосудов различного назначения. Здесь и грубые кухонные горшки, и сосуды для хранения сухих и жидких запасов, и столовая посуда, часть которой, имеющая лощение, выделяется как подражание образцам завозной черной лощеной керамики. Существует также набор специально ритуальной керамики — урны и сосуды-«приставки». Выделка керамики свидетельствует о прочной местной традиции в этой отрасли домашнего производства. В формах и орнаментации сосудов прослеживается их связь с керамикой эпохи латена на этой территории. Вместе с тем уже в первые века нашей эры здесь появляется много новых форм. Постепенно исчезают одноручные сосуды, распространяются большие урны и сосуды для хранения запасов, появляется ряд завозных форм — черная лощеная керамика и единичные двугорлые сосуды.

Развитое керамическое производство является особенностью культуры западнобалтийских племен, — у куршей, да и у других восточнобалтийских племен, керамика, за исключением немногочисленных вотивных сосудов, почти не обнаружена.⁴³¹

Особое значение приобретает обработка железа. Уже в курганных находках этой территории в последние века до нашей эры встречаются разнообразные железные изделия.⁴³² В первые века нашей эры численность железных изделий значительно возрастает. Из железа вырабатываются орудия труда: ножи, ножицы, серпы, косы, долота, струги, иглы; оружие: наконечники копий, мечи, боевые ножи, кельты, щиты и предметы, связанные со снаряжением коня. С III в. из железа широко изготавливаются украшения: фибулы, подвески и отдельные бытовые изделия.

Наличие шлаков на поселениях пруссов дает основание считать железоделательное производство занятием местного населения; об этом же свидетельствует старая традиция в изготовлении металлических изделий.

Б. А. Рыбаков классифицирует железные изделия по степени сложности их из-

готовления на четыре группы.⁴³³ Как можно убедиться, пруссы владели всеми этими приемами обработки железа. Наиболее простые железные вещи, требующие толькоковки, представлены плоскими изделиями: ножами, серпами, косами, долотами и шильями. Ко второй группе относятся вещи, требующие сварки, — это цепи, удила, острога. Сварка железа требовала участия не только кузнеца, но и его подручного.⁴³⁴

Следующим техническим приемом было применение зубила или молота, требовавших совместной работы двух кузнецов.⁴³⁵ Они служили для пробивания отверстий. Изделия с пробитым отверстием принадлежат к числу распространенных находок на интересующей нас территории.⁴³⁶ К наиболее сложным изделиям Б. А. Рыбаков относит, среди других предметов, копыя, которые ковали из треугольного куска железа. Основание треугольника закручивали в трубку, вставляли в нее железный вкладыш, затем сваривали втулку копыя и выковывали перо. Эти работы также требовали участия двух кузнецов.⁴³⁷ Большое количество наконечников копий, встреченных в могильниках Калининградского полуострова, дает основание считать, что и этот наиболее сложный прием обработки железа был усвоен местным населением. Нельзя не отметить также приемов орнаментации оружия и сочетания кузнечного дела со златокузнечным (украшения железных изделий бронзой и серебром).

Большого искусства достигает население в обработке бронзы. Базирующаяся на привозном сырье, но имеющая старую традицию,⁴³⁸ эта отрасль в первой половине I тысячелетия н. э. переживает подлинный расцвет. Из бронзы изготавливается большая часть украшений, бронза употребляется также на удила, шпоры и т. д. Многочисленные находки дают примеры высокой техники ювелирного дела. На основе завозных образ-

⁴³³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 137—138.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Там же, стр. 138.

⁴³⁶ См. главу III настоящей работы.

⁴³⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 138.

⁴³⁸ На Калининградском полуострове известен клад с заготовками, не завершёнными обработкой, изделиями и готовыми вещами из бронзы, датированный началом I тысячелетия до н. э. (W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 88—91).

⁴³¹ Н. Моора. Die Eisenzeit in Lettland, Bd. II, стр. 555—565.

⁴³² W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens, стр. 153.

цов здесь возникают свои, присущие этой территории украшения. Во II—III вв. наиболее характерными украшениями пруссов становятся глазчатые и профилированные фибулы. В III—V вв. многочисленны виды так называемых арбалетных фибул. Эти последние являются дальнейшим развитием фибул с подогнутой ножкой, завезенных на территорию пруссов из Причерноморья. Большую часть украшений, обнаруженных в могильных памятниках, описанных выше, следует рассматривать как изделия местного производства.⁴³⁹ Об этом свидетельствуют массовость находок, их серийность, одинаковые приемы обработки и орнаментации. Бронзовые изделия обрабатываются путемковки и литья. Населением широко применялась проволока. Проволока употребляется для обмотки гривен, перстней и украшения фибул. Из нее изготавливаются также и другие отдельные украшения (браслеты).

В Польше был произведен химический анализ украшений, ввезенных с территории Калининградского полуострова и устья Немана и относящихся к III—V вв. н. э. Было установлено, что изделия эти изготовлены из бронзы с примесью цинка и свинца и из латуни с примесью свинца и серебра. Технологический анализ показал, что главную роль в процессе производства играло горячее волочение проволоки через специальные волоочильные доски. При выработке украшений применялиськовка, шлифовка напильником и сглаживание.⁴⁴⁰

Следует упомянуть искусную орнаментацию изделий приемами тиснения, штамповки, гравировки, нанесения рубчатой зерни и накладки пластин из благородных металлов. Излюбленным узором изделий является геометрический в виде кружков, линий, крестов, треугольников и ромбов. В IV—V вв. украшения орнаментируются звездочками из линий, кружков и треугольников.

Данные, приводимые в отношении обработки бронзы, можно распространить и на сереб-

ряные изделия, которые на этой территории по форме и орнаменту не отличаются от бронзовых. В отдельных случаях они покрывались золотым листком.

Важнейшее значение приобретают внешние связи. Владея крупнейшим местонахождением янтаря, пруссы, по-видимому, широко выменивали его на те привозные изделия, которые мы находим на их территории. В первые века нашей эры вывоз янтаря значительно увеличивается. По сведениям Тацита, он экспортируется в необработанном виде; некоторое подтверждение этому можно видеть в многочисленных кусках необработанного янтаря в Грачевке. Будучи искусными ювелирами, пруссы тем не менее не достигают совершенства в выработке янтарных изделий, которые и немногочисленны, и в общем довольно грубы. Объясняется это, вероятно, тем, что янтарь служил не столько для внутреннего потребления, сколько для вывоза.

В обмен на янтарь сюда поступало большое количество сырья для выработки многочисленных бронзовых и других металлических украшений (за исключением железных). Кроме того, на территорию пруссов ввозились готовые украшения, лощеная керамика, стеклянные и пастовые бусы. Оживленные связи с Римом, отмеченные Тацитом, особенно расширяются в III—IV вв. Именно на этот период, помимо отдельных украшений из римских провинций, падает большое количество монет. Однако было бы неправильно переоценивать роль римских монет у пруссов. Внешний вид монет свидетельствует о том, что они являлись для них не более чем своеобразными украшениями. Монеты стертые, нередко имеют ушки или отверстия для подвешивания и обожжены вместе с другими вещами умершего. Монеты вкладах, известные из Бакельн, Наутцинкель и в Шрейтлакен,⁴⁴¹ следует также рассматривать как предметы для украшений.

Помимо римских провинций, на территорию пруссов поступают украшения из Причерноморья. Это фибулы с подогнутой ножкой, на основе которых развиваются разнообразные местные фибулы. Можно также отметить украшения из Скандинавии (типично северная фибула из Гребитен (рис. 54, 3), распространенные в центральной Европе

⁴³⁹ H. Mooga. Die Eisenzeit in Lettland, Bd. II, стр. 65, 66. — N. Aberg. Ostpreussen in Völkerwanderungszeit, карты I, II.

⁴⁴⁰ W. Glazer i J. Okulicz. Wyniki metaloznawczych i technologicznych analiz ozdób metalowych z cmentarzyska w mieścowosci Netta, pow. Augustów. Wiad. Archeol., 1955, t. XXII, z. 3—4, стр. 311.

⁴⁴¹ S. Bolin. Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen, стр. 210, 215, 217.

(змеевидные подвески, браслеты со скругленными окончаниями). Из центральной Европы приходит, вероятно, и черная лощеная керамика.

В первые века нашей эры довольно широко развивается обмен между отдельными балтийскими племенами. Украшения пруссов (глазчатые и арбалетные фибулы и др.) проникают на территорию куршей и других восточнобалтийских племен, а также в Мазовию. В свою очередь на территории пруссов появляются изделия с эмалью, которые вероятнее всего считать мазовецкими, и булавки, характерные для куршей.

Таким образом, археологические памятники рисуют земли пруссов в первой половине I тысячелетия н. э. как территорию с плотным оседлым населением, переходящим, по-видимому, к пашенному земледелию. Особенностью хозяйства этих племен являются их широкие внешние связи. В экономическом отношении пруссы несомненно находились в числе балтийских племен с наиболее развитой культурой.⁴⁴²

В условиях существенных сдвигов в развитии производительных сил рамки старого родового строя становятся тесными.

Переход от коллективных погребений к индивидуальным можно рассматривать как отражение смены патриархальной общины соседской территориальной общиной. Типичной чертой этого общества становится имущественное неравенство. В руках отдельных лиц концентрируется значительное личное богатство. Имущественное неравенство особенно отражается в парных захоронениях, из которых одно чаще снабжалось обычными вещественными находками, а другое либо вовсе лишено вещей, либо имеет их очень мало. Парные погребения пруссов следует рассматривать как характерные памятники патриархального рабства, где безынвентарные захоронения принадлежат рабам, а погребения со значительным количеством вещей относятся к представителям родовой знати. Выделение верхушки родового общества отражают и индивидуальные богатые погребения, в том числе захоронения с конем. О сосредоточении значительных богатств в руках родовой знати говорят монетные и вещевые

клады. В кладе из Котельниково найдены: стекло, лощеная керамика, глазчатые и профилированные фибулы, гривны и браслеты с раструбами, т. е. типичные изделия II—III вв.⁴⁴³

Повсеместное увеличение количества оружия, резко возрастающее с первых веков нашей эры, и строительство хорошо укрепленных поселений свидетельствуют о том, что это общество вступает в тот период развития, когда «война стала регулярной функцией народной жизни» (Энгельс), о том, что оно переживает период «военной демократии».

Процесс разложения родового строя, проявляющийся уже в первые века нашей эры, продолжается в течение длительного времени. В культуре II—III вв. н. э., тесно связанной с культурой предшествующего периода, отмечаются лишь начальные стадии этого процесса, а в выдающихся памятниках III—V вв. типичные черты разложения родового строя подтверждаются большим фактическим материалом. Не вызывает сомнения, что ярко проявляющееся имущественное расслоение, основание поселений на труднодоступных местах и вооружение населения III—V вв. являются признаками общества периода «военной демократии».

Если культура первой половины I тысячелетия н. э. представляет типичное общество, называемое Ф. Энгельсом «варварским», то сложное обстоит дело с социальным определением последующего периода — VI—VIII вв. Это время рассматривалось буржуазной наукой как период упадка, связанный с уходом соседних германских племен. Нам представляется, что наблюдающееся запустение территории северных пруссов, скорее всего, связано с внешней опасностью, которая могла грозить из-за моря. Однако, несмотря на то что культура населения современной Калининградской области теряет в VI—VII вв. свой ведущий характер, в ней проявляется дальнейший рост ряда домашних производств. К сожалению, наши материалы ограничиваются лишь ювелирными изделиями. Продолжающаяся местная традиция в изготовлении украшений, подтверждается кладом из Фромборка,

⁴⁴² Х. А. М о о р а. Возникновение классового общества в Прибалтике, стр. 110.

⁴⁴³ E. Hollack. Erläuterungen. . . , стр. 172. — A. Bezenberger. Analysen. . . , стр. 75.

относящимся к началу VI в. В этом кладе найдены заготовки и готовые изделия из бронзы, в том числе и местные формы фибул.⁴⁴⁴ В VI в. здесь создается локальный вариант фибул — арбалетная фибула с крестовидной ножкой. К местным изделиям следует отнести также серебряную и золотую пластины мечей из Варникам и Ветрово, орнаментированные характерным геометрическим узором. Поступающие на эту территорию через посредство галиндов пальчатые и пластинчатые фибулы, вызывают в VI—VIII вв. целую серию подражаний. Так, на землях по р. Преголи возникают своеобразные трехпалые фибулы с местным геометрическим или стилизованным звериным орнаментом. Появляется новый прием орнаментации — чернь.⁴⁴⁵

Весьма важно отметить, что процесс имущественной дифференциации не только не ослабевает, но даже усиливается, несмотря на уменьшение численности памятников и вещественных находок в них. Контраст между погребениями с незначительным инвентарем и отдельными захоронениями с конем и роскошными вещами ярче, чем в предшествующий период.

Эти факты дают основание заключить, что, несмотря на потерю своей ведущей роли в Прибалтике и ослабление внешних связей, пруссы бассейна р. Преголи вступают в VI—VIII вв. в новый этап разложения родового строя. Для этого этапа характерно скопление богатств в руках немногочисленных членов общества и резкое ухудшение положения основной массы его членов. Своеобразие этого процесса в том, что он происходит на фоне значительного уменьшения населения в сравнении с предшествующим временем.

Последний этап разложения родового строя относится к IX—XI вв. Существенным для этого периода является рост небольших, но хорошо укрепленных поселений, огражденных сложной системой валов и рвов. Плотно примыкающие друг к другу наземные жилища этих городищ воспроизводят подобные же сооружения более ранних поселений. Наряду с укрепленными поселениями, под прикрытием которых суще-

ствуют селища, возникают также городища-убежища и городища — будущие замки.

Интенсивный рост укрепленных поселений отмечает Вульфстан и говорит, что у эстиев много городов.⁴⁴⁶

Большие сдвиги происходят и в хозяйственной жизни этой территории. Постепенно внедрявшееся пашенное земледелие, по-видимому, к этому времени становится основной системой хозяйства. Свидетельством этого являются сельскохозяйственные орудия, особенно железный лемех. Важная роль земледелия в хозяйстве подчеркивается, как нам представляется, хранением бронзового серпа в качестве ритуального изделия.⁴⁴⁷

Вульфстан отмечает, что в IX в. в этой стране было много рыбы и меда.⁴⁴⁸ О возросшем коневодстве дают представления многочисленные захоронения с конями, а также замечание Вульфстана о том, что верхушка общества эстиев пьет кобылье молоко (*drincad mygan meolce*).⁴⁴⁹

Новым историко-культурным фактором является проникновение сюда гончарного круга. На смену местной лепной архаической керамике приходит массовая гончарная и до некоторой степени унифицированная керамика славянского типа. На первых порах она сосуществует вместе с лепной посудой, постепенно вытесняя ее. Как известно, распространение гончарного круга повсеместно связывается с выделением специалистов-гончаров и развитием гончарного ремесла. Для территории пруссов этот процесс относится к X в., так же как и в соседней северной Польше.

Металлы, и особенно железо, играют в хозяйственной жизни пруссов большую роль в течение всего I тысячелетия н. э., однако к концу этого периода их значение возрастает еще больше. По находкам изделий в поселениях и погребениях можно убедиться, насколько возросла обработка железа. Это прослеживается в увеличении металлических шлаков и готовых железных вещей. Характерно вместе с тем, что выработка предметов роскоши — украшений из бронзы и благородных металлов — значительно сокращается.

⁴⁴⁴ F. E. Peiser, H. Kemke. Der Depotfund von Frauenburg. «Prussia», 1914, Bd. 23, H. I, стр. 58—59.

⁴⁴⁵ См. главу III настоящей работы (397).

27 Древности сев.-зап. областей РСФСР

⁴⁴⁶ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. I, стр. 739.

⁴⁴⁷ См. Приложение, стр. 431.

⁴⁴⁸ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. I, стр. 732.

⁴⁴⁹ Там же.

Ввозные изделия представлены главным образом оружием (франкские мечи, стрелы, по-видимому из Венгрии). Импорт украшений сравнительно невелик.

Яркие материалы для социальной характеристики пруссов IX в. дает Вульфстан. Он упоминает «королей» (*cuning*), «богатых людей» (*pa ricostanmennzen*) и «людей высокого звания» (*heahdungene men*), а также «неимущих» (*pa unspedigana*) и «рабов» (*pa reowan*). «Короли» и «богатые люди», они же «люди высокого звания», выделяются своим богатством среди «неимущих» и «рабов». Автор сообщает, что после смерти люди тем дольше не предаются сожжению, чем больше у них богатств.

Перед нами предстают различные социальные группировки в рамках исчезающего родового строя.

Из числа имущей прослойки выделяются военачальники, занимавшие укрепленные поселения, называемые Вульфстаном «королями», и дружина, владевшая значительным имуществом. Этой группе населения следует приписывать погребения с конями, которые распространяются здесь с конца I тысячелетия н. э. Замечание Вульфстана о том, что знать пьет кобылье молоко,⁴⁵⁰ и известие о широком распространении стрел в могильниках дают возможность предполагать о проникновении элементов культуры кочевников, по-видимому из Венгрии.

Погребения, лишенные инвентаря или имеющие незначительные находки, следует приписывать рабам. Что касается прослойки населения, названной «неимущими», то, по-видимому, часть погребения с оружием принадлежит также и им.

Вульфстан пишет о том, что среди пруссов часты войны, а в X в. их воинственность подчеркивает также Ибн Якуб. В данных условиях «неимущие», в которых можно усматривать свободных общинников, должны были иметь оружие.

В X—XI вв. отчетливо выступает феодальный уклад, что проявляется в возведении замков, выделении гончарства, а возможно, и обработки железа в отрасль ремесла.

В итоге IX—XI века в жизни пруссов характеризуются как период возрастающего значения феодального уклада, особенно

усиливающегося в X—XI вв. в рамках родового строя с его патриархальным рабством.

Известным тормозом происходящей феодализации общества являлись постоянные набеги норманн. Внешняя опасность заставляла длительно сохранять массовое вооруженное население, что несомненно препятствовало закреплению свободных общинников. Лишь в последующее время, в XI—XIII вв., можно говорить о победе феодализма у пруссов.

Вопрос о том, достигли ли пруссы феодализма еще до XIII в., т. е. до прихода на эту территорию тевтонского ордена, чрезвычайно важен и может являться темой самостоятельного исследования.⁴⁵¹ Стремление изображать местное население отсталым, ставшее традиционным со времен первых крестоносцев и прочно утвердившемся в буржуазной историографии, приводило к игнорированию фактов, говорящих о распространении феодализма. Между тем об этом свидетельствуют замки типа Русское II и Кумачево с их выдающейся оборонительной системой, выделение ряда домашних производств и ремесла и развитие торговли (частые находки гирек и весов, а также серебряные слитки, которые можно рассматривать в качестве денежных единиц).

Утверждению феодализма у пруссов, по-видимому, немало способствовала соседняя Польша, достигшая уже к X в. государственности.

Таким образом, на территории современной Калининградской области, по археологическим данным и ряду письменных свидетельств, в I тысячелетии н. э. живет группа западнобалтийских племен пруссов. Являясь потомками коренного местного населения, пруссы уже в первые века нашей эры достигают сравнительно высокого уровня развития производительных сил. Прогресс в обработке земли, плавке и выработке металла, широкие внешние связи, особенно интенсивные благодаря добыче янтаря, дают основание причислять пруссов к экономически наиболее передовым среди других балтийских племен.

Смена патриархальной общины соседской территориальной общиной, заметный

⁴⁵⁰ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. I, стр. 732—734.

⁴⁵¹ Весьма интересны в этом плане выводы Пашуто. См.: В. Т. Пашуто. 1) Помезания. М., 1955, стр. 55; 2) Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 285.

рост имущественного неравенства, черты патриархального рабства и резкий рост вооружения — эти признаки общества, вступившего в последний период родового строя, период «военной демократии», прослеживаются у пруссов уже в первые века нашей эры. Однако этот период продолжается в течение всего I тысячелетия н. э.

Археологические памятники рисуют блестящую местную «варварскую» культуру первой половины I тысячелетия н. э., достигшую особого расцвета в III—V вв. Они свидетельствуют о том, что в VI—VIII вв., несмотря на значительное запустение территории, процесс имущественного расслоения усиливается.

Наконец, памятники IX—XI вв. рисуют убедительную картину уходящего родового общества, уступающего место феодальному.

Аналогичный процесс происходит на территории других балтийских племен. Х. А. Мора прослеживает его для населения восточной Прибалтики.⁴⁵² Больше всего сходства с пруссами в развитии последнего этапа родового общества наблюдается у куршей.

В одной из южных групп пруссов — галиндов разложение родового строя прослеживается начиная с III—IV вв. и до VIII в. Каков социальный строй галиндов в конце I и начале II тысячелетия н. э., сказать пока трудно.

Несколько отстают в своем развитии обитатели восточной Мазовии — судины, где вплоть до VI в. отмечаются еще коллек-

тивные захоронения — свидетельство крепости патриархальной семьи. Судьбы судинов, как и галиндов, в IX—XI вв. неясны. Таким образом, самобытная культура пруссов, выросшая на местной основе, находит свое место в I тысячелетии н. э. в ряду культур соседних балтийских племен, переживавших последний этап в развитии первобытно-общинного строя.

В начале настоящей работы подчеркивалось стремление реакционной буржуазной науки трактовать культуру пруссов как результат влияния германских племен. Фактический материал убедительно показывает, что эта концепция ложная. Культура пруссов развивается самостоятельно, находясь в тесном общении в течение всего рассматриваемого периода с культурой как соседних, так и более отдаленных территорий (балтийские племена, славяне, германские племена, население центральной Европы и Причерноморья). Она достигает значительного развития, позволяющего обществу в начале II тысячелетия н. э. перейти к более высокой социально-экономической формации — феодализму.

Таковы в основном выводы, к которым приводит археологический материал с этой небольшой, но очень интересной территории, хотя многое в конкретной истории интересующего нас периода остается еще неясным и требует дальнейших археологических работ, прежде всего систематического исследования поселений.

Приложение 1

ПАМЯТНИКИ, ОБСЛЕДОВАННЫЕ КАЛИНИНГРАДСКИМ ОТРЯДОМ СЛАВЯНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК В 1949—1951 гг.

В 1949—1951 г. на территории Калининградской области производились археологические работы, организованные ИИМКом совместно с Калининградским областным музеем. В работах принимали участие: Ф. Д. Гуревич, Н. Н. Гурина, М. В. Казанкова, Т. В. Равдина (ИИМК), В. Я. Сафонов (Калининградский областной музей), К. В. Павлова, Л. Г. Коршунова (ЛГУ), В. М. Климов, А. В. Воронков, В. М. Соломин (Калининградский педагогический институт), А. В. Максимов (Калининградское архитектурное управление). Калинин-

градский отряд входил в состав Славянской экспедиции ИИМКа (начальник П. Н. Третьяков).

Приступая к обследованию памятников этой территории, Калининградский отряд ставил своей задачей главным образом ознакомиться с характером поселений.

Полевые сезоны 1949 и 1950 гг. были посвящены преимущественно разведочным работам. Наряду с разведками производились небольшие раскопочные работы на городищах Логвиново I и Грачевка.

В 1951 г. были завершены раскопки мысовой части Грачевки. При разработке раз-

⁴⁵² Х. А. М о р а. Возникновение классового общества в Прибалтике, стр. 101—122.

ведочного маршрута мы использовали данные немецких археологов.

Несмотря на тщательную регистрацию и фиксацию городищ в прошлом, поиски их требовали большого труда; значительная часть населенных пунктов, а особенно имений, давших свое наименование городищам, были разрушены. В ряде случаев известные памятники приходилось отыскивать заново.¹

Разведками 1949 и 1950 гг. обследовано 24 памятника, среди них: 16 городищ, 5 селищ, 2 вала и 1 могильник.

Городища, как правило, покрыты густой растительностью, площадки их задернованы, многие из городищ изрыты траншеями и окопами военного времени.

Снятые с городищ планы (глазомерная съемка) сопоставлены нами с глазомерными планами, опубликованными Г. Кроме.

Во время разведочных работ произведена нивелировка 10 городищ. Профили их вычерчены в двух, а иногда и в трех направлениях.

На городищах проводились зачистки траншей и окопов на площадках и валах; помимо этого, нами обычно закладывались 1—2 шурфа 2×2 м или 3×3 м.

Обследование селищ, культурный слой которых обычно разрушен, ограничивалось сбором подъемного материала. Шурфы были заложены лишь на селищах Грачевке, Кострово и Янтарном, где сохранился культурный слой.

Единственный могильник (у с. Логвиново), обнаруженный во время разведочных работ, был разрушен, и здесь были лишь подобраны находки.

Ниже описываются памятники, обследованные работами Калининградского отряда. Они разбиты на две группы: в первую группу входят памятники, возникновение которых относится к I тысячелетию до н. э. и к первой половине I тысячелетия н. э.; вторую группу составляют поселения, существование которых начинается в конце I тысячелетия н. э.

В литературу, посвященную тому или иному памятнику, мы включили лишь доступные нам труды, не привлекая полную библиографию городищ, опубликованную Г. Кроме, куда вошли также архивные данные, ряд провинциальных изданий и материалы газет.

Номера памятников соответствуют номерам прилагаемой карты (рис. 2).

Ранняя группа поселений

1. Городище у с. Грачевка.²

Городище находится в 1 км к северу от селения и расположено на берегу небольшой безымянной речки, впадающей в Балтийское море. Оно занимает мыс первой надпойменной террасы, огражденной с северной и южной сторон оврагами.

Впервые городище было схематически зарисовано в 20-х годах прошлого столетия Ф. Гуизе, который полагал, что оно имело выдающееся значение в истории края. В конце прошлого века схематический план городища издал К. Бекгерри, а в 1940 г. план городища и краткое его описание опубликовал Г. Кроме, отмечавший, что с этим укрепленным поселением связаны легенды о зарытых кладах и исчезнувших землях.³

Городище состоит из двух изолированных, разделенных ровом площадок — мысовой и напольной. С запада к нему примыкает селище.

Мысовая восточная площадка городища полукруглой формы (45×20 м), возвышающаяся над долиной речки на 7—8 м, окружена кольцевым валом высотой 1 м. С северо-западной и южной сторон вал в отдельных местах достигал 2 м высоты, при 10 м ширины у основания и 3 м на гребне. Напольная площадка прямоугольной формы (50×40 м) отделена от мысовой ровом 5 м глубиной и 8 м шириной. На ней расположены три параллельных вала. Первый, ближайший к мысовой площадке возвы-

¹ С последними и наиболее точными работами по фиксации городищ Г. Кроме мы познакомились лишь в 1950 г.

В настоящей работе мы не останавливаемся на памятниках эпохи неолита и курганах, относящихся к I тысячелетию до н. э., обнаруженных во время разведок. Этими материалами занимается Н. Н. Гуркина.

² Н. Сроме. 1) Führer. . . , стр. 41—43; 2) Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreussens (в дальнейшем: Wehranlage). «Prussia», 1940, Bd. 34, стр. 101; 3) Karte. . . , стр. 104. — E. Hollack. Erläuterungen. . . , стр. 117. — C. Beckherrn. Burgwälle, стр. 375. прим. 30.

³ Н. Сроме. Führer. . . , стр. 41—43. — C. Beckherrn. Burgwälle, стр. 381.

шается над дном прилегающего к нему рва на 8 м, при ширине у основания вала 8 м, у гребня 3 м. Второй и третий валы прикрывают площадку со стороны напольной части. Второй вал имеет 4 м, а третий — 3 м высоты, при ширине у основания соответственно 19 и 13 м, у гребня — 5 м. Между вторым и третьим валами находится ров 1 м глубиной и 7 м шириной.

Северная и южная стороны напольной площадки не имеют искусственных ограждений, склоны их срезаны и очень круты. С напольной стороны городища отчетливо виден въезд, имеющий 6 м ширины.

Таким образом, устройство оборонительных сооружений на мысовой и напольной площадках различно. В то время как первую защищает кольцевой вал, вторая имеет валы лишь в востока и запада.

Различие в системе оборонительных сооружений обеих площадок объясняется тем, что мыс, занятый городищем, резко понижается с запада на восток. В то время как напольная площадка возвышается над долиной речки на 14 м, мысовая часть городища превышает ее лишь на 7—8 м. В этих условиях последняя площадка требовала лучшего укрепления, чем труднодоступная напольная часть городища (рис. 63, 1). Селище располагалось за внешним валом городища, занимая площадь 800×200 м.

Городище Грачевка впервые было обследовано отрядом ИИМКа в 1950 г. Тогда же здесь были проведены небольшие раскопки, в результате которых вскрыта площадь в 112 м². В 1951 г. работы были продолжены.

Изолированная, отличающаяся небольшими размерами мысовая часть городища очень удобна для раскопок и потому могла быть вскрыта полностью с относительно небольшой затратой сил. За два года работ (1950—1951 гг.) раскопаны мысовая площадка и отдельные участки кольцевого вала, что в общей сложности составляет 920 м². Кроме того, были заложены шурфы на напольной, густо поросшей деревьями площадке и обследовано селище. Почти сразу под дерновым покровом на городище оказался гумусированный культурный слой, содержащий большое количество булыжных камней.

Установлено, что на городище не менее двух горизонтов, причем культурный слой верхнего горизонта залегал по всей площадке,

в то время как слой нижнего горизонта занимал не более одной трети ее, концентрируясь близ восточной части вала. Стерильной прослойки между верхним и нижним горизонтами не наблюдалось.

Ниже описываются результаты раскопок на мысовой части городища, где нижний горизонт соответствует раннему поселению, а верхний — позднему.

Раннее поселение

Залегавшее в нижнем горизонте мысовой площадки и сосредоточенное в ее восточной части раннее поселение занимало площадь в 360 м². Культурный слой его залегал крайне неравномерно; его мощность с западной стороны достигала 60 см, с юго-восточной, сильно понижавшейся стороны доходила до 2 м.

Поселение сильно разрушено, на нем не сохранилось остатков жилищ, обнаружены лишь отдельные очаги, разрозненные камни и куски глиняной обмазки. Вместе с тем культурный слой содержал значительное число находок.

В центре площадки на материке, представляющем собой светло-желтый песок, на расстоянии 4 м друг от друга находились два очага. Сложенные из 10—12 булыжных камней, они имели форму неправильного круга диаметром около 1 м и возвышались над материком на 30—40 см (рис. 9). В одном из очагов наблюдался слой пережженной земли. Остальная часть площадки занята отдельно лежащими камнями диаметром до 60 см, у восточной части вала составившими прямой угол, стороны которого ориентированы по странам света.

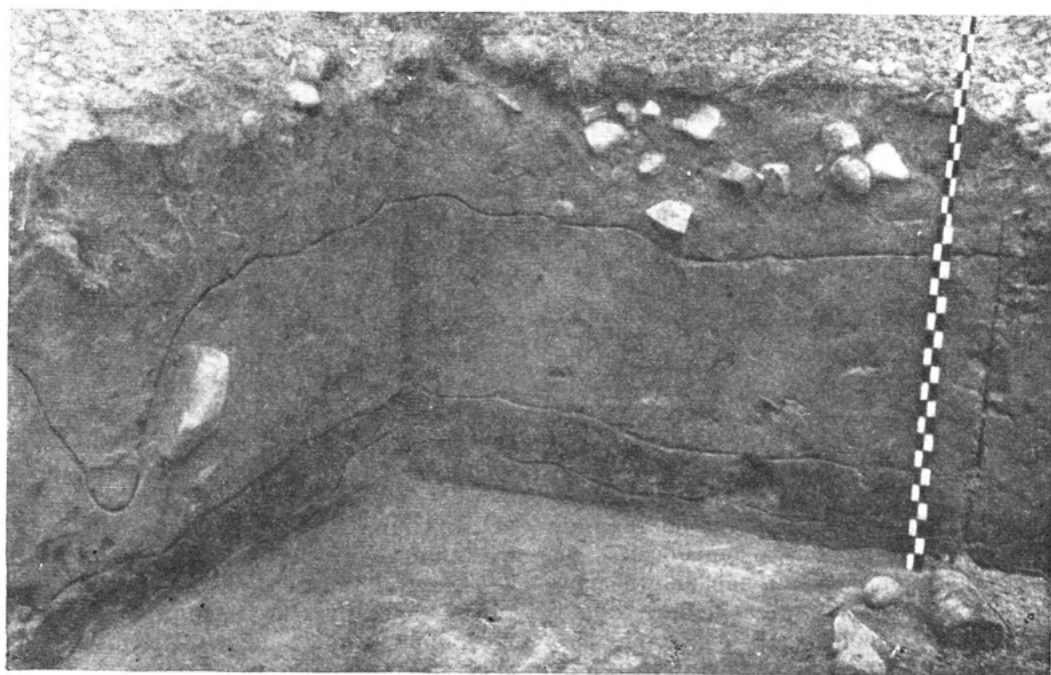
Иногда близ камней встречались куски красноватой, обожженной глиняной обмазки с отпечатками жердей диаметром до 3 см.

По периметру восточной части вала и частично под ним лежал слой горелой земли 2—3,5 м ширины и 30 см мощности, в котором обнаружено значительное скопление обожженных зерен пшеницы и проса (рис. 63, 2).

Основная масса находок сконцентрирована близ очагов и камней. Здесь найдено много керамики, янтаря, отдельные стеклянные бусы, бронзовые поделки и обломок каменного молотка.

1

2

Рис. 63. Городище Грачевка.

1 — общий вид городища; 2 — слой горелой пшеницы.

Значительное скопление керамики встречено в слое горелой земли. Там же найдена бронзовая булавка.

Керамика

Основную массу находок составляет лепная керамика, представленная обломками сосудов для хранения запасов, кухонной посудой, сосудами для изготовления сыра и столовой посудой.

Сосуды для хранения запасов. Они представлены крупными экземплярами (в количестве 36). Диаметр их 35—40 см, высота около 50 см, толщина стенок 1—1,2 см.

Это обломки сосудов со значительной примесью дресвы, в отдельных случаях с шероховатой или обмазанной глиной поверхностью и с заглаженной, а иногда и глянцевиной внутренней частью. Обжиг сосудов довольно хороший.

Среди этой керамики выделяются две формы сосудов: 1) обломки 20 сосудов имеют прямой или слегка отогнутый венчик, короткую шейку, удлиненное тулово и довольно тонкое, тщательно выделанное днище; 2) остальные 16 сосудов характеризуются прямым венчиком, переходящим непосредственно в удлиненное тулово с изломом в средней части.

Крупные сосуды украшены защипами по венчику, валиками с насечками и ямками по тулову. Единично встречен штампованный орнамент (рис. 14).

Кухонная посуда. Отличительной чертой кухонной посуды являются следы нагара, а в отдельных случаях в них обнаружены обожженные зерна проса. Найдены обломки свыше 30 сосудов этого рода.

Кухонная посуда имеет следующие размеры: диаметр 20—25 см, высота до 20 см, толщина стенок около 1 см. Это желтая глиняная и коричневая керамика со значительной примесью дресвы и шамота, различного обжига. Наряду с рыхлыми, слабо обожженными встречаются плотные сосуды хорошего обжига: 1) миски со следами заглаженности в виде горизонтальных полос, 2) горшки с высокими плечиками, 3) сосуды баночной формы. Горшки и сосуды типа банки украшены защипами по венчику (рис. 12).

Сосуды для изготовления сыра. Этих сосудов найдено пять. Диа-

метр их 12—14 см, высота 10—12 см, толщина стенок 5—6 мм. Сосуды для изготовления сыра из красной глины с незначительной примесью песка; тесто их рыхлое, слабого обжига. Они имеют прямой, закругленный венчик, высокие плечики с ребристым изломом и суженное тулово с дырочками от венчика до днища (рис. 13).

Столовая посуда. Представлена обломками 60 сосудов диаметром до 20 см, высотой до 15 см при толщине стенок до 5 мм. Сосуды из желтой глины с примесью мелкого песка имеют хорошую выделку и обжиг. Они отличаются слегка отогнутым венчиком, небольшой шейкой, высокими плечиками и равномерно суженным туловом (рис. 15).

Часть столовой посуды имеет по одной ручке высотой до 6 см и шириной до 3 см; один конец ручки прилеплен к венчику, другой — к плечу сосуда. Ручки украшены штампованным орнаментом в виде ямок, составляющих треугольник.

Большая группа столовой посуды (более двух третей ее) состоит из лощеной керамики — черной и желтой. 15 небольших сосудов представлены образцами прекрасной черной тонкостенной керамики. Это: 1) горшочки с отогнутым венчиком и округлым туловом, 14 см диаметром, 12 см высотой при толщине стенок 3 мм; 2) миски диаметром до 15 см и высотой до 8 см, при толщине стенок 3—4 мм и 3) тонкостенные сосуды с широким туловом, диаметром до 15 см (высота их не установлена). Черная лощеная керамика обычно не украшена, лишь на одном обломке почти под самым венчиком сохранился орнамент в виде двух вертикальных насечек между двумя параллельными линиями.

Остальная лощеная керамика представлена 25 обломками желтых лощеных сосудов как мелких, так и довольно крупных. Выработка этих сосудов менее совершенна, чем черных лощеных. Нередко залощенность видна только с наружной стороны, в то время как изнутри в сосуде заметна примесь мелкой дресвы.

Среди желтых лощеных сосудов выделяются следующие формы: 1) миски диаметром до 20 см и высотой 13—14 см, при толщине стенок 5—6 мм, с ребристым изломом в верхней части; 2) профилированные сосуды диаметром от 10 до 20 см, при толщине стенок 6 см, с прямым венчиком, ши-

роким ребристым или округлым туловом, нередко снабженные одной ручкой (рис. 17).

Желтая лощеная керамика иногда орнаментирована двойными, ломаными линиями, а ручки имеют вертикальные насечки.

Среди керамики нижнего горизонта встречены единичные обломки сосудов, отличных от массовых находок. Таков, в частности, обломок венчика тонкостенного (толщиной стенок 5 мм) сосуда с залощенной наружной стороной и со шнуровым орнаментом.

К числу единичных находок относится и обломок сосуда из серо-желтой, хорошо отмученной глины, украшенный рядом ямок, сочетающихся с косыми линиями. Иногда встречаются фрагменты стенок сосудов из желтой глины с примесью древесины с парными налестками на наружной стороне (рис. 20).

Изделия из бронзы и других материалов

Булавки. В слое раннего поселения найдены две бронзовые булавки. Одна из них, обнаруженная в северной части площадки, представляет собой суживающийся книзу стержень длиной 6 см, верхняя часть которого завершается конической, профилированной головкой (7 мм диаметром), орнаментированной нарезками.

Вторая булавка с круглой головкой, найденная близ очага № 1, имеет 5 см длины. Сечение стержня равно 4 мм, головки — 6 мм (рис. 24, 1, 2).

Подвеска. Близ очага № 1 найден обломок трапециевидной ажурной подвески, состоящий из пластинки 1.5×1 см, орнаментированной линиями, и трех витых проволок (рис. 24, 3).

Предмет неизвестного назначения. Близ очага № 1 лежал обломок бронзовой пластины 12.5 см длиной, с утолщенным краем; возможно, что это выпрямленная верхняя часть сосуда (рис. 24, 4).

Обломки каменного молотка. В группе камней юго-восточной части площадки обнаружен обломок орудия из полевого шпата с высверленным отверстием. По-видимому, это обломок каменного молотка.

Янтарь. По численности находок второе место после керамики принадлежит

янтарю, общее количество которого достигает свыше 500 экземпляров. Янтарь обнаружен в основном в виде необработанных кусков, наибольшие из которых достигают 3×4 см. В ряде случаев янтарь находился в сосудах (рис. 21).

Более 50 кусков янтаря носят следы первичной обработки — отделки или обточки одной или нескольких граней, а в отдельных случаях имеют округлую форму (рис. 22).

Готовые изделия из янтаря сохранились лишь в виде бус. Всего на поселении найдено 7 янтарных бус, но только одна из них, обнаруженная близ очага № 1, тщательно обработана. Форме ее уплощенно-цилиндрическая, диаметр 1.7 см, высота около 1 см. Вокруг аккуратно просверленного отверстия (диаметр 5 мм) вырезан ободок, боковая часть бусины украшена рифлением. Остальные бусы грубой обработки, несимметричные, с неровно заглаженными верхними и нижними отверстиями, нередко просверленными не в центре. Форма их цилиндрическая или уплощенно-цилиндрическая, диаметр до 1.5 см, высота до 1 см. Встречены также в небольшом количестве заготовки крупных (диаметром до 5 см) и мелких бус с лишь намеченными отверстиями (рис. 23, 6, 12).

Бусы из стекла. Найдено 4 кольцевые бусы из синего стекла диаметром 0.7—1 см и одна 14-гранная из светлого стекла (рис. 23, 1—5).

Позднее поселение

Как уже отмечалось выше, под дерновым покровом в культурном слое были обнаружены камни различных размеров. Они лежали то изолированно, то беспорядочными, на первый взгляд, нагромождениями. Лишь при внимательном рассмотрении стало очевидным, что это своеобразные каменные оградки, или завалинки, от прямоугольных в плане помещений, ориентированных по странам света. В дальнейшем мы называем их условно кладками.

Среди разнообразных группировок камней можно было насчитать 9 кладок, из которых лишь 4 более или менее полно сохранили свои очертания, остальные представляли собой развалы камней, позволявшие, однако, в ряде случаев реконструировать их первоначальное расположение. Ниже дается описание остатков помещений.

Помещение № 1. В западной части площадки, у склона вала, на глубине 18—73 см находилась группа камней, составляющих в плане прямоугольник 5.6×4.4 м.

Кладка, ориентированная по странам света, состояла из камней различной величины, преимущественно 30—60 см в диаметре, которые лежали либо на материке — песке, имевшем светло-желтую окраску, либо на культурном слое незначительной мощности. Камни лежали наклонно, что обусловлено понижением площадки, и, по видимому, частично были сдвинуты со своих мест.

В пределах кладок не наблюдалось какой-либо утоптанной площадки, которая отличала бы слой внутри помещения от культурного слоя за пределами его. Вместе с тем культурный слой внутри кладки был более насыщенным и достигал 60 см мощности, в то время как за ее границами он равнялся 40 см.

Почти в самом центре сооружения сохранился очаг, едва возвышавшийся над камнями и представлявший собой весьма примитивное сооружение, состоящее из 6 обожженных камней 20—30 см диаметром, уложенных в виде овальной фигуры, имевшей по длинной оси 60 см, а по короткой 45 см. Внутри очага сохранился слой золы толщиной около 10 см и небольшие угольки.

На расстоянии 1 м от очага лежали три отдельных камня (рис. 35).

В пределах кладки найдены фрагменты керамики, сошник, куски неопределенных железных изделий, кусочки янтаря.

Помещение № 2. В центре площадки в 12 м от кладки № 1, на глубине до 1.15 м находилась группа камней, лежавшая на материке в виде неправильного прямоугольника $4 \times 4.60 \times 4$ м.

Здесь довольно отчетливо прослеживались четыре стенки. С северной стороны сохранилось три крупных булыжника, до 70 см в диаметре. Часть камней меньших размеров была смещена со своих мест и оказалась внутри кладки. Параллельная южная сторона состояла из двух угловых камней диаметром 40 см и разрозненных булыжников диаметром 20 см, сместившихся внутрь кладки. С западной стороны также сохранились угловые камни больших размеров и отдельные смещенные с мест камни. Нагромождение камней отмечается и с восточной стороны. Здесь, помимо угловых камней,

сохранились вытянутые в линию с севера на юг камни диаметром до 40 см.

К развалу этой кладки с восточной стороны примыкают мостки 2.5 м длиной, состоявшие из мелких булыжников диаметром до 15 см, частью проникавших внутрь кладки. Уровень залегания мостков ниже уровня кладки, глубина их 1.5 м от дневной поверхности, что объясняется резким понижением площадки. Очага внутри кладки не было, однако в трех местах были обнаружены скопления золы и углей. Одно из них, толщиной 10 см, находилось в центре. Второе скопление золы и углей отмечено вблизи западной стенки-кладки. Тут же лежал обожженный булыжник. Третье, толщиной до 15 см, находилось близ западной стенки кладки и частично выходило за ее пределы.

Кроме того, отмечены отдельные вкрапления золы и углей по всей площади помещения.

Из числа находок следует отметить обломки керамики, заготовки янтаря и две янтарные бусы, гирику из железа, дужку от ведра, гвозди и заклепки.

Помещения №№ 3 и 4. В восточной части вала, в 4.5 м от помещения № 2, на глубине до 75 см находились примыкавшие друг к другу и сохранившие наиболее четкие очертания помещения №№ 3 и 4.

От каждой стенки помещения № 3, занимавшего площадь 3.5×3 м, сохранилось *in situ* по 4—5 камней диаметром 60 см; камни, лежавшие в углах кладок, были более массивными, кроме того, под ними обычно находились еще мелкие камешки. С юга в помещение вели мостки 7 м длиной и 30—35 см шириной, состоявшие из мелких камней диаметром 15—18 см. Мостки частично заходили внутрь кладки, где лежали также отдельные разрозненные камни.

Помещение № 4 (4.5×3 м) располагалось перпендикулярно помещению № 3, примыкая к нему с западной стороны. Камни стенок лежали вплотную друг к другу.

Помещение № 4 разделено пополам стеной из камней на два маленьких, прямоугольных в плане сооружения по 6.75 м² каждое.

Слой земли в пределах обоих помещений был заполнен отдельными зольными и угольными вкраплениями, частично заходящими под камни кладок.

Внутри помещений №№ 3 и 4 и в непосредственной близости от них найдены об-

ломки керамики, куски янтаря, янтарная буса, куски глиняной обмазки, железные изделия, в том числе стрелка, гвозди, находки из бронзы (браслет и перстень) и точильные камни (рис. 34, 64).

Остальные помещения сохранились лишь частично.

Помещение (?) № 5. Скопление камней неправильной формы можно было отметить в 4.5 м от помещения № 1. На глубине до 60 см была встречена группа камней, составлявших деформированную прямоугольную кладку 5.6×4 м. Наиболее отчетливо сохранились остатки западной стенки, состоявшие из трех камней диаметром до 40 см, лежавших на расстоянии 2—2.5 м друг от друга. С южной стороны лежали три камня таких же размеров, с севера сохранился угловой камень с примыкающими к нему четырьмя камнями диаметром 8—20 см. Кроме того, отдельные камни лежали в беспорядке.

За пределами помещений с восточной стороны находилась кучка камней диаметром до 40 см, по-видимому относившаяся к этой кладке. В юго-восточной части сооружения стоял открытый очаг, имевший в диаметре 80 см и состоявший из 7 обожженных камней. Внутри очага сохранился слой золы толщиной 15 см и мелкие угольки (рис. 65, 1).

Внутри предполагаемого помещения в 1.2 м от очага обнаружено сооружение чрезвычайно любопытной формы. Это навал из овальных камней, имевший по длинной оси 2.4 м, а по короткой — 1.6 м, при диаметре камней до 40 см. Западная часть сооружения превышала восточную на 80 см. Под каменным покровом лежала насыпная земля, содержащая небольшие обломки керамики и мелкие угли. Вкрапления углей и золы отмечались в разных местах заполнения помещения № 5. Здесь найдены обломки керамики, куски янтаря, железные изделия, створки ножниц и гвозди.

Развалы помещений №№ 6 и 7. У западной части вала, на глубине до 45 см, в 3 м от помещения № 2 и в 4.5 м от помещения № 5, на материке лежала группа камней. Последняя составляла как бы две кладки, разделенные по середине общей стенкой. У первой из кладок (южной), размерами 5×3.8 м, сохранилось лишь три угловых камня диаметром 60 см, в то время как все остальные были сдвинуты

со своих мест и часть их попала за пределы кладки.

В отдельных местах здесь отмечено скопление углей и золы толщиной до 15 см.

От кладки, примыкавшей с севера, сохранилось еще меньшее количество камней. С западной стороны здесь лежало несколько сдвинутых с мест камней. С севера находился угловой камень диаметром 40 см и несколько отдельно лежащих.

На основании сохранившихся камней можно установить, что площадь, занимаемая развалом кладки, равна 4.4×2.8 м.

Скопления углей и золы отмечаются и со стороны стенки, примыкавшей к соседней кладке (рис. 65, 2).

Из находок здесь можно отметить обломки керамики, янтарь, три точильных камня и изделия из железа, главным образом гвозди.

Возможно, что развалы кладки, отмеченные нами под №№ 6 и 7, на самом деле представляли собой одну большую кладку размерами 5×6.6 м, разделенную стенкой из камней.

Развал помещения № 8. Эта группа камней, лежавших на материке на глубине до 1.54 м, сосредоточена у южной части вала и представляла в плане прямоугольник площадью 4.4×4 м. Сохранившиеся угловые камни не отличались большими размерами и имели до 30 см в диаметре. С северной стороны здесь лежало несколько камней, вытянутых в линию, с восточной и западной сторон сохранились отдельные, главным образом смещенные камни, иногда лежавшие кучей.

Близ западной стенки помещения обнаружено скопление углей и золы толщиной 12 см; недалеко от этого скопления лежал обожженный камень. С западной стороны к кладке примыкали мостки из мелких булыжников (диаметром камней до 20 см), которые, по-видимому, тоже были смещены со своего первоначального места, так как развала кладки достигали только отдельные камни мостков.

Находки внутри развала кладки и за ее пределами составляли обломки керамики, куски янтаря и две янтарные бусы. Кроме того, здесь были найдены нож, гвозди и другие железные поделки, а также четыре точильных камня.

Остатки помещения № 9. В юго-восточной части вала, почти непосредственно примыкая к помещению № 3,

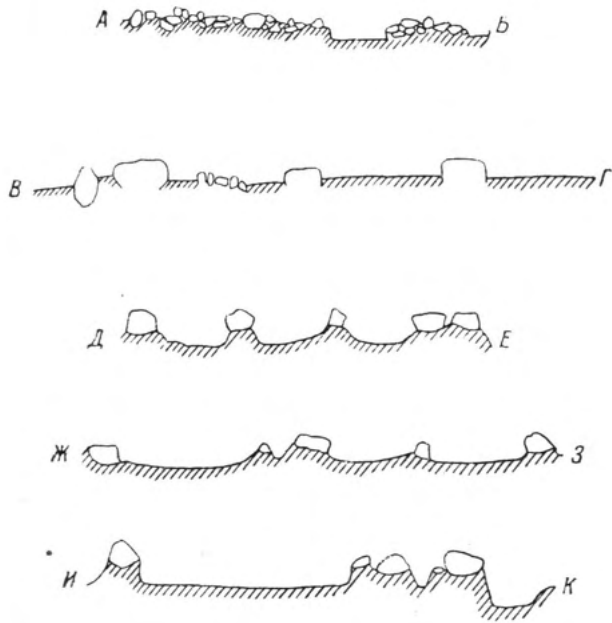
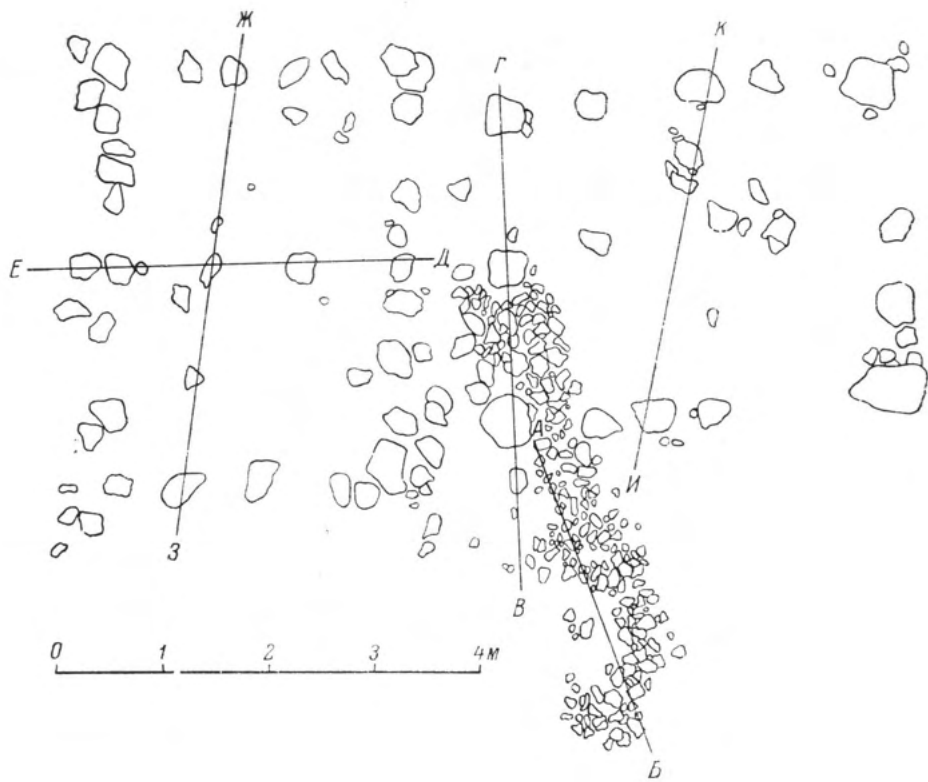

Рис. 64. План и разрезы помещений №№ 3 и 4.

находились остатки помещения № 9, камни которого залегали на глубине до 1 м.

Контуры этого предполагаемого помещения можно представить по угловым камням диаметром до 60 см, лежащим по диагонали и определявшим его размеры — $4 \times 4,8$ м. Кроме угловых, можно было проследить

Кроме вышеописанных развалов каменных кладок, имевших более или менее определенные очертания, на раскопе встречено много отдельно лежащих камней. Так, между остатками помещений №№ 8 и 9 находилось скопление камней, среди которых найдены пила, гарпун и рыболовный крючок; среди

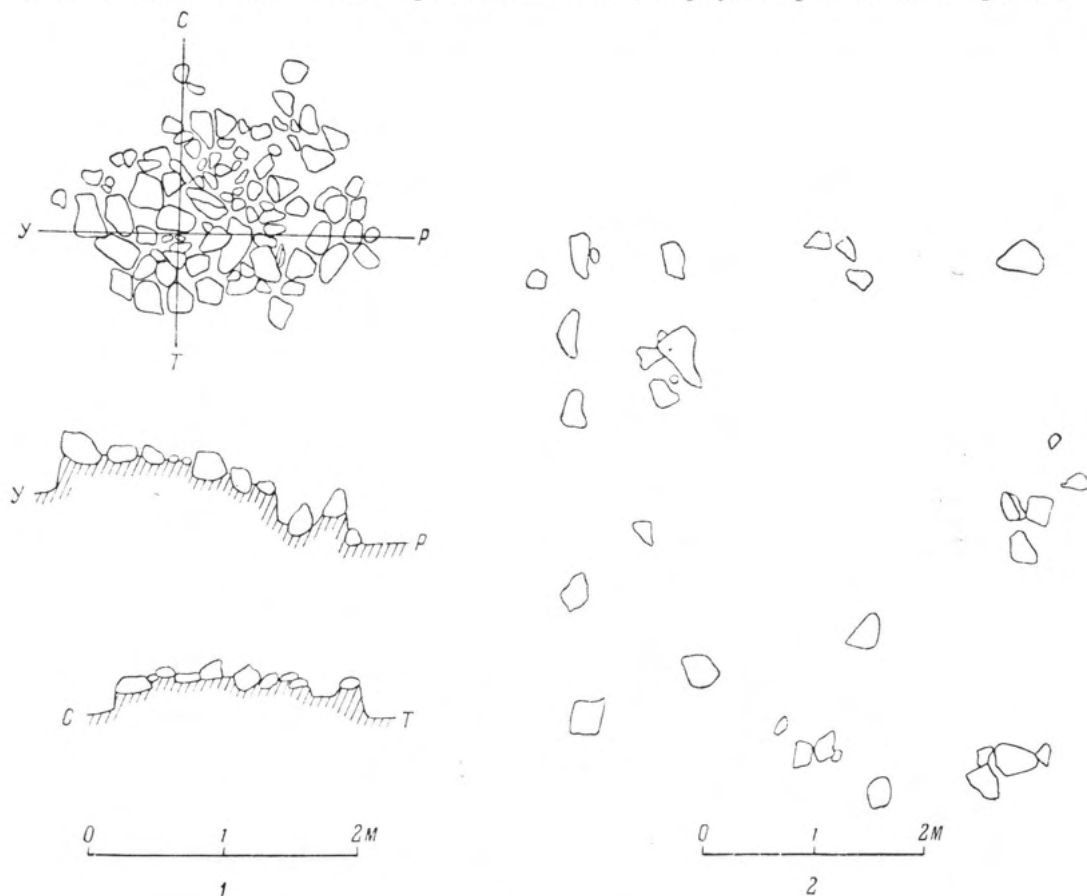

Рис. 65.

1 — план и разрезы сооружений из камней помещения № 5; 2 — группа камней кладки № 5.

направление мелких и средних камней с восточной, северной и южной сторон.

В центре сохранились следы разрушенного очага в виде обожженных камней, слоя золы и угля 10 см толщиной. Небольшое скопление золы и углей наблюдалось также с восточной стороны. К этому помещению подходили мостки (рис. 66). Помимо обычных находок: обломков керамики, кусков янтаря, гвоздей, точильного камня и железных изделий — здесь обнаружены два серпа и пряслице.

камней, примыкавших к кладке № 4, находились обломки керамики, куски янтаря и куски металлических шлаков. В северной, центральной и западной частях площадок наблюдались отдельные скопления углей и золы без видимой связи их с кладками.

Есть все основания предполагать, что группы отдельных камней и скопления углей и золы также являются остатками помещений, и, следовательно, первоначальное число кладок на площадке было больше девяти,

зафиксированных во время работ на городище.

Вал. В процессе раскопок мысовой площадки городища были вскрыты также отдельные участки окаймляющего ее вала. В северо-восточной части вал вскрыт на площади 12 м², в западной — на площади 24 м².

На первом участке раскопанного вала, в насыпи его, обнаружены три слоя камней. Первый, верхний слой лежал под дерновым покровом на глубине до 40 см и состоял из нескольких куч камней. Диаметр камней до 60 см. Наряду со скоплениями камней наблюдались отдельные булыжники.

Под этим слоем камней обнаружен насыпной песок мощностью до 50—80 см, прикрывавший средний слой камней, лежавший на глубине 0.8—1.1 м и также состоявший из куч или отдельных камней.

Третий, нижний слой камней, отделенный насыпью из песка 20—30 см мощностью, также лежал в виде куч и отдельных камней на глубине 1.6 м, на материке или на тонкой песчаной присыпке.

В насыпи вала встречены обломки керамики, характерной для раннего поселения.

Несколько иным выглядел участок вала, вскрытый с западной стороны площадки. Здесь был обнаружен лишь один слой камней — довольно крупных булыжников, лежавших на материке или на небольшой песчаной присыпке на глубине до 80 см. Над камнями была песчаная насыпь, в которой нередко встречались обломки керамики (рис. 30, 2).

При разрезе восточной части вала, в насыпи, был обнаружен большой булыжник удлиненной формы и собраны отдельные обломки керамики.

Переходим к описанию находок позднего поселения.

Керамика

Среди обломков керамики, найденных в позднем поселении, можно насчитать не менее 80 сосудов; основную массу их составляет лепная посуда и лишь незначительная часть приходится на долю гончарной.

Лепная керамика. Лепные сосуды довольно однородны по составу теста, выделке и обжигу и представляют собой преимущественно кухонную посуду желтого и красного цвета, с большой примесью дресвы. Эти сосуды диаметром 12—20 см, высотой

15—20 см и толщиной стенок 0.6—1 см довольно хорошо обожжены и почти все хранят следы нагара.

Здесь выделяются три группы керамики: 1) наиболее многочисленная группа (обломки 56 сосудов) представляет собой горшки с S-образным профилем, придающим этой

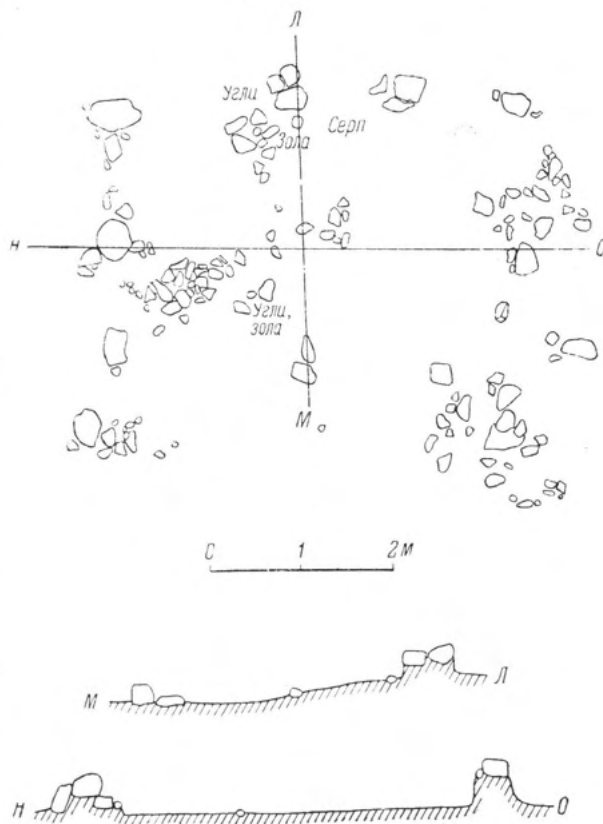

Рис. 66. План помещения № 9.

керамике сходство с раннегончарными сосудами; 2) группа, состоящая из 17 сосудов, имеет форму банки, слегка суживающейся около дна; 3) группа керамики, представленная лишь обломками 7 сосудов, характеризуется загнутым внутрь венчиком, округлым туловом и дном со слегка выступающим карнизиком.

Почти половина керамики орнаментирована. Сосуды баночной формы, имеют зацепы или насечки по венчику. На профилированных сосудах орнамент наносился главным образом по шейке или плечикам. Наиболее распространенным орнаментом являются перекрещивающиеся ряды прямых и лома-

ных линий. Довольно часто сосуды украшаются несколькими рядами округлых или овальных ямок. В отдельных случаях встречается орнамент в виде волны, штрихов и треугольников.

Гончарная керамика. Обломки керамики, изготовленной на гончарном круге, встречены в небольшом числе. Общее количество венчиков от гончарных сосудов не превышает 10. Это обломки желтых сосудов со сравнительно небольшой примесью дресвы, довольно хорошего теста и обжига, диаметром от 10 до 18 см, при толщине стенок до 8 мм. Гончарные сосуды представлены горшками S-видной формы, со слабо отогнутым венчиком и высокими плечиками. Внутренняя и наружная части заглажены. Почти все эти сосуды имеют следы нагара. Орнамент их состоит либо из нескольких рядов параллельных линий, нанесенных по плечикам, либо из штрихов, также расположенных рядами, покрывающих не только плечики, но и венчик сосуда.

Орудия и изделия из железа

Пила найдена между развалами камней помещений №№ 8 и 9, представляет собой пластину длиной 38 см и шириной 4 см, с округлой, несколько отогнутой в сторону рукоятью длиной 3.5 см, имеющей отверстие для подвешивания. Рабочая часть пилы имеет более 40 сильно сработанных зубьев. На поверхности ее сохранились следы древесных волокон (ножны?), у рукоятки видна небольшая заклепка (рис. 45, 1).

Лемех обнаружен в кладке № 1. Общая длина 14 см, длина рабочей части 8 см, толщина 5 мм. Верхняя часть его имеет вид незамкнутой втулки. Рабочая часть со следами сильной сработанности (рис. 44, 4).

Серп (обломок) лежал в развале камней помещения № 9. Сохранилась нижняя часть слабо изогнутого лезвия шириной 3 см и узкого, четырехугольного в сечении черенка длиной 5 см.

Рыболовный крючок найден между помещениями №№ 8 и 9. Длина 17 см. Стержень крючка массивный, четырехгранный в сечении (рис. 45, 2).

Гарпун лежал вместе с рыболовным крючком. Он представляет собой круглый в сечении стержень 8—9 мм в диаметре, с выступающим с одной стороны острием (рис. 45, 3).

Часть ломаного ножа с черенком встречена в помещении № 8. Лезвие (шириной 1.5 см) в месте соединения с черенком образует тупой угол. Второй нож, найденный там же, 10 см длиной, имеет довольно любопытную форму. Рабочая часть его в месте соединения со спинкой заканчивается округлым выступом (рис. 44, 3; 46, 1, 2). Возможно, что обломками ножей являются многочисленные узкие железные пластинки, встреченные в разных частях раскопа.

Дужки от ведер (?) найдены в помещении № 2. Они представляют собой четырехгранные стержни 5 мм шириной, завершающиеся с обоих концов крючками (рис. 46, 6).

Ножницы встречены в развале помещения № 5 в виде одной створки 18 см длиной, состоящей из кольца, круглого в сечении стержня и рабочей части с выступающим наружу углом.

Стрела — обломок 2.5 см длиной, с небольшим пером, лежал внутри помещения.

Гвозди и заклепки в различных частях площадки найдены в количестве более 20 экземпляров. Местами они встречались по 4—5 штук вместе. Они представляют собой круглый стержень 5—5.5 см длины, 5—6 мм в сечении, с квадратной шляпкой 2×2 см.

Заклепок значительно меньше. Они имеют довольно толстый стержень (до 1 см в сечении) длиной до 5 см, на концах которого квадратные шляпки 3×3 см (рис. 46, 3).

Пряжка (обломок) найдена близ помещения № 1, сделана из дрота сечением 5 мм и имеет округлую форму, диаметр ее 3 см.

Железные предметы неизвестного назначения найдены в разных местах раскопа, сред них: заостренная снизу пластина 16 см длиной, с закругленной головкой; заостренный стержень длиной 19 см, сечением 8 мм, верхняя часть которого завершалась крючком; куски довольно широких или узких пластин, которые могли служить накладками для деревянных и металлических изделий, и т. д.

Изделия из бронзы

Чрезвычайно любопытной находкой является бронзовый серп, обнаруженный в развале помещения № 9 вместе с железным серпом. Эта находка представляет собой изогнутую бронзовую пластинку, суженную на концах. На одном из концов пластины пробито квадратное отверстие 5×5 мм,

куда, по-видимому, вставлялась заклепка или гвоздь для прикрепления рукояти. Острый край лезвия имеет зазубрины и сильно сработан. Назначение серпа неясно.

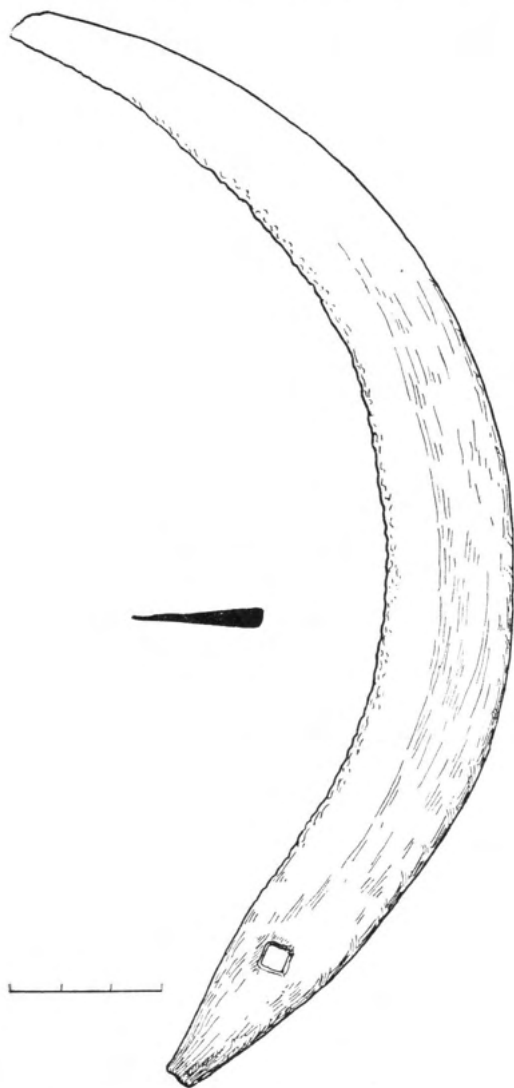

Рис. 67. Бронзовый серп. Грачевка.

Возможно, он хранился в качестве ритуальной вещи (рис. 67).

Гирька найдена в помещении № 2, имеет бочковидную форму, высоту 1.5 см, диаметр 1.5 см. На одной из уплощенных граней врезан крест. Вес гирьки около 50 г (рис. 48, 2).

Браслет найден близ помещения № 3, изготовлен из полукруглой в сечении плас-

тины, концы ее несомкнуты, диаметр 7 см; браслет орнаментирован гравировкой в виде ромбов и кружков, на концах его изображены два схематических цветка (рис. 48, 3).

Перстень, ложновитой из дрота, диаметром 3—4 мм, обнаружен вместе с браслетом (рис. 48, 1).

Изделия из камня

С железными изделиями непосредственно связаны точильные камни, число которых на поселении довольно значительно.

Большая часть находок (11 из 15) представляет собой точильные камни разнообразных размеров и форм, изготовленные из песчаника. Наиболее крупное точило (помещение № 2), длиной 19 см, шириной 4 см и толщиной 3 см, заострено с одного конца.

Точило меньших размеров (длина 11 см, ширина 1.6 см, толщина 8 см) найдено в помещении № 8.

7 точильных камней представляют собой прямоугольные бруски. Наиболее крупный из них имеет длину 16 см, ширину 4 см, толщину 2.5 см; наименьший — длину 4.5 см, ширину 2 см, толщину 0.6 см.

Как заостренные, так и прямоугольные точильные камни из песчаника сохраняют следы сработанности с обеих сторон.

В развале помещения № 9 найден точильный камень длиной 11 см, шириной 3 см и толщиной 3 см, на котором следы сработанности заметны лишь с одной стороны.

Особую группу составляют точильные камни из сланца, которых найдено 4. Наиболее крупный из них (помещение № 5) треугольной формы, с отверстием для подвешивания, имел длину 13 см, ширину 2.5 см и толщину около 1 см.

Небольшой, треугольный точильный камень без отверстия, длиной 8.5 см, шириной 1.2 см и толщиной 6 мм, обнаружен в помещении № 4.

Два остальных точильных камня, найденных в обломках, имеют неправильно прямоугольную форму.

Находки из сланца, как и точильные камни из песчаника, несут следы большой сработанности (рис. 47).

Пряслице, найденное на городище в единственном числе (помещение № 9), из розового шифера, округлое, с одной стороны уплощенное, диаметром 3 см, с аккуратно просверленным отверстием (рис. 46, 8).

Возможно, что заготовками пряслиц служили найденные в разных местах площадки обработанные камни уплощенно-цилиндрической формы, диаметром до 4 см.

Прочие находки

Янтарь найден в кусках в количестве около 300 экземпляров. По-видимому, куски янтаря попали сюда из раннего поселения.

Буса, обнаруженная в помещении № 2, стеклянная, 14-гранная, светло-синяя, длина ее 1 см, диаметр отверстия 5 мм. Ее также следует отнести к находкам раннего поселения.

Обмазка в незначительном количестве в виде кусков обожженной глины желтовато-красного цвета найдена между камнями кладок и вблизи них. На обмазке видны отпечатки горизонтальных жердей диаметром до 1 см.

Шурф на напольной площадке

На второй напольной площадке, близ первого вала (считая от мысовой части городища) был заложен небольшой раскоп площадью 20 м².

Здесь, как и на мысовой площадке, почти сразу под дерном показались камни диаметром до 60 см, лежавшие кучами на материке; быть может, они оказались здесь в результате оплыва вала. В шурфе была найдена лепная керамика, аналогичная керамике позднего поселения, куски железного шлака и железная заклепка.

2. Селище Грачевка.

На селище были заложены два шурфа по 2×2 м. Культурный слой его мощностью 50 см залегал непосредственно под дерновым покровом. В шурфе № 1 обнаружены обожженные булыжные камни, по-видимому развал очага. Здесь же найдены обломки керамики, сходные с керамикой позднего поселения, мелкие куски янтаря и железные шлаки. В шурфе № 2 встречены мелкие обломки керамики.

3. Городище у с. Богатого.⁴

Городище расположено в 800 м к северу от с. Богатого и примыкает к дороге, ве-

⁴ Г. Кроме говорит, что с этим городищем связаны легенды [Н. С г о м е. 1) Führer. . . , стр. 19—21; 2) Wehranlage. «Prussia», 1940, Bd. 34, стр. 102; 3) Karte. . . , стр. 104].

дущей из этого селения в с. Сальское. Городище занимает изолированный холм, к западу от него лежит высохшее озеро, а с других сторон простирается заболоченная пойма.

Округлая в плане площадка городища диаметром 35 м, возвышающаяся над поймой на 8 м, окружена кольцевым валом высотой 2 м, шириной 16 м у основания и 3 м у гребня. С западной стороны был расположен въезд на городище шириной 6 м.

На городище заложены два шурфа 2×2 м и сделана зачистка обнажения вала, разрытого окном. При шурфовке обнаружен культурный слой незначительной мощности (не более 25—30 см). В слое обнаружены лишь мелкие угли.

Зачистка обнажения в валу позволила установить, что под дерновым слоем была песчаная насыпь, в которой лежали отдельные булыжники диаметром 30—40 см. Камни прослеживались на глубину до 80 см (рис. 31).

4. Городище у г. Пионерск.⁵

Городище находится в 1 км к западу от небольшого приморского городка Пионерск и расположено на берегу ручья, впадающего в Балтийское море.

Городище занимает мыс первой надпойменной террасы у изгиба ручья; треугольная в плане площадка его 75×50 м⁶ возвышается над поймой ручья на 14 м, слегка поднимаясь от мыса к напольной части.

С запада и востока городище ограждено двумя глубокими оврагами, затруднявшими подступы к нему. Склоны городища срезаются.

С напольной стороны оно защищено валом, охватывающим площадку полукольцом. В настоящее время вал разрушен и прослеживается лишь в виде линз с небольшими вкраплениями угля.

Уничтожению культурного слоя способствовало, вероятно, отсутствие на городище растительности (рис. 68).

⁵ Г. Кроме считает это городище укреплением древних пруссов [Н. С г о м е. 1) Führer. . . , стр. 47; 2) Wehranlage. «Prussia», 1939, Bd. 33, стр. 265; 3) Karte. . . , стр. 111].

⁶ При определении размеров треугольных и трапециевидных площадок второе измерение указывается для наиболее широкой части.

5. Городище у с. Куликово.⁷

Городище находится в 2 км к югу от с. Куликово и в 500 м к югу от разрушенного имения. Оно стоит на мысу, занимая первую надпойменную террасу левого высокого берега ручья.

Овальная в плане площадка городища, обращенная мысом к югу, возвышается над

Во время разведочных работ нами были зачищены ямы и окопы на площадке, а также обнажения вала.

На площадке городища обнаружен культурный слой незначительной мощности (20—25 см) с вкраплениями углей, который содержал небольшое количество находок — кусок янтаря и незначительные куски глиняной обмазки.

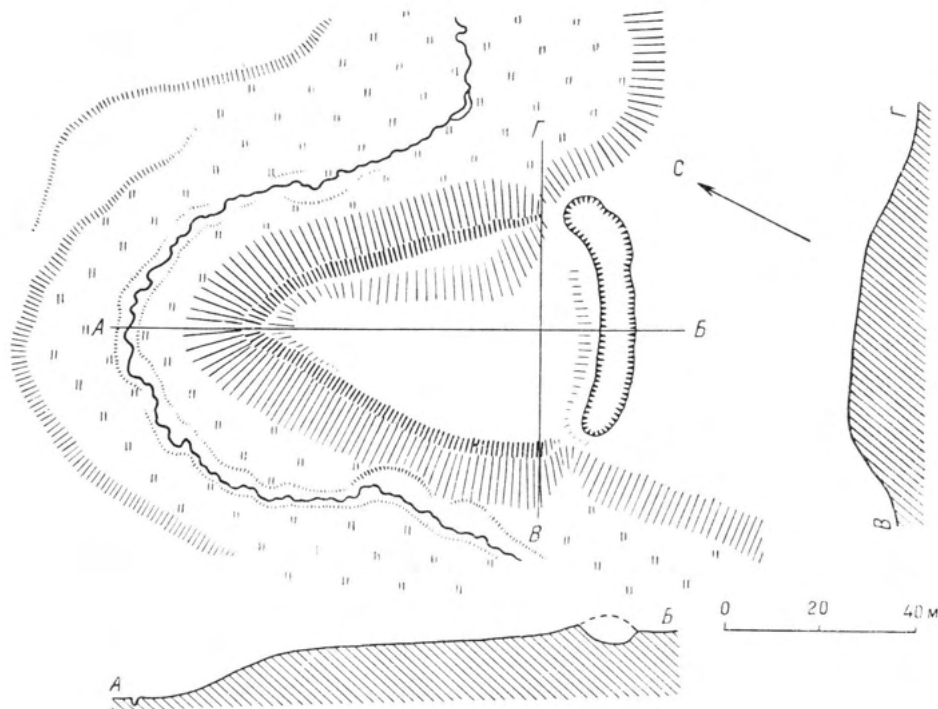

Рис. 68. План городища Пионерск.

поймой ручья на 13 м и полого поднимается к напольной части. С восточной и западной сторон городище ограждено двумя глубокими оврагами, а с напольной стороны — валом 2 м высотой, 7 м шириной у основания и 3 м на гребне. Склоны городища срезаны и весьма круты.

В 1931 г. на этом городище прусскими археологами был прорезан вал; при этом были обнаружены следы деревянных конструкций внутри вала, а на глубине 2 м — обугленные балки. При работах на городище была найдена также керамика XIII в.⁸

При зачистке обнажения вала обнаружено следующее: под дерном на глубине 40—45 см шел слой насыпного песка, далее, на глубине свыше 1 м лежал слой темно-коричневой земли, в котором на глубине 1.2 м от современной дневной поверхности залежали в два ряда камни диаметром 20—35 см (рис. 69).

6. Селище у пос. Янтарного.

Селище находится в 500 м к северу от пос. Янтарного, на возвышенном правом берегу некогда протекавшего здесь ручья. Граница селища крайне аморфная; с юга оно довольно полого спускается к ручью, с северо-запада окаймляется дорогой. С дру-

⁷ Н. Стоме. 1) Führer. . . , стр. 49, 50; 2) Wehranlage. «Prussia», 1939, Bd. 33, стр. 280; 3) Karte. . . , стр. 104. — E. Hollack. Erläuterungen. . . , стр. 79.

⁸ Н. Стоме. Führer. . . , стр. 50.

гих сторон четкие границы его было трудно проследить. Селище имеет 125×118 м.

Здесь были заложены два шурфа по 2×2 м. Обнаружен культурный слой мощностью около 40 см, содержащий незначительное число находок. Это обломки прямо-

7. Городище I у с. Русского.¹⁰

Городище находится в 250 м к востоку от с. Русского. Оно расположено на изолированном холме, у подножия которого протекает ручей, впадающий в озеро.

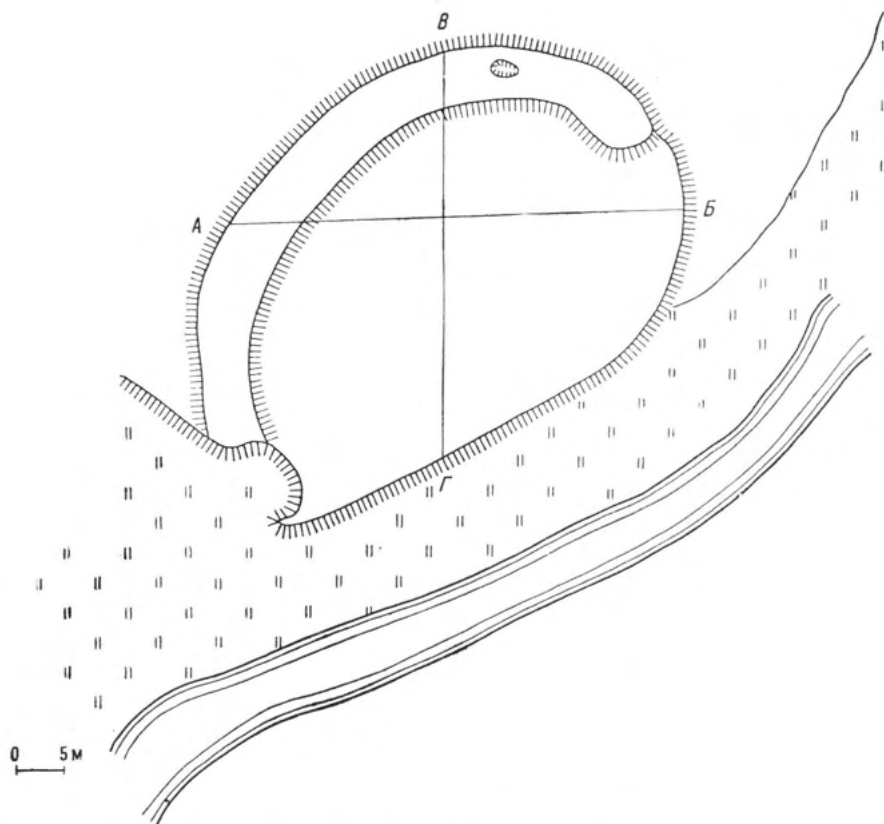

Рис. 69. План городища Куликово.

стенной лепной керамики с примесью дресвы в тесте; толщина стенок сосудов 7—8 мм (рис. 70, 3). Там же найдены: небольшой железный гвоздь с квадратной шляпкой 4×4 мм, мелкие куски янтаря, железный шлак, предмет из сланца (точильный камень?). Обнаружено несколько костей животных, не поддающихся определению.

Близ пос. Янтарного существовало еще городище с кольцевым валом.⁹ В настоящее время оно не сохранилось.

⁹ Н. С г о м е. 1) Führer. . . , стр. 37; 2) Wehranlage. «Prussia», 1939, Bd. 33, стр. 280; 3) Karte. . . , стр. 104. — Е. Н о л л а с к. Erläuterungen. . . , стр. 79, 183. — С. В е с к е r r n. Burgwälle, стр. 364.

Неправильно округлая в плане площадка городища размерами 64×60 м возвышается над поймой ручья на 12 м. Вокруг городища расположены заливные луга.

Площадка примерно на три четверти окружена валом высотой 2.5—3 м, шириной 12—14 м у основания и 3—4 м у гребня.

Обращенная к северу сторона площадки остается незащищенной и очень круто спадает вниз. С южной стороны сохранился въезд шириной 7 м.

¹⁰ Н. С г о м е. 1) Führer. . . , стр. 32; 2) Wehranlage «Prussia», 1938, Bd. 32, H. II, стр. 312; 3) Karte. . . , стр. 104. — Е. Н о л л а с к. Erläuterungen. . . , стр. 41. — «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 62.

На городище заложены два шурфа по 2×2 м и зачищено обнажение вала со стороны въезда. Больше всего материала

обнаружены обломки желтых, тонкостенных сосудов со значительной примесью дресвы. Они слабо профилированы, с шеро-

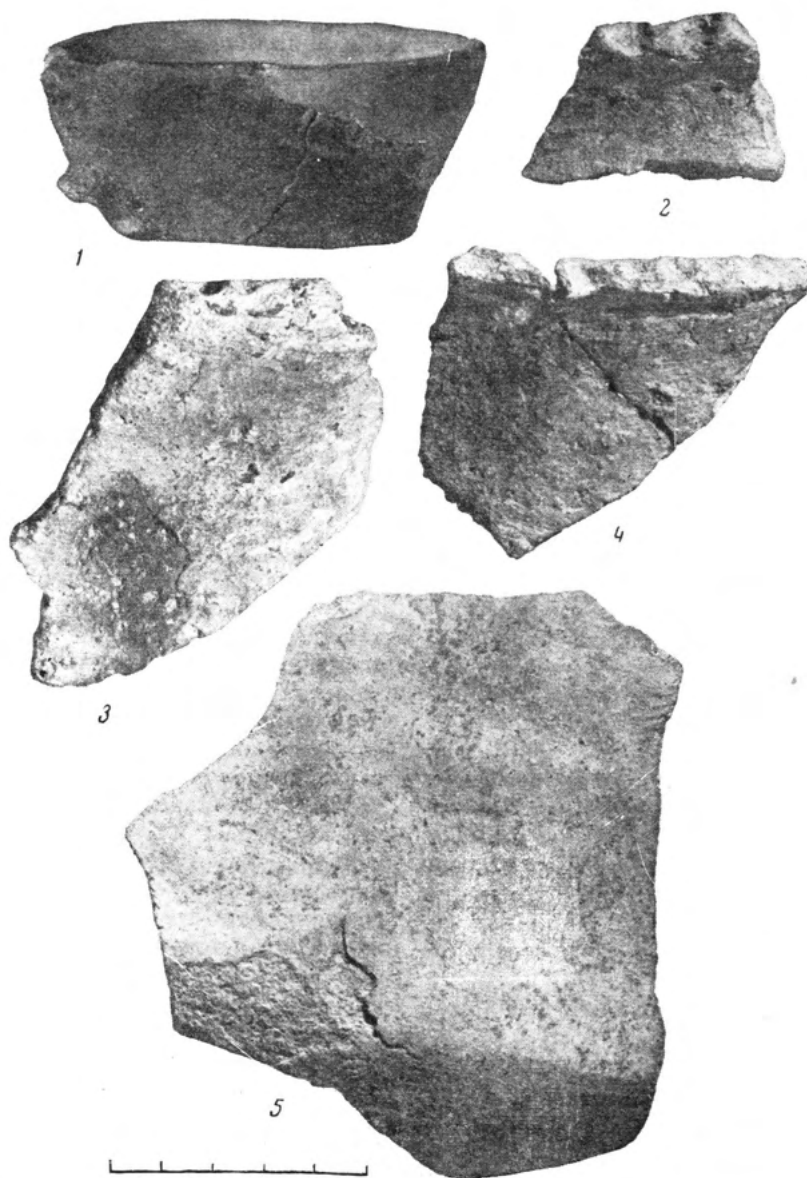

Рис. 70. Керамика поселений Калининградского полуострова.

1 — Кострово; 2 — Заозерье; 3 — Янтарный; 4 — Логвиново II; 5 — Дружное.

получено из шурфа, заложенного близ вала, и при зачистке вала.

При шурфовке на городище обнаружен культурный слой 80 см мощностью, в котором найдено довольно много керамики. Здесь

ховатой наружной и заглаженной внутренней поверхностями. Керамика орнаментирована защипами по венчику и рядами точек по тулову.

При зачистке обнажения вала под слоем насыпного песка и земли, на глубине от 50 см до 1.5 м встречаются отдельные булыжные камни 15—40 см диаметром. Под камнями снова находится слой насыпного песка и земли, в котором отмечаются отдельные золотистые вкрапления. В насыпи вала найдены обломки лепной прямостенной керамики (рис. 5).

Под валом обнаружен культурный слой около 1 м мощностью, со значительным числом находок (керамикой, янтарем, глиняной обмазкой, изделиями из железа). Здесь были обнаружены обломки лепной керамики: 1) желтой, с примесью дресвы, слабо профилированной, орнаментированной защипами по венчику и 2) черной лощеной, очень тонкой, сильно профилированной. Один из кусков янтаря неправильно прямоугольной формы, 2×1 см, обработан с одной стороны.

На обожженной глиняной обмазке отчетливо видны отпечатки тонких жердей. Поделки из железа имеют невыразительную форму, и определить их назначение невозможно.

8. Селище у с. Кострово.

Селище находилось в 200 м к востоку от с. Кострово, примыкая к шоссе, на берегу безымянной речки, впадавшей в Вислинский залив. Расположено оно на высокой надпойменной террасе, спадавшей к реке 10-метровым обрывом; оно занимало значительную площадь. С востока на запад селище протягивается на 800 м, с севера на юг — на 200 м.

Здесь была зачищена траншея и заложен шурф 3×3 м.

При зачистке траншеи обнаружен культурный слой мощностью до 50 см, содержащий небольшое количество керамики. Во время шурфовки в культурном слое отмечена яма, имевшая 30 см в диаметре и 88 см в глубину, возможно от находившегося здесь столба.

На селище собрана как лепная, так и гончарная керамика. Среди лепной керамики обращает на себя внимание черновато-серая лощеная мисочка с обломками ручек, высота сосуда 4 см, диаметр 18 см, толщина стенок 5 мм (рис. 70, 1). Остальная лепная керамика состоит из обломков грубых со-

судов со значительной примесью дресвы в тесте.

Гончарная керамика представлена красными и серыми обломками хорошего обжига (толщина стенок 5—6 мм). Обращает на себя внимание обломок тонкой миски с пробитой дырочкой у венчика.

9. Городище II у с. Логвиново.¹¹

Находится в 300 м к востоку от с. Логвиново, на возвышенности, огражденной с востока и запада глубокими оврагами. На дне западного оврага протекает ручей. Дно восточного оврага заболочено; по-видимому, здесь в прошлом тоже протекал ручей.

С севера и юга, т. е. с незащищенных сторон, городище укреплено двумя параллельными валами овальной формы, длиной около 40 м, высотой 3 м, шириной 15—20 м у основания и 4—5 м у гребня.

На городище было заложено 2 шурфа 2×2 м и зачищено обнажение южного вала (рис. 3).

В шурфе, заложенном у подножия северного вала, обнаружен культурный слой мощностью до 70 см. При шурфовке центра площадки культурный слой был обнаружен лишь на глубине 20—30 см.

Насыщенность культурного слоя находками сравнительно невелика. Здесь найдены: 1) обломки грубой желто-коричневой керамики (толщина стенок до 1 см) с примесью дресвы и со следами заглаженности изнутри, на этой керамике видны следы нагара; 2) фрагменты хорошо выделанных сосудов баночных форм, толщина стенок их достигала 5—6 мм (рис. 70, 4); 3) единичные обломки тонкостенной профилированной, черной лощеной керамики (толщина стенок 3—4 мм).

При зачистке обнажений вала на глубине 40—50 см обнаружено скопление булыжных камней диаметром до 40 см. В песчаной насыпи вала найдена керамика, представленная обломками черной, лощеной посуды, аналогичной керамике, найденной при шурфовке площадки, и желтой с примесью дресвы в тесте, слабо профилированной с защипами по венчику.

¹¹ Н. С r o m e. 1) Führer. . . , стр. 15; 2) Wehranlage. «Prussia», 1938, Bd. 32, N. II, стр. 319; 3) Karte. . . , стр. 104.

10. Городище у с. Дружного.¹²

Городище расположено в 1 км к юго-западу от с. Дружного и занимает мыс, находящийся у слияния реки с озером.

Треугольная в плане площадка городища 80×45 м полого поднималась от мыса и напольной части (рис. 4).

Северная и южная части городища обрывисты и представляют собой довольно крутые спуски к воде.

С напольной стороны площадка укреплена валом высотой 5 м, шириной до 20 м у основания и 4 м на гребне. Вал охватывает площадку полукольцом и составляет перемычку между рекой и озером.

На мысовой части городища сохранился небольшой вал, длиной 10 м, высотой 80 см, шириной у основания 10 м, у гребня 2 м. В 170 м к востоку от городища, на поле находится большой овраг.

В 1930 г. на это городище была совершена экскурсия кенигсбергскими археологами, участники которой прорезали вал. По данным Г. Кроме, в валу были обнаружены следы деревянных конструкций.¹³

Во время разведочных работ отрядом ИИМКа была произведена зачистка ямы близ мысовой части городища и заложен шурф 2×2 м в центре площадки.

При зачистке ямы обнаружен культурный слой мощностью до 1 м. На глубине 65 см здесь показались обожженные камни диаметром до 40 см, со следами углей и золы. Там же найдена керамика, среди которой особый интерес представляет обломок серого, тонкостенного сосуда с лощением, имевшего ребристый излом в придонной части (рис. 70, 5).

В центре городища культурный слой достигает 50 см, залегая непосредственно под дерновым покровом. При шурфовке встречены незначительные обломки лепной толстостенной керамики.

11. Городище у с. Заозерье.¹⁴

Городище расположено в 3 км к северу от с. Заозерье и находится на мысу первой надпойменной террасы, при впадении ручья в озеро.

¹² Н. С г о м е. 1) Führer. . . , стр. 9; 2) Wehranlage. «Prussia», 1940, Bd. 34, стр. 84; 3) Karte. . . , стр. 104.

¹³ Н. С г о м е. Führer. . . , стр. 9.

¹⁴ С этим городищем связаны легенды о существовавшем здесь замке (см.: Н. С г о м е. Führer. . . ,

Треугольная в плане площадка городища, вытянутая с севера на юг, имеет 60×45 м и возвышается над поймой ручья на 15 м, поднимаясь полого от мыса к напольным валам. Первый внутренний вал имеет высоту 6 м и отделяется рвом шириной 2.5—3 м и глубиной 2 м от второго вала, достигавшего в высоту 3 м. Второй вал отделен от третьего рвом шириной 2.5 и глубиной 1.5 м.

Высота третьего наружного вала совпадает с размерами второго.

Склоны городища срезаны и очень круты. С северо-восточной стороны отчетливо виден въезд шириной 6 м.

На городище была зачищена траншея, опоясывающая городище, и заложены 2 шурфа по 2×2 м. Культурный слой залегают здесь под дерновым покровом и имеет мощность до 65 см. В шурфе, заложенном близ вала, обнаружены остатки истлевшего дерева.

При шурфовке и зачистке траншей встречена в небольшом количестве лепная керамика.

Среди находок: 1) обломки грубой, желтой керамики со значительной примесью дровяной и с заглаженной пальцами поверхностью, форма сосудов слабо профилированная, венчик украшен заплатами (рис. 70, 2); 2) желтая тонкостенная керамика со следами лощения снаружи; 3) фрагмент черного, лощеного, очень хорошо выделанного сосуда.

12. Селище у с. Заозерье.

Близ наружного вала, на поле были собраны: лепная толстостенная, грубая керамика, куски железных шлаков и глиняной обмазки. Культурный слой распахан.

Поздняя группа поселений

13. Городище Логвиново I.¹⁵

Городище Логвиново I расположено при выходе на северо-восток из селения и в 200 м к северу от городища Логвиново II.

стр. 59). В документе от 1303 г. упоминается в качестве «mons castrensis, qui «Burgwall» vulgariter nominatur» [Н. С г о м е. 1) Wehranlage. «Prussia», 1940, Bd. 34, 111; 2) Karte. . . , стр. 107; Е. Н о л л а с к. Erläuterungen. . . , стр. 132—133. — С. В е с к е г г н. Burgwälle, стр. 375, прим. 30).

¹⁵ В немецкой литературе рассматривалось как убежище древних пруссов, служившее в средние века резиденцией епископа [Н. С г о м е.

Оно находится на мысу первой надпойменной террасы, у слияния ручья и озера.

Мысовая часть площадки, разрушенная выемками песка, имеет неправильно овальную форму, 60×30 м, и возвышается над поймой ручья на 12—14 м.

Напольная часть городища укреплена двумя параллельными валами, охватываю-

вера имеет крутой спуск к озеру (рис. 71). К прямоугольной площадке примыкает селище.

Во время разведочных работ здесь произведена зачистка обнажений мысовой части, при которой на глубине 20—25 см обнаружен культурный слой мощностью до 60 см, с находками грубой лепной керамики.

Рис. 71. Городище Логвиново I. Вид с юго-запада.

щими площадку полукольцом. Внутренний вал высотой 4.5—5 м, шириной 15 м у основания и 3 м на гребне. Наружный вал таких же размеров, как и внутренний, отделен от него вром глубиной около 2 м и шириной 5 м.

За валами к городищу примыкает площадка довольно правильной прямоугольной формы, 75×55 м, обнесенная с западной и южной сторон валом высотой 2.5 м, шириной 8 м у основания и 2 м на гребне; с восточной стороны прямоугольная площадка уступом спускается к дороге, с се-

По окончании разведочных работ на городище Логвиново было вскрыто два участка общей площадью 144 м^2 . Остановимся кратко на описании раскопочных работ.

Раскоп № 1

Раскоп № 1, являющийся продолжением разведочных расчисток, был разбит почти в центре мысовой части площадки и имеет площадь 56 м^2 .

По вскрытии дернового слоя на глубине от 18 до 50 см была встречена группа булыжных камней площадью около 8 м^2 . Расположение камней различных размеров — от 20 до 60 см диаметром — не имело каких-либо правильных очертаний, и лишь с восточной

1) Führer..., стр. 13—14; 2) Wehranlage..., «Prussia», 1938, Bd. 32, H. II, стр. 319; 3) Karte..., стр. 104. — С. В е с к h e r g n. Burgwälle, стр. 355, прим. 1. — «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 63].

стороны они образовывали прямой угол, причем некоторые камни довольно плотно прилегали друг к другу.

Близ данной группы камней, на границе их залегания обнаружена наиболее значи-

За границами залегания камней обнаружены куски глиняной обмазки, кость животного и камень со следами обработки.

На расстоянии 50 см к северу от скопления камней, на глубине 25 см лежала камен-

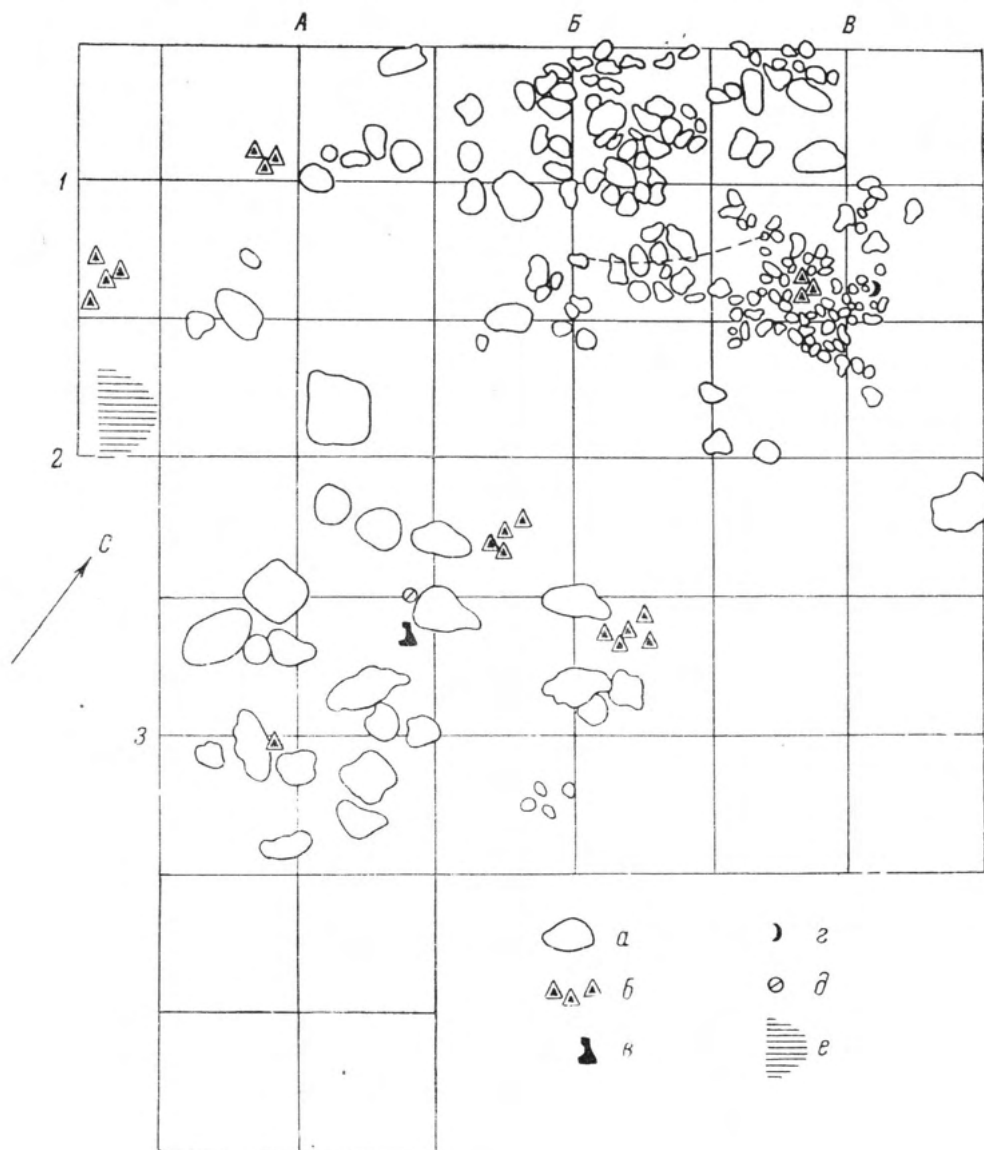

Рис. 72. Городище Логвиново I. План участка № 1.

a — камни; *b* — керамика; *в* — топор; *г* — серп; *д* — пряжка; *е* — глиняная прослойка.

тельная часть находок. С северной стороны в двух местах отмечено скопление керамики. Еще одно скопление отмечено в южной оконечности нагромождения камней. Здесь же найдены пряжка, кольцо и топор.

ная плита неправильно прямоугольной формы, с закругленными краями. Недалеко от нее обнаружены булыжные камни, среди которых лежали: точильный камень, железный гвоздь, обломки керамики и пряслице.

Северная часть раскопанного участка представляет собой почти сплошное нагромождение камней с небольшими просветами между ними. Камни различных размеров (15—40 см диаметром). Наиболее мелкие из них группировались отдельно, как бы образуя каменную вымостку, на которой также отмечаются находки. Здесь найдены: обломки керамики, серп, железные поделки неизвестного назначения и куски глиняной обмазки.

По всему раскопу прослеживались небольшие вкрапления углей.

Мощность культурного слоя на вскрытом участке достигала 50 см. Ниже шел желтый материковый песок (рис. 72).

Следует также отметить на склоне мысовой части прослойку слабо обожженной глины, частично разрушенную обрезом городища. Прослойка толщиной 20 см имела овальную форму. На некотором расстоянии от нее обнаружено скопление керамики.

Керамика

Лепная керамика. На раскопе № 1 преобладают обломки лепной желтой грубой толстостенной керамики со значительной примесью дресвы в тесте. На керамике следы нагара.

Наряду с этим встречались фрагменты отдельных тонких, лучше выделанных сосудов. Общее количество сосудов около 10. Здесь можно выделить кухонную и столовую керамику.

Кухонная посуда представлена двумя формами: 1) довольно крупными сосудами (диаметром до 24 см) баночной формы, со следами заглаживания с наружной и внутренней сторон; венчики этих сосудов иногда орнаментированы защипами (рис. 41, 7); 2) слегка профилированными сосудами, аналогичными керамике позднего поселения Грачевки; на этих сосудах также видны следы сглаживания.

Столовая керамика немногочисленна, найдены обломки лишь от двух сосудов тонкостенных (толщиной черепков 5 мм), баночной формы, с несколько суживающимся венчиком. Диаметр их равен 12 см.

Гончарная керамика. Представлена обломками 3 сосудов в форме горшков. Два из них, изготовленные из желто-коричневой глины с примесью дресвы, обработаны на круге лишь с наружной стороны и имеют слабо профилированную

форму. Третий, желтого цвета, обточенный на круге полностью, имел хорошо выработанную, прямую шейку и отогнутый, закруженный венчик.

Один из гончарных сосудов орнаментирован пояском из линий.

Изделия из железа

Топор с прямоугольным обухом 5.5×3.5 см и сильно расширяющимся книзу лезвием, которое в наиболее широкой части достигало 13 см. Толщина лезвия у края 8 мм, у обуха 3.5 см (рис. 44, 6).

Серп (обломок нижней части) имеет слабо изогнутое лезвие шириной 2 см и черенок длиной 10 см с загнутым концом (рис. 44, 5).

Пряжки: две круглые со шпеньком, диаметр одной 5.5 см, второй 1 см; одна прямоугольная, довольно крупных размеров, 5.5×4 см, из четырехгранного дрота, имевшего в сечении 7 мм.

Гвоздь обнаружен в виде стерженька длиной 10 см, в сечении 4 мм.

Изделия из камня

Точильный камень (обломок) сделан из сланца, прямоугольной формы, ширина 3 см, толщина 6 мм.

Обработанные камни из известняка, цилиндрические и круглые. Возможно, заготовки для пряслиц.

Обмазка из обожженной глины, на некоторых кусках видны отпечатки соломы.

Раскоп № 2

Раскоп № 2 размером 88 м^2 заложен в восточной части городища близ вала. Во время раскопочных работ параллельно линии вала, в 2—3 м от него, на глубине 25 см лежала группа небольших камней в форме неправильного прямоугольника 4×3 м.

В юго-западном углу этой кладки отмечено сооружение из слабо обожженной глины, овальной формы, длиной 1.4 м, шириной 50 см и высотой 40 см, поверх которого беспорядочно лежали отдельные камни.

В центре кладки находился открытый очаг округлой формы, диаметром около 1 м. Очаг был сложен из 10 булыжных камней диаметром от 10 до 50 см, окружавших глиняный под, и возвышался над землей на 20 см. Углей и золы здесь не обнаружено,

но они в изобилии встречены у западной стенки кладки и в ближайшем соседстве с ней. Внутри кладки найден железный стержень и другие железные изделия.

Рядом с описанной кладкой показались камни, составлявшие вторую кладку, также с очагом из булыжных камней, сходным по размеру и устройству с очагом первой кладки, с той лишь разницей, что в нем сохранились угли.

В границах кладки лежали поделки из железа, точильный камень и кость животного. В непосредственном соседстве с ней обнаружено скопление углей и керамики. Здесь же найдены нож, точильный камень и поделки из железа.

В 2 м к западу от второй кладки вновь встретилось сооружение из необожженной глины, длиной 1,3 м, шириной 0,4 м и высотой 0,35 м, близ которого лежали единичные камни. В этом месте раскопа сконцентрированы керамика и большое количество железных поделок; среди них дротик, гвозди и ряд неопределенных находок. Тут же найдены точильный камень, пряслице и две кости животных.

В пределах кладок, особенно вблизи очагов, почва суглинистая, за их пределами культурный слой имеет черную окраску.

Восточная часть раскопа представляет собой беспорядочное скопление мелких булыжных камней, в ряде мест здесь сконцентрированы угли.

Находки представлены: скоплением керамики, поделками из железа (среди которых были цепь и нож), точильным камнем, пряслицем и костью животного.

Мощность культурного слоя в среднем около 50 см и лишь в отдельных местах доходит до 60—65 см.

Каменные кладки и отдельные камни лежат либо на материке, либо на тонкой подстилке культурного слоя (рис. 39).

Остановимся на описании вещественных находок раскопа № 2.

Керамика

Соотношение между лепной и гончарной керамикой здесь несколько иное, чем на раскопе № 1. Из 48 реконструированных сосудов лишь 11 лепные, остальная керамика обработана на гончарном круге.

Лепная керамика полностью повторяет формы, встречающиеся на раскопе № 1. Здесь следует лишь отметить орнаментацию

сосудов в виде перекрещивающихся линий и зигзагов.

Гончарная керамика — преимущественно кухонная посуда. Значительная часть ее обточена на круге лишь частично. В ряде случаев на круге обрабатывалась только шейка сосуда, на отдельных обломках следы вращения на круге прослеживаются только с внутренней стороны.

Один из сосудов, красного цвета, из довольно плотной глины, своей формой напоминает распространенные в Грачевке сосуды баночной формы, со слегка суженной шейкой и отогнутым венчиком.

Большая часть гончарной керамики представлена обломками толстостенных (до 1 см) горшков красного, желтого и черного цветов, со значительной примесью дресвы, а иногда и слюды. Горшки, диаметр которых не превышает 20—22 см, имеют отогнутые наружу, закругленные или снабженные желобком венчики, переходящие без посредства шеек в округлые тулова. Донца сосудов без карнизиков.

Наряду с толстостенными горшками можно отметить обломки 5 темно-коричневых, иногда черных горшков меньших размеров и более тонкостенных. Диаметр отверстия их не превышает 15 см, а толщина стенки — 5—6 мм. В их тесте значительно меньше примеси, и изготовление их более тщательное.

Небольшое количество гончарной керамики выделяется четко выработанной шейкой сосуда, не отличаясь в остальном от вышеописанных горшков.

Гончарная керамика гораздо чаще и разнообразнее орнаментирована, нежели лепная. Наиболее грубые сосуды, с минимальной обработкой на гончарном круге, своим орнаментом напоминают керамику верхнего горизонта Грачевки. Таковы, в частности, довольно примитивно нанесенные зигзаги, косые насечки и елочки на горшках с рыхлым тестом и большим количеством примесей. Вместе с тем на этих же сосудах появляются ленточные и волнистые линии, получающие затем довольно широкое распространение в гончарной керамике этого городища. Большая часть гончарной керамики орнаментирована волнистыми или прямыми линиями, а иногда и теми и другими одновременно.

Для грубых сосудов характерны главным образом крупные пояски волн, в то

время как на более тщательно выработанной керамике встречаются лишь мелкие волнистые линии на близком расстоянии друг от друга.

То же относится к линейному орнаменту, сохранившемуся в виде отдельных довольно широких полос на толстостенных сосудах и перешедшему в отдельные пояски из узких линий на тонкостенной керамике. Орнамент наносился главным образом по плечикам сосуда, захватывая его наиболее широкую часть, вместе с тем нередко украшалась лишь шейка горшка, а в отдельных случаях и его придонная часть (рис. 43).

Чтобы исчерпать характеристику гончарной керамики, следует кратко упомянуть о тех обломках, которые можно условно назвать средневековыми. Количество обломков этой серой снаружи и красной изнутри, хорошо отмученной керамики горнового обжига незначительно — всего от 5 сосудов. Это сравнительно тонкостенные сосуды с ребристым и закругленным выступом на венчике, в отдельных случаях снабженные ручками, имеющими желобок в средней части.

Изделия из железа

На сравнительно небольшом раскопе второго участка найдено 48 железных поделок. Ниже дается их краткое описание.

Цепь, свыше 30 см длиной, состоит из 9 звеньев круглого дрота, имеющего в сечении 5 мм, один конец цепи завершается крючком длиной 9 см, другой — петлей с овальным отверстием 2.5×1.5 см. Возможно, что это были путы (рис. 44, 1).

Найдено два ножа. Один из них довольно большой: общая длина его 17 см. Нож имел лезвие длиной 14 см и шириной 3 см, с прямой спинкой и слегка сужающейся к острию рабочей частью. На черенке видны остатки дерева. Второй нож значительно меньше: общая длина его 6.5 см, длина лезвия 6 см, ширина около 2 см. Он имел закругленную спинку и довольно округлое завершение верхней части. На черенке видны остатки дерева.

По-видимому, остатками ножей являются части железных пластин шириной до 3 см, обнаруженных в довольно значительном количестве на этом участке.

В кладке № 1 найден стержень предмета неизвестного назначения, длиной около 15 см,

сечением 1 см. Один из концов стержня уплощен, и в нем пробито небольшое, круглое отверстие. Обломки подобных предметов с дырочками найдены и в других местах раскопа (рис. 44, 2).

Гвозди и заклепки составляют основную часть железных изделий. Гвозди длиной до 8 см, с круглым стержнем, имевшим 7—8 мм в сечении, и четырехугольной шляпкой, слегка выступающей над стержнем. Заклепки несколько меньших размеров: длиной 4.5—5 см, в сечении до 5 мм, с одного конца имели квадратную шляпку, сторона которой равнялась 1—1.2 см, а с другого — наклепанную пластинку таких же размеров (типа рис. 46, 3, 4).

В кладке № 1 лежал наконечник дротика длиной 19 см. Диаметр его круглого стержня 1.2 см, боевой части — 5 см.

Изделия из камня

Найдено 4 точильных камня из сланца, различной формы и размеров. Наименьший из них в виде брусочка 5×2 см при 6 мм толщины. Второй точильный камень треугольной формы, длиной 7 см, с дырочкой для подвешивания диаметром 3 мм. Два остальных более крупных точильных камня сохранились в обломках, на одном также было отверстие для подвешивания диаметром 5 мм. Все камни несут следы сильной сработанности.

Из двух найденных сланцевых пряслиц одно биконическое, диаметром 4 см, другое цилиндрическое, такого же диаметра и высотой 1.5 м (рис. 46, 9, 10).

Глиняная обмазка такого же состава, как и на первом участке, встречалась преимущественно вблизи камней.

Шурф на площадке № 2

По окончании раскопочных работ на городище Логвиново I были заложены шурфы на прямоугольной площадке, расположенной за валами. Здесь обнаружен культурный слой до 30 см мощностью.

Материал этой площадки представлен исключительно позднегончарной керамикой, сходной с немногочисленными фрагментами этого типа, найденными на городище.

14. Селище Логвиново.

Во время разведочных работ обследовано селище, находящееся к западу от городища.

В образе канавы здесь собрана толстостенная лепная керамика баночной формы, орнаментированная защипами по венчику. Культурный слой не сохранился.

ских скелетов принадлежал взрослой особи, во рту которой лежали удила, а второй — жеребенку. В близком соседстве со скелетами коней находилась небольшая кучка

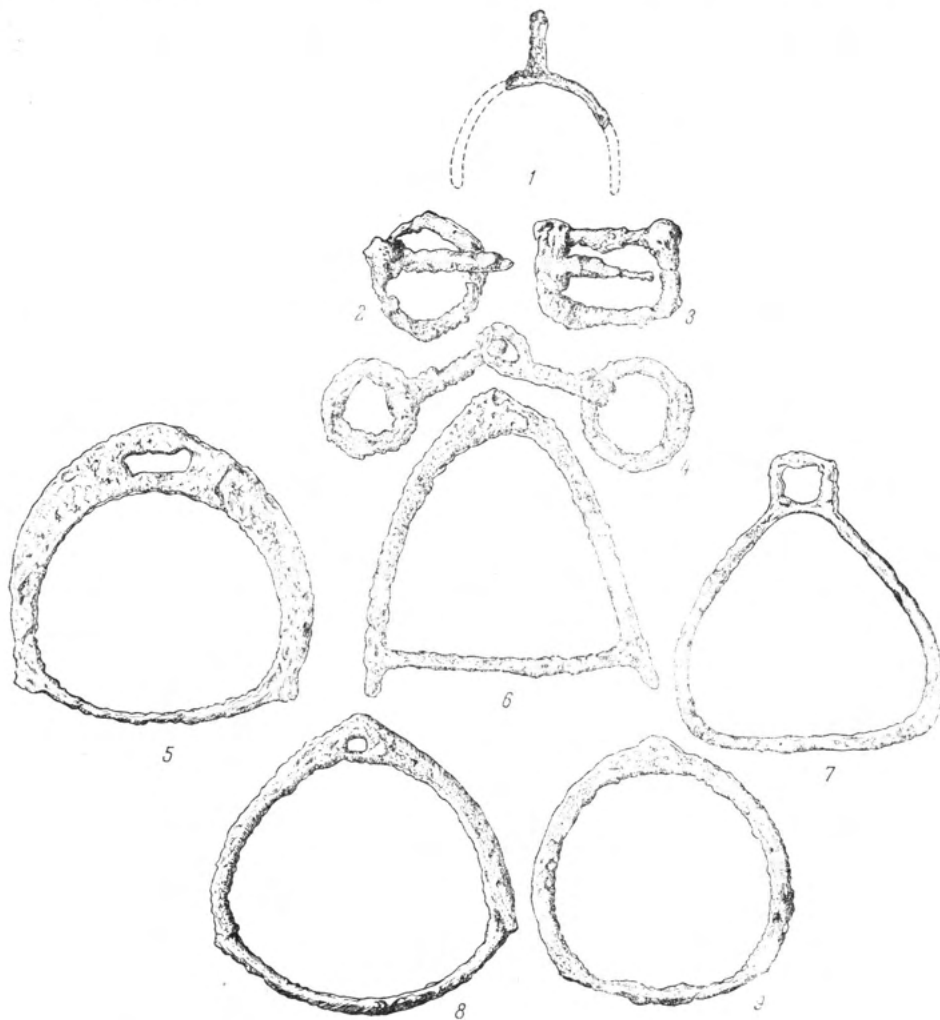

Рис. 73. Инвентарь могильника Логвиново.

1 — шпора; 2, 3 — пряжки; 4 — удила; 5—9 — стремена.

15. Могильник у с. Логвиново.

В 2 км к югу от Логвиново, в 70 м от шоссе, ведущего в Калининград, на пашне обнаружено большое количество конских костей и зубов. На поверхности лежали нарушенные скелеты двух коней, на левом боку, по-видимому в каменной кладке, от которой уцелели лишь три отдельных камня. От скелетов сохранились лишь черепа и часть позвоночника. Один из кон-

переженных костей, по-видимому остатки погребения всадника.

Близ скелетов коней и переженных костей лежали куски керамики, стремена, удила, пряжки и часть шпоры (рис. 73).

Керамика найдена в мелких обломках; по фактуре, форме и орнаменту она аналогична раннегончарной керамике городища Логвиново I.

Из 5 найденных стремян 4 однотипны. Верхняя часть их представляет собой пластину около 1 см в сечении, с прямоугольным отверстием, нижняя — овальную пластину длиной 12—13 см и шириной до 3 см в средней части. Пятое стремя сделано из стержня 5 м в сечении, с выступающей прямоугольной петлей, нижняя фигурная пластина его имела два отверстия (рис. 73, 5—9).

в диаметре. Обе пряжки снабжены шпеньком (рис. 73, 2, 3).

Сохранилась лишь часть дужки шпоры с шипом в виде закругленного стержня (рис. 73, 1).

16. Городище у с. Березники.¹⁶

Городище находится в 3 км от с. Березники, в чаще леса и занимает мыс надпойменной террасы протекающего здесь ручья.

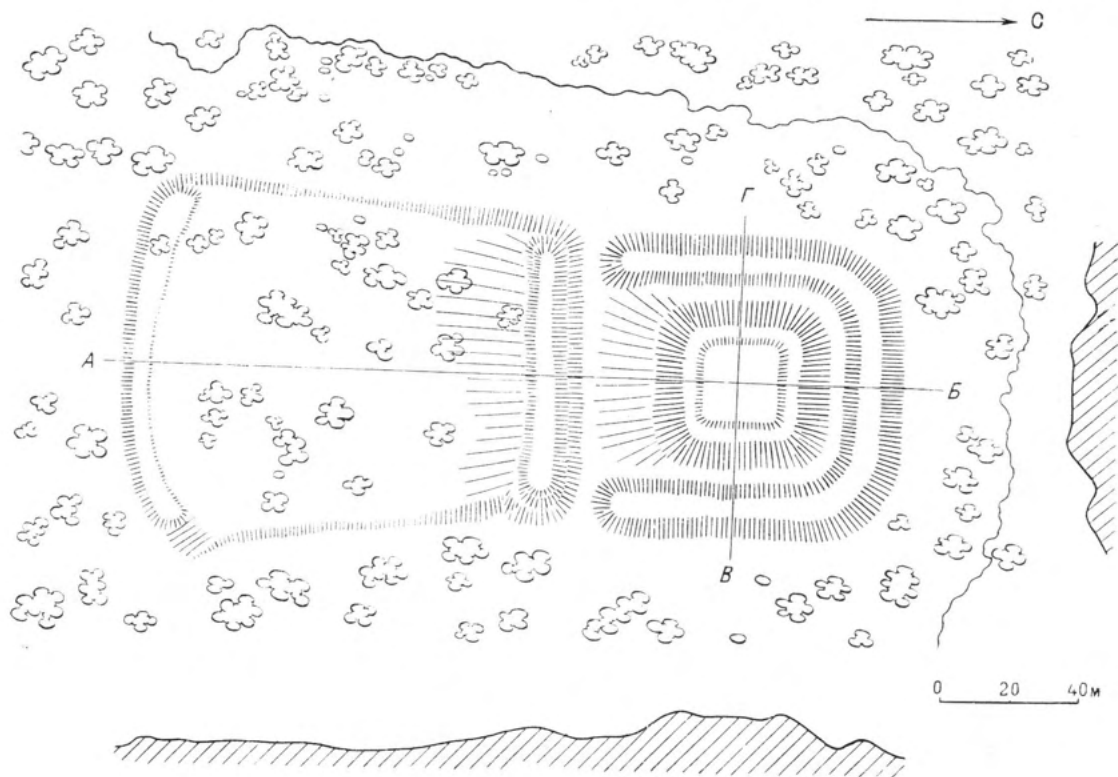

Рис. 74. План городища Березники.

В могильнике найдено двое совершенно однотипных удиц, отличающихся друг от друга лишь по размерам. Одни удила, длина которых достигает около 30 см, состоят из двух колец диаметром 7 см и двух стержней, соединяющихся посредством крючка и петли. Другие удила длиной около 20 см, диаметр их колец равнялся 4 см (рис. 73, 4).

Две пряжки из железного драта, сечением около 1 см, принадлежат, по-видимому, к убору коня. Одна из них прямоугольная, размером 7×3 см, другая округлая, 5 см

Оно состоит из двух разделенных рвом частей. Первую часть составляет квадратная площадка 40×40 м, огражденная двумя валами, из которых внутренний высотой 2 м, шириной 14 м у основания и 4 м на гребне, кольцевой, а второй, отделенный от первого

¹⁶ По мнению Бёнигга, городище основано орденом [H. C r o m e. 1) Führer. . ., стр. 30; 2) Wehranlage. «Prussia», 1940, Bd. 34, стр. 140; 3) Karte. . . стр. 140. — W. G a e r t e. Urgeschichte. Ostpreussens, стр. 386, табл. XVIII. — E. H o l l a c k. Erläuterungen. . ., стр. 180, 181. — C. B e c k h e r r n. Burgwälle, стр. 357. — «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 72].

рвом глубиной 1,5 м и шириной 6 м, ограждал ее лишь с трех сторон, обрываясь с юга. Высота наружного вала 4 м, ширина 12 м у основания и 4 м на гребне.

С юга к первой площадке примыкает вторая трапецевидная, лежащая ниже первой на 10 м и отделенная от нее рвом 50 см глубиной и 3 м шириной. С севера и юга она укреплена параллельным валом высотой 2,5 и шириной 12 м у основания, 4 м у гребня.

Незащищенные восточная и западная стороны второй площадки обрты (рис. 74).

На городище заложены 2 шурфа, размерами 2×2 м. При шурфовке первой площадки обнаружен слой гумусированной земли мощностью 25 см, с небольшими вкраплениями углей. Ниже этого слоя шел желтый материковый песок.

В шурфе, заложенном на второй площадке, обнаружен культурный слой мощностью 20—25 см. Здесь найдены немногочисленные обломки грубой лепной керамики баночной формы.

17. Городище II у с. Русского.¹⁷

Русское II имело сложную систему оборонительных сооружений. Площадка городища окружена замкнутым валом высотой 3 м, шириной 20 м у основания и 6 м на гребне. Вал достигает наибольшей крутизны с западной стороны.

Второй вал высотой 3 м, шириной 20 м у основания и 5 м на гребне отделен от первого рвом глубиной до 2 м и шириной 15 м. Этот вал имеет спиральную форму, проходит в юго-восточной части городища в виде третьей дополнительной линии укреплений.

В западной части городища между первым замкнутым и вторым спиральным валами имеются два дополнительных вала и рва.

Ближайший к площадке вал полукруглой формы отделен рвом глубиной 1 м и шириной 4 м. Этот вал высотой 7 м, шириной до 30 м у основания и 16 м на гребне.

Параллельно ему тянется еще один вал такой же формы, высотой 2 м, шириной 6 м

у основания и 3 м на гребне. Он отделен от 7-метрового вала рвом глубиной 2 м и шириной 6 м и примыкает к наружному спиральному валу, отделяясь от этого последнего рвом шириной 3 м и глубиной 1 м.

С южной стороны валы прорезаны современной дорогой, которая, возможно, совпадает с древним въездом в городище.

Ввиду того что городище расположено на высоком холме, вся дополнительная система оборонительных сооружений лежит ниже площадки, за исключением укреплений с запада (рис. 29).

В конце 70-х годов прошлого века Бёнигк произвел здесь небольшие работы, при которых обнаружил куски обожженной глиняной обмазки и гончарную керамику XII—XIII вв.¹⁸

Во время разведочных работ нами были заложены два шурфа по 2×2 м; один — вблизи въезда, другой — в северо-восточной части площадки.

В шурфе близ дороги почти сразу под дерном оказался культурный слой — черная пережженная земля, отдельные обожженные камни и угли. Мощность культурного слоя достигает 80 см. Здесь встретились куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками соломы, лепная керамика, сгоревшие зерна и небольшой кусок янтаря.

Во втором шурфе культурный слой не превышает 40—50 см. В нем найдены: гончарная керамика, обломки железных гвоздей и куски глиняной обмазки.

Лепная керамика представлена сосудами баночных форм с примесью дровяной стружки в тесте. Один из обломков имел линейный орнамент.

Гончарная керамика состоит из серых и красных профилированных обломков горнovo обжиги.

18. Городище у бывш. имения Цигенберг.¹⁹

Городище находится в 3 км к западу от с. Прохладного и в 250 м к востоку от разрушенного имения Цигенберг. Оно занимает

¹⁷ С городищем связаны легенды о зарытых кладках и заколдованных замках [Н. Сгомме. 1) Führer. . ., стр. 29—30; 2) Wehranlage. «Prussia», 1939, Bd. 33, стр. 272; 3) Karte. . ., стр. 104. — Е. Нолласк. Erläuterungen. . ., стр. 68—69. — С. Векхеггн. Burgwälle, стр. 363. — «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 134, 188, Bd. 12, стр. 120; 1886—1887, Bd. 13, стр. 93].

¹⁸ «Prussia», 1886—1887, Bd. 13, стр. 93.

¹⁹ С городищем связана легенда о заколдованной девушке. В XIV в. здесь был епископский замок [Н. Сгомме. 1) Führer. . ., стр. 20—21; 2) Wehranlage. «Prussia», 1940, Bd. 34, стр. 145; 3) Karte. . ., стр. 105. — Е. Нолласк. Erläuterungen. . ., стр. 189—190. — «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 75, 77, 80].

изолированный, возвышающийся среди заливных лугов холм высотой до 20 м.

Трапециевидная, с закругленными краями в плане площадка городища размером 50×40 м ограждена валом высотой 4 м, прерывающимся въездом в городище с северо-восточной стороны. Ширина въезда 4—5 м.

Параллельно внутреннему валу расположен второй, наружный, отделенный от первого рвом глубиной 2 м и шириной 4—4,5 м. Высота наружного вала в отдельных местах достигает 7 м.

На городище близ восточной части вала зачищена траншея. Во время зачистки обнаружен культурный слой мощностью до 1 м, в котором найдены: обломки лепной, слабо профилированной керамики с примесью дресвы, орнаментированной крупной волной, гончарная керамика с линейным орнаментом и обломки профилированных сосудов хорошего горнового обжига с ручками.

19. Городище у с. Кумачево.²⁰

Городище Кумачево по праву можно считать самым мощным оборонительным сооружением приморской части Калининградской области. Оно расположено на высоте 117 м над уровнем моря на горе, отстоящей на 1,5 км к западу от с. Кумачево.

Площадка городища в виде эллипса, размером 170×50 м, окружена двумя параллельными кольцевыми валами; кроме того, с северной стороны имеется дополнительный полукольцевой вал.

На склоне горы при входе на городище имеется еще один небольшой вал.

В 60-х годах прошлого века это городище исследовалось Вульфом, а в 70-х — Бёнигком, который сделал для музея «Пруссия» макет этого городища. По утверждению Бёнигга, семидневные работы на этом укрепленном городище не дали никаких находок и почва здесь представляла собой чистый песок.²¹

В 1950 г. при обследовании этого городища нами был заложен шурф близ западной части вала размерами 3×3 м и под дерновым

покровом обнаружен культурный слой мощностью до 1,6 м. На глубине, начиная от 50 см и до материка, встречена гончарная и лепная керамика и кусочки угля.

Среди лепной керамики найдены обломки грубых, слегка профилированных сосудов со значительной примесью дресвы в тесте. На некоторых обломках сохранились следы ногтей.

Гончарная керамика представлена обломками довольно хорошо профилированных горшков, орнаментированных пояском из линий.

20. Городище I у с. Романово.

Городище находится на северном краю с. Романово и расположено на высокой горе, у подножия которой течет ручей, впадающий в Балтийское море.

Искусственных оборонительных сооружений на городище нет, лишь склоны обрыты.

Площадка городища овальной формы, размер 100×45 м. На городище заложен шурф 2×2 м. Культурный слой, показавшийся здесь сразу под дерновым покровом, перемешан. Здесь найдены: обломки лепной керамики баночных форм, заготовки из кости, железные шлаки и кусок янтаря.

21. Городище II у с. Романово.²²

Городище находится в 1,5 км к северу от с. Романово II и на таком же расстоянии от городища Романово I. Оно занимает мыс второй надпойменной террасы в 185 м от ручья, впадающего в Балтийское море (рис. 75).

Площадка городища в форме трапеции с закругленными углами, 90×32 м, возвышается над поймой ручья на 13 м и полого поднимается к напольной части, защищенной полукольцевым валом высотой 3 м, шириной 6 м у основания и 2,5 м на гребне. С наружной стороны к валу примыкает ров глубиной 50 см и шириной 7 м. Со стороны мыса несколько ниже площадки сохранились остатки разрушенного вала высотой 50—80 см.

С севера и юга городище защищено оврагами. Склоны городища искусственно срезаны и довольно круты.

²⁰ С городищем связаны сказания о волшебном замке и закодованных женщинах [Н. С г о м е. 1) Führer. . ., стр. 17—19; 2) Wehranlage. «Prussia», 1938, Bd. 32, H. II, стр. 311; 3) Karte. . ., стр. 104. — Е. Н о л л а с к. Erläuterungen. . ., стр. 37—39. — «Prussia», 1879—1880, Bd. 6, стр. 34].

²¹ Е. Н о л л а с к. Erläuterungen. . ., стр. 38.

²² Н. С г о м е. 1) Führer. . ., стр. 45; 2) Wehranlage. «Prussia», 1938, Bd. 32, H. II, стр. 301; 3) Karte. . ., стр. 104. — Е. Н о л л а с к. Erläuterungen. . ., стр. 26. — С. В е с к х е р р н. Burgwälle, стр. 370, 375, прим. 43.

На площадке городища вблизи мыса заложен шурф 2×2 м. При шурфовке под дерновым слоем обнаружен культурный слой мощностью 25—30 см. На глубине 10—15 см здесь показались обожженные булыжные камни и угли. Там же найдены куски обожженной глиняной обмазки и несколько кусков необработанного янтаря.

мощностью до 50 см, в котором найдены обломки серой гончарной керамики горнового обжига, глиняное грузило и куски железных шлаков.

24. Городище у с. Марьино.²³

Городище округлой формы, расположено к юго-западу от с. Марьино, на правом бе-

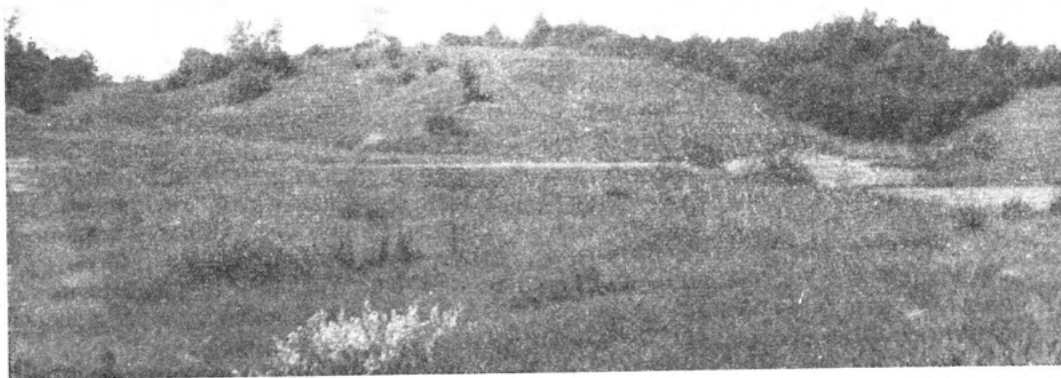

Рис. 75. Городище Романово II.

22. Вал у с. Круглово.

В 2,5 км к северо-востоку от с. Круглово возвышается подковообразный вал, у подножия которого обнаружено скопление камней и собрана серая гончарная керамика горнового обжига.

23. Вал у с. Жуковского.

Городище находится в 1,5 км к западу от с. Жуковского, на берегу Вислинского залива, на первой надпойменной террасе. Форма городища весьма аморфная. Оно имеет вид полукруглой насыпи, возвышающейся над поймой залива на 10—12 м. Длина насыпи 200 м, ширина 80 м.

Здесь произведена зачистка траншей. При зачистке прослежен гумусированный слой

регу р. Преголи, на первой надпойменной террасе, огражденной оврагами. Диаметр площадки достигает 130—135 м. Следов вала незаметно, лишь сторона городища, обращенная к реке, несколько возвышается над остальной площадкой. Склонам городища придана искусственная крутизна.

В центре площадки заложен шурф и зачищена часть траншеи, опоясывающая городище. При шурфовке и зачистке траншеи на глубине до 30 см показался слой гумусированной земли, не содержащей находок, ниже которой шел материковый песок.

²³ Н. С г о м е. 1) Führer... стр. 64—65; 2) Wehranlagen. «Prussia», 1938, Bd. 32, H. I, стр. 197; 3) Karte... стр. 102. — E. H o l l a c k. Erläuterungen... стр. 7.

Приложение 2

ЗЕРНОВЫЕ ОСТАТКИ ИЗ СБОРОВ КАЛИНИНГРАДСКОГО ОТРЯДА СЛАВЯНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИМК В 1949—1951 гг.

В. А. Петров

Грачевка

Восемнадцать образцов ооксованного зерна происходят из раскопок культурного слоя городища Грачевка Приморского района Калининградской области.

В материале различаются три вида возделываемых растений.

Богае всего представлено зерно мягкой пшеницы (*Triticum vulgare* — *T. aestivum*).

Помимо типичной формы зерновок, они отличаются отсутствием на поперечном разрезе клеток периферического стекловидного слоя (что характеризует группу твердых, а не мягких пшениц, которые по форме зерновок могли быть смешаны между собой).

Зерно хорошего выполнения, но в одном образце сильно различается по размерам. В то время как наиболее крупные достигают размеров $7.0 \times 3.25 \times 2.7$ — $7.0 \times 3.3 \times 2.8$ мм, наиболее мелкие не превышают $5.0 \times 3.0 \times 2.7$ мм и имеют очень коротко эллиптическую форму. Между зернами предельных размеров имеются все переходы, так что нельзя предполагать в образцах смешение двух различных форм. Средние размеры зерна $5.8 \times 2.8 \times 2.25$ мм.

Все зерновки хорошего налива, даже среди наиболее мелких щуплые зерновки отсутствуют. Форма зерна правильно и коротко эллиптическая, с неоттянутой вершиной. Узкая, глубокая борозда на брюшной поверхности на внутреннем конце распадается на два коротких расходящихся почти под прямым углом разветвления.

Все образцы представляют собой песчаную почву культурного горизонта, в которой в большем или меньшем количестве распределены обугленные зерна. Зерна ооксовывались при малом доступе воздуха в сухом состоянии (о чем свидетельствует сохранение исходной формы брюшной борозды) равномерно, вследствие чего совершенно не деформировались. Вероятнее всего уже в начале обугливания зерна были перемешаны со включающей породой культурного слоя и представляют собой остаток просыпанного зерна.

Уменьшение объема при равномерном обугливания, как показывают опыты, дает до 25% уменьшения первоначального объема зерна. Поэтому вероятно не будет ошибкой считать исходный размер крупных зерен равным $8.75 \times 4.0 \times 3.4$ мм, т. е. они мало уступали по размерам современному невысокосортному зерну мягкой пшеницы.

Отсутствие щуплых зерен, хороший налив и полное отсутствие сорняков позволяют предполагать, что пшеница возделывалась на достаточно плодородных, неистощенных землях (например, на подсечных полях первого или второго года после подсека), в которые не вносили удобрения, всегда связанного с привнесением зачатков сорняков.

Следующим по размеру образцом является метельчатое просо (*Panicum miliaceum* L.).

Зерно проса, как и пшеницы, ооксовывалось перемешанным с породой культурного слоя; поэтому оно представлено отдельными обугленными зернами, а не крупными спекшимися кусками, как бывает при обугливания зерновых запасов, а не просыпанного зерна.

Ввиду чрезвычайного сходства по форме и размерам зерновок метельчатого проса и итальянского проса (*Setaria italica*), единственным объективным признаком для различения обоих видов злаков оказывается строение кремневых клеток эпидермиса зерновых чешуй, в данном случае соответствующих строению клеток именно метельчатого проса.

Русское II

Два образца обугленных растительных остатков происходят из разведочных раскопок городища Русского II. В обоих образцах обильно представлены семена гороха (вид рода *Pisum*).

По ископаемым обугленным семенам мы можем различить только по абсолютным размерам семян два возделываемых вида гороха: горох-пелюшку (*P. arvense*) и обыкновенный горох (*P. sativum*).

Рассматриваемый образец имеет семена среднего диаметра — от 4.2 до 4.5 мм; несколько наиболее крупных имеют диаметр до 6 мм. Учитывая усадку, претерпеваемую семенами гороха при обугливания, исходные размеры можно считать в среднем близкими к 5.5 мм, отдельные же экземпляры в диаметре достигают 7 мм.

Принято считать, что горохи, имеющие семена до 6 мм диаметром (в свежем состоянии), относятся к пелюшкам (*P. arvensis*),

имеющие же более крупные — к настоящим горохам (*P. sativum*).

Образец из городища Русского II занимает промежуточное положение и как бы свидетельствует о моменте перехода от менее облагороженных возделыванием пелюшек к более облагороженным настоящим горохам. Семена имеют правильно шаровидную форму, хорошего налива, с поверхности не морщинисты и не угловаты, так что нет никаких оснований думать, что обуглены незрелые семена настоящего гороха.

СПИСОК ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ МЕСТ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Калининградская область

Новое наименование	Старое наименование	Новое наименование	Старое наименование
Анграпа	Анграп	Курская коса	Куриш-граф
Балтийская коса	Фриш-нерунг	Курский залив	Курише-нерунг
Безымянка	Нускерн	Лазовское	Тремпау
Близнецово	Повайен	Логвиново	Гросс-Меденау
Богатое	Покальштейн	Лунино	Зандитен
Великолукское	Варгинен	Люблино	Зеерапен
Вербное	Даринен	Марьино	Арнау
Вершинино	Плютвинен	Медведево	Норгау
Веткино	Штапорнен	Мотевелово	Моганен
Ветрово	Экритен	Муромское	Ляптау
Вешей	Весцейтен	Надеждино	Твергайтен
Вислинский залив	Фриш-гаф	Некрасово	Кнепельсдорф
Вишнево	Возегау	Низовка	Надрау
Вольное	Шульштейн	Новое	Штейнитен
Грачевка	Краам	Озерово	Транзау
Гурьевск	Нейхаузен	Окунево	Нодемс
Гусев	Гумбинен	Отрадное	Георгенсвальде
Дружное	Медникен	Охотное	Бискобникен
Дунаевка	Тиренберг	Парусное	Гафкен
Жемчужное	Шаакен	Пионерск	Нейкурун
Жуковское	Марген	Поваровка	Кирпенен
Журавлевка	Покирбен	Подгорное	Гамзау
Зайцево	Трениетен	Поддубное	Фюрстенвальде
Заозерье	Рёдсманнхофен	Полесье	Отенхаген
Заостровье	Каймен	Преголя	Прегель
Заречье	Рантау	Приморск	Фишгаузен
Зеленоградск	Кранц	Прозорово	Гайдау
Земляничное	Бовау	Просторное	Зеэфельд
Изобильное	Кляйп-Флис	Прохладное	Крагау
Инструч	Инстер	Родники	Радникен
Калининградский полу-остров	Земландский полу-остров	Романово	Побетен
Каменка	Михелау	Русское	Гермау
Камышенка	Настренен	Сальское	Санкт-Лоренц
Коврово	Долькейм-Натцау	Светлогорск	Раушен
Колоды	Поерштитен	Соколовка	Дамбрау
Колосовка	Вилгайтен	Сокольники	Вайшкитен
Кострово	Блюдау	Сычево	Кратлау
Котельниково	Варенген	Узловое	Нейендорф
Краснофлотское	Корбен	Хрустальное	Викау
Кремнево	Блюменау	Цветное	Каллен
Круглово	Поленен	Черняховск	Инстербург
Кудрипка	Бакельн	Чехово	Годникен
Куликово	Крингитен	Шиповка	Повайен
Кумачево	Куменен	Янтарный	Пальмникен
		Ястребки	Липшкау

Литовская ССР

Новое наименование	Старое наименование	Новое наименование	Старое наименование
Андулай	Андуллен	Клайпеда	Мемель
Аукштакиемис	Оберхоф	Люмионай	Люмпенен
Барсдунай	Барсдунен	Рубокай	Рубокен
Вешей	Весцейтен	Шернай	Шернен
Грейжнай	Грейсценен		

Продолжение

Польская Народная Республика

Новое наименование	Старое наименование	Новое наименование	Старое наименование
Бабинта	Бабинтен	Мрангов (повет)	Зенсбург
Боцвинка	Альт-Нейбодшвинкен	Окраски	Кетенберг
Венгоборк	Ангербург	Ольштин	Аленштейн
Гижицко	Лётцен	Прусиновска-Вольг	Прушиновен-Волька
Голдап	Гольдап	Роминта	Роминтен
Грунайка	Грунейкен	Русская Весь	Рейшендорф
Езерко	Езеркен	Снярдвы	Спирдингзее
Келары	Келарен	Тумяны	Даумен
Кентржинский повет	Растенбург	Фромборк	Фрауэнберг
Махары	Махарен	Эльблонг	Эльбинг
Мойтины	Мойтинен	Эльк	Лик

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 Общественных Наук
 Академии Наук СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Список сокращений	6
Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.	
Введение	7
Глава I. Поселения второй половины I тысячелетия до н. э.	18
Глава II. Памятники первых веков I тысячелетия н. э.	38
Глава III. Памятники середины I тысячелетия н. э.	95
Глава IV. Памятники конца I — начала II тысячелетия н. э.	131
Заключение	148
<i>Приложения 1—5</i>	
<i>Приложение 1.</i> Материалы к археологической карте Верхнего Подвинья	152
Первая группа поселений (второй половины I тысячелетия до н. э.) (стр. 152). —	
Вторая группа памятников (первых веков I тысячелетия н. э.) (стр. 184). —	
Третья группа памятников (середины I тысячелетия н. э.) (стр. 219). —	
Четвертая группа памятников (рубежа I и II тысячелетий н. э.) (стр. 287).	
<i>Приложение 2.</i> Зерновые остатки из сборов на городище в ур. Подгай (по материалам Западновинского отряда Славянской археологической экспедиции ИИМК в 1950 г.) (В. А. Петров)	323
<i>Приложение 3.</i> Определение костных остатков из городища в ур. Подгай (И. М. Громов)	325
<i>Приложение 4.</i> Определение костного материала из раскопок Западновинской археологической экспедиции 1951—1952 гг. (В. И. Библикова)	326
<i>Приложение 5.</i> Определение клада из дер. Ямище. (И. Г. Спасский)	327
Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (По материалам Калининградской области)	
Введение	328
Глава I. История изучения памятников	330
Глава II. Поселения	337
Глава III. Могильные памятники	379
Глава IV. Этнический состав населения и вопросы социально-экономического строя	407
<i>Приложения 1—2</i>	
<i>Приложение 1.</i> Памятники, обследованные Калининградским отрядом Славянской экспедиции ИИМК в 1949—1951 гг.	419
<i>Приложение 2.</i> Зерновые остатки из сборов Калининградского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1949—1951 гг. (В. А. Петров)	448
Список переименованных мест, упоминаемых в тексте	450

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ РСФСР (Серия МИА № 76)

Утверждено к печати Институтом Археологии АН СССР

Редактор издательства *К. И. Кочергин* Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры: *Н. В. Григорьева, Г. А. Мирлиниченко и Т. Г. Рыбкина*

Сдано в набор 9/VI 1960 г. Подписано к печати 28/X 1960 г. РИСО АН СССР № 68—8Р. Формат бумаги 84×108^{1/16}. Бум. л. 14^{1/8}. Печ. л. 28^{1/4} = 46.33 усл. печ. л. + 8 вкл. Уч.-изд. л. 47.59 + 8 вкл. (2.8). Изд. № 800. Тип. зак. № 736. М-26911. Тираж 1400.

Цена 32 р. 80 к. С 1 января 1961 г. 3 р. 28 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Столбец</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
<i>Между стр. 12 и 13 вклейка (рис. 1) — на карте пропущена порядковая цифра 140</i>				
20	Правый	1 сверху	137),	140),
20	»	11 снизу	137).	140).
98	Левый	11 сверху	125,	124,
154	Правый	17 »	булава	булавка
158	»	25 снизу	городище,	городища,
200	»	23 »	конелюрами	каннелюрами
213	»	10 сверху	Avis aries).	Ovis aries),
213	»	19 снизу	Avis aries),	Ovis aries),
231	Левый	9 сверху	на юг, с севера	с севера на
261	»	28	не	но
265	Правый	14 снизу	Avis aries),	Ovis aries),
308	»	17—18 сверху	курган от	курганом
321	Левый	4 »	сопководных	сопковидных
423	»	13 снизу	желтая глиняная	желтоглиняная
424	»	21 сверху	рис. 20).	рис. 19).
430	Правый	16 снизу	среди них	среди них
443	Левый	1 сверху	В образе	В обресе
450	Четвертый	4 »	Куриш-граф	Куриш-гаф
451	»	3 снизу	Фрауэнберг	Фрауэнбург